

Калинаускас И. Н.

Жить надо! — СПб.: ИК «Невский проспект», 2003. — 320 с. (Серия: «Школа Мастера Игры Игоря Калинаускаса»).

ISBN 5-94371-446-4

Игорь Калинаускас: «Человек создан для радости жизни». Может быть, стоит подумать, почему это счастье — жить — чувствуют лишь немногие? Если вы стремитесь к духовным вершинам или просто хотите встречать каждый день с неподдельным интересом и радостью «Школа игры» откроет вам новый взгляд на мир, даст неожиданные и порой парадоксальные ответы.

Есть возможность не просто быть винтиком социальной машины, а превратить свою жизнь в захватывающее ежеминутное действо. Есть шанс стать хозяином своей судьбы и установить в ней те законы, которые нужны именно вам. Для Игоря Калинаускаса этот шанс — Жизнь. Она всегда на первом месте — это основной источник, смысл и урок, а дело человека осознать, любить ее и управлять ею.

Калинаускас И. Н.
ЖИТЬ НАДО!

*Как странно мир устроен.
Как страстно*

Часть первая МИР ЛЮДЕЙ

ЖИВОЙ ЧЕЛОВЕК

Я сегодня чувствую себя живым классиком. Понимаю, что вообще уже не надо было бы появляться, я только мешаю. Но пока живу еще...

Я не случайно начал с этой полушутки. Существует такая психологическая установка: когда есть книги, ученики, последователи, преследователи, когда уже есть имидж, то сам, собственно говоря, материальный носитель всего этого лучше выглядит в виде памятника или фотографии. Почему? Пока сам с этим не сталкиваешься, не очень и задумываешься.

Вообще живого человека представить очень трудно. А главное — самого себя в качестве живого человека представить тоже очень трудно.

Каждый, кто пытался это сделать, знает, как это трудно. Все время хочется с собой поступить так, как мы в большинстве случаев поступаем с другими и с миром, — *вставить в рамку*. Причем это такая рамка, в которую помещается только то, что лично для нас приемлемо, нам понятно и соответствует нашему мировоззрению, нашему представлению, нашим знаниям о том, как должно быть.

Человеку трудно обойтись без рамки и по отношению к окружающему пространству, и по отношению к себе, и тем более — по отношению *к другому*.

Это и есть та тема, которую мы условно назвали **психопатологией обыденной жизни**. Я не имею в виду медицинский аспект. Речь идет о том, что *очень трудно воспринять человека живым*.

Давайте и начнем наше исследование именно с этого вопроса: почему человеку трудно воспринимать себя во всей своей полноте, противоречивости и изменчивости, то есть живым?

Во многих традициях высшим духовным достижением считается пережить себя реально, во всей полноте переживания, осознать себя частью человечества. Самым простым считается пережить себя частью космоса. Поэтому сейчас так много людей, которые учатся непосредственно у космоса. Еще больше людей, которые учатся не у всего космоса, а, скажем, у звезды Орион, у двенадцатого или двадцать четвертого уровня реальности. Видите, даже тут вырезаются кусочки, чтобы облегчить себе восприятие безразмерного.

Более сложным делом считается переживание себя во всей полноте частью пустоты. И самым сложным — переживание себя как части человечества!

Почему? Да потому, что живой человек еще труднее поддается какой-либо ограничительной концепции, чем мироздание. Ибо он содержит в себе такой диапазон разнообразия, который принять полностью почти невозможно. Об этом толкует одна из самых парадоксальных притч о буддийском Мастере.

Буддийский Мастер пришел в деревню, и утром ему нужно отправиться в другое селение. Он спрашивает: «Как пройти?» Ему говорят: «Придется идти кругом. Хотя прямая дорога через лес короче, но по ней уже много лет никто не ходит». — «Почему?» — «А там, — говорят, — сидит человек, который поклялся отомстить за убийство брата и убить тридцать человек. Двадцать девять уже убил, и вот уже несколько лет никто там не ходит — бояться. А он тридцатого, последнего, ждет».

Естественно, буддийский Мастер отправился короткой дорогой. Спрыгивает перед ним с дерева страшный убийца и говорит: «Ты — святой человек, неужели тебя не предупредили, что я тут сижу и жду тридцатого? Я дал обет и должен его выполнить. И я вынужден буду убить тебя, святого человека. Что же ты так глупо поступил?»

Ну действительно глупо. Представьте себя на месте Мастера. Вас предупредили об опасности. И вы что, туда пойдете?

А Мастер пошел и говорит убийце: «Я для того и пришел, чтобы ты меня убил и освободился, наконец».

Тут с человеком, убившим двадцать девять невинных, случилось потрясение. Он стал учеником этого Мастера. И впоследствии прославился как один из очень известных буддийских Мастеров.

Как же так? Убийца, сознательно погубивший двадцать девять человек, впоследствии стал буддийским Мастером?

Как же так? Падшая Мария Магдалина стала святой?

Как же так? Многие люди проводили жизнь бурно и часто не совсем пристойно и благостно, а после этого стали святыми?

Мы так к этому притерпелись, что не очень задумываемся. Но ведь в одном человеке всегда живут и преступник и святой, и в человечество входят, с одной стороны, Гитлер и какой-нибудь подзаборный пьяница, а с другой — Христос, Магомет, Учитель Мориа. И все это в каждом из нас — в полном наборе. Если кто-то из вас убежден, что в нем нет чего-то, принадлежащего человечеству, то он находится в сладчайшей иллюзии, то есть старательно засовывает себя в рамку.

Просто еще не было ситуации, условий, руководства, социального внушения, чтобы все это, сокрытое, проявилось. Ведь не все люди, прошедшие бурную молодость, становятся святыми, и не все святые могут похвастаться бурным прошлым.

Все есть в нас, ибо все мы по образу и подобию созданы. По одному образу и по одному подобию.

Вопрос в другом!

- Сами мы распоряжаемся этим внутренним богатством или только пребываем в иллюзии, что распоряжаемся?
- Или мы всю жизнь пытаемся доказать, что этого богатства, этой полноты в нас не существует: «этого во мне нет, и этого во мне нет, и этого, и этого»?

Есть, в каждом есть все.

Мы все сделаны из людей, не из чего другого, даже если у нас учителя с Ориона. Это не меняет ситуацию, потому что сами-то мы все равно из людей!

Осознать себя человеком

Для того чтобы разобраться со всем этим более или менее профессионально, нужно иметь бесконечное мужество. Легче одному с саблей в руке кинуться на полк врага, чем позволить себе добраться до серьезного ответа на вопрос: *что есть человек?*

Читая книги разных мудрых людей, ученых и мыслителей, мы видим (если хотим видеть), что почти все авторы сами ставят границу, до которой изучают человека.

А ограничить человека — отсечь у него нечто, ему принадлежащее, — это форма убийства, потому что, как только человек лишается чего-то, он перестает быть живым.

В познании, как и в самосознании, явно или скрыто действует принцип: чтобы исследовать человека, надо его «убить». Надо превратить его в «труп», не обязательно в физическом смысле. Нужно обрезать все лишнее, ненужное, с точки зрения исследователя, а то, что останется, изучать под названием «человек».

Естественно, что в повседневной жизни у нас нет такого мужества, нет такой любви и такого знания, чтобы воспринимать человека полностью живым. Поэтому за свою историю люди создали массу *всевозможных приспособлений*, которые позволяют уйти от столкновения с живым человеком.

Первая фундаментальная патология обыденной жизни: Мы и Они

Первое приспособление, чтобы уйти от столкновения с Живым, — это всем известное разделение на *Мы* и *Они*.

Попробуйте выяснить у самого себя, кто у вас входит в *Мы* и где находятся все остальные — *Они*.

Объем нашего Мы — это и есть та рамочка, через которую мы смотрим и на себя, и на другого человека. Все, что Они, — выпадает.

А ведь критериев определения по отношению к тому, что это *Мы* или *Они*, огромное количество.

Они — это те, которые не верят в это, в то, третье, десятое.

Они — это те, которые живут не так.

Они — это те, которые действуют не так.

Они — это те, которые нечестные, такие-сякие. Они, они, они...

Где мы живем? В небольшой компании *Мы*, а кругом — *Они*. Какая часть человечества — *Мы*? Кругом *Они*. А нас, которые *Мы*, очень немного. Чем нас меньше, тем больше *Я*. Таких, как *Я*, мало, а кругом *Они, они, они...*

Примеров конфликтов *Мы* и *Они* в человеческой жизни много. В мировой литературе, в мировом искусстве существует такая тема: когда он или она силою любви вдруг оказываются связанными с кем-то *не из наших*. Полюбила врага или как бедный Андрей в повести «Тарас Бульба» полюбил полячку. Полюбил и своих товарищей предал. *Что ж это за любовь?* Отсечь головы обоим. Обоим: и с той стороны, и с этой, если один из них не перетянул того к нам.

Что же получается? Получается смешно и парадоксально. Представьте, что вы пришли в магазин, где продают ананасы. Вы пришли ананасы покупать. Но пока вам там голову морочили, выяснилось, что вы вступили в Партию. А ананасы в общем-то гнилые, вы так ни одного и не купили. Но зато вы теперь *наш*. И каждый магазин, вместо того чтобы гордиться, что он продает хороший продукт, гордится тем, что завлек *в нашу ячейку* наибольшее количество людей.

Вот это **первая фундаментальная патология** нашей жизни, когда при любом контакте с человеком происходит попытка прежде всего выяснить: *«наш — не наш»*.

Вам понравился он или она. Казалось бы, и вы понравились. Но оказывается, этого мало. Еще нужно выяснить, это *наш* или *не наш*. Если ваш избранник *не наш*, то надо непременно сделать его *нашим*.

А если выяснилось, что он *не наш* и к нам не хочет, а хочет вас перетянуть к ним, — развод, потому что, значит, не любит, не так любит, не совсем любит и вообще коварный.

Мораль сей басни такова: если вы не хотите испытывать таких разочарований, не ходите на сторону, крутитесь среди *наших*. Начинайте сразу с этого, раз вам так важно: *наш* — *не наш*.

Доведенный до абсурда, этот принцип приводит к тому, что отец доносит на сына, сын доносит на отца, мать отрекается от детей, дети отрекаются от родителей. А как жить с *не нашим*? Как жить не в *Мы*?

Как жить просто среди живых людей? Вот над этим и думают духовные мыслители всех времен. Оказывается, это самое трудное, почти невозможное. Потому что для этого и себя нужно воспринять как живого, в котором все есть, и быть готовым к **странствию по социально-психологическим мирам, готовым быть своим везде.**

Но это же беспринципность? Так обо мне и говорят. Артист. Везде приспособится. Среди воров — вор, среди артистов — артист, среди духовных искателей — духовный искатель. Так кто же он тогда на самом деле? «Игорь Николаевич, скажите, наконец, вы черный или белый?» — спросили меня на одной из встреч. Я — никакой. И это очень трудно. Потому что, куда ни придешь, везде начинают с того, что спрашивают (прямо, косвенно, так или иначе): ты из *Мы* или из *Они*?

Никого не интересует человек, каков он есть сам по себе. Пока не выяснена принадлежность: *ты из какого Мы*?

Очень часто общаешься с людьми и выясняешь, что они вообще не знают, как выглядят их мать, отец, жена, муж, дети. Не знают и никогда над этим не задумываются. Главное, рядом все свои. Главное, чтоб жизнь проходила незаметно и никого вокруг не надо было замечать.

Пришел домой, и чтоб ничего не раздражало, то есть ничего не высывалось. А чего мы не замечаем, того как бы и не существует. День не замечаем, месяц, годы, а потом: *Ах, откуда такое взялось? Откуда у таких родителей такие дети? И наоборот, у таких детей такие родители? И почему невесты все хорошие, а жены — жуткие? А почему женихи все такие обаятельные, а мужья все — сволочи?* Да по той же самой причине.

«Давайте хотя бы поделим, — говорят, — людей на мужчин и женщин и будем разговаривать о мужском и женском начале, об их преимуществах и недостатках. И уже хорошо, и уже не все черные. Мы — женщины или Мы — мужчины».

Покажите мне такого мужчину, в котором нет ничего женского. Не вижу. И женщину, в которой нет ничего мужского, не вижу. Но все пытаются представить себе, что не существует ничего другого, что они только такие, какими себя знают.

Встретить живого человека очень трудно. Не потому, что он прячется. А потому, что мы от него бежим. Вот где источник психопатологии обыденной жизни.

Отсюда популярность всякого рода гороскопов. Чем проще, тем лучше. Заметьте, астрологией как наукой интересуются очень мало людей. Потому что там надо вычислять на ЭВМ, а раньше без ЭВМ, представляете, сколько нужно было бы составлять один гороскоп? А вот то, что в журналах:

- Ты кто?
- Весы. А ты?
- Я Стрелец.
- А как у нас с тобой?
- А у нас с тобой никак. До свидания.
- А ты года чего?
- Я года Тигра. А ты?
- Я года Обезьяны.
- А Обезьяна всегда обманывает Тигра. До свидания.
- Да ты постой, я не собираюсь тебя обманывать.
- Обманешь. Так в гороскопе написано.

Отсюда превращение **соционики** (науки о социально-информационных типах человека) в своеобразный гороскоп, игру для взрослых. В описания, кто кому подходит и кто кому не подходит, и почему.

— Ты кто?

— Я Гюго. А ты кто?

— Я Штирлиц. Извините. И вообще, ты не можешь так говорить, потому что это не соответствует описанию. «Гюги» так не говорят.

Любой материал, который дает возможность быстро, без труда, со ссылкой на авторитетные источники избавиться от шанса столкнуться с живым человеком, был, есть и будет самым расхожим товаром на психологическом рынке.

Нравится нам это или не нравится — так было, так есть и так будет. И еще очень долго, если человечество долго проживет. А казалось бы, невинное увлечение — гороскопы или соционика. Так забавно. Как в сумасшедшем доме.

— Ты кто?

— Я Водолей. А ты кто?

— Я Рак.

Вот такая патология. Идешь по улицам, едешь в автобусах, в метро и только и слышишь: Водолей, Тигр, Овен.

Скоро уже на груди бирку будут носить, чтоб не приставали чужие. Сразу чтоб было ясно: вот *«Водолей, год Обезьяны, Дон Кихот, доминанта 2В, темперамент — сангвиник»*. Все данные. Чтоб сразу к чужим и не подходить. А свои чтоб сразу узнавали. Так удобно. Представляете, ни одного живого человека не останется. Сплошные памятники.

Сразу ясно, где *Мы*, а где *Они*. И не просто так, а на научной основе: *«Это не мой субъективный язык, это наука установила!»*

Ну, я думаю, что этот аспект раскрыл. Теперь оставляю вам простор для творчества, чтобы вы сами могли делать свои открытия, обнаружив этот вирус в самых неожиданных местах. А он действительно везде присутствует. Даже там, где, казалось бы, ему места нет.

Вторая патология обыденной жизни: человек многоликий, или патология масок

Следующая патология обыденной жизни состоит в том, что человек многолик. То бишь у него есть **маска (персона)**, у него есть лица для социальных ролей, у него есть индивидуальность, у него есть сущность, у него есть искра божья, у него есть то, се, третье, десятое.

Казалось бы, ну что плохого в том, что у человека так много всего есть? Какая тут может быть патология? Не я ли сам в своих книжках и лекциях говорил, что вообще каждое общение должно способствовать пробуждению сущности? Ну, пробудили. *Что дальше?* Все остальное отрезать? Нельзя.

Почему? Да потому, что в человеке ничто не важнее другого, человек — целое.

Что же у нас получается? Получается еще один способ защититься от живого человека. *«Это не я, это моя личность»*. Чего ты ко мне пристал, я с ней борюсь, но пока еще не доборолся. Но я знаю, что сущность — вот она.

Это не ты, говорят мне. Это твоя личность. А вот я вижу твою сущность. Она совсем другая. Это не ты, это тип нервной системы, скорость реакций, особенность организма. Это не ты, просто альтер-эго, это не ты — это суперэго. И поехало, и пошло: *это не ты...*

Итак, вторая большая патология нашей обыденной жизни — это когда человек не осознает себя как субъекта и поэтому полностью зависим от внешних по отношению к нему сценариев социальной жизни.

Может, я ошибаюсь, может, есть среди вас люди, которые никогда не произносили таких слов: это не ты, это не я. Это не ты — я знаю, что это не ты. Это часть тебя. Представьте себя подходящим к березе и говорящим ей: «Эта веточка — не ты. Вот ствол — это ты, а эту веточку давай-ка обрежем». В голову не придет.

А с человеком, особенно если он *наш*... Самое интересное, что на *Них* это не распространяется, у *Них* ничего этого нет. Они всегда — *Они*.

Любимое занятие внутри круга *Мы* — это доказывать другому, что он не совсем он. И подводить под это аргументированную базу.

Например, такой привычный диалог:

— Ты не мог этого сделать.

— Но ведь сделал.

— Нет, ты не мог, это чье-то влияние дурное. Это, наверное, *Они* прокрались к нам и тебя совратили.

Или:

— Ты это сделал?

— Я это сделал?! Нет, это помрачение. Ты же знаешь, я этого не могу. Никогда.

И наши не те, и *Они* не *Они*. Полный бред. У кого-то **сущности** не хватает, у кого-то **индивидуальность*** не туда.

Третья патология обыденной жизни: «это не совсем ты»

Мы можем зафиксировать следующую патологию с таким названием: ***это не совсем ты***. Ну и, естественно, я — это не совсем я.

«Это не я к тебе пришел, это через меня к тебе Мастер пришел». — Сам этим пользовался. Признаюсь. С большим успехом.

А кто же это тогда пришел? Вот это кто такой вообще? Памятник? Бестелесная обличность? Помните, как у Маяковского: «не мужчина, а облако в штанах».

Теперь посмотрите, как гибнет еще все-таки встречающаяся любовь или хотя бы влюбленность. Даже среди своих.

— Я тебя люблю, но это не совсем ты. Что-то надо с тобой сделать, потому что я тебя люблю.

— Кого ты любишь?

— Тебя. Но ты не совсем ты.

«Так трусами нас делают раздумья, и так решимости природный цвет хиреет под налетом мысли бледной», но зато мы в безопасности. Мало того что мы одну стену построили из *Мы*, у нас есть еще вторая стена, второй пояс укрепления, еще более мощный: все не совсем, даже *наши не совсем наши*.

Как просто любить человека

Представьте себе ситуацию: перед вами человек. Учить его не надо, учиться у него тоже не надо, не надо исправлять его недостатки — ведь это продолжение его достоинств. Берешь недостаток, делаешь достоинство.

Что же с ним делать? А ничего. Просто любить.

Как это — любить и ничего с ним не делать? А древние говорят, что это и есть любовь. Именно тогда, когда вам с человеком ничего не нужно делать. А просто хочется с ним быть, бытийствовать совместно. Говорят, это и есть любовь, которая крепка как смерть, та любовь, о которой мы все мечтаем.

Но для того чтобы его любить, нужно сказать, что *он — такой, какой есть, это он со всем тем, что в нем есть. И даже с тем, чего в нем нет, потому что просто я этого не вижу.*

Значит, патология в том, как мы воспринимаем себя и друг друга: ты — не ты и я — не я.

С этим связана еще одна проблема — неумение жить в настоящем времени, неумение принять прошлое таким, каким оно было. Постоянная борьба с прошлым — самое бесполезное из всех бесполезных занятий.

Кто уверен, что вот сейчас, в данный момент, в данном месте все правильно, хорошо, прекрасно?

Кто уверен, что он родился вовремя, там, где нужно?

И что в своем саду яблоки слаще?

И что в соседнем государстве так же, как у нас?

Кто вообще доволен сегодня и здесь? Или, как говорят, здесь и сейчас?

Пришел к мудрецу человек и говорит: «Скажи мне, вот у меня три вопроса: какое время самое важное, какой человек самый важный, какое дело самое важное?» Мудрец ответил: «Самое важное время — настоящее, потому что прошлого нет, а будущее еще не наступило. Самый важный человек — это тот, с которым ты имеешь дело в настоящем времени».

«Какое дело самое важное?» Мудрец отвечает: «Любовь между тобой и этим человеком».

Для каждого из нас все, кто сейчас с ним рядом, самые важные (согласно мудрецу). И время вот это, сегодня, сейчас: сколько там на часах? — тоже самое важное для каждого из нас.

А самое важное дело, если верить мудрецу, — это любовь между нами в данный момент. И ничего более важного сейчас не существует. Да кто же в это поверит? Ну если и «поверит», то кто же так жить будет? Вот и возникает еще один вариант бегства от живого.

Нет, ну ты явно не тот человек, который мне нужен. Завтра... Ну что мне толку от завтра? С тобой же никакой перспективы.

Ну а ты? Если б ты мне встретился недельки четыре тому назад, а еще лучше в прошлом году. Ну, может быть, у нас есть шанс это выяснить годика через три...

И никого не осталось. Я один, но и я сегодняшний еще не тот. Я знаю, еще полгода напряженной работы над собой, и тогда я... Вот, помню, лет пятнадцать назад был человек. И никого не осталось. Пустота...

К чему же мы реально приходим? К тому, чтобы жить в пустоте, где нет ничего живого и непредсказуемого. В том числе и меня самого. И полным ходом, как говорили древние египтяне, на тот берег реки, то есть Нила. Помните, что там находилось? Царство мертвых. Вот там все нормально. Там все исчислено, предсказуемо.

Вспоминаю одного своего друга, который всегда, когда ел яблоко, грушу, виноград, огурец, помидор, — приговаривал, «как живой с живым говоря». Вот тут он был живой и очень любил это дело, потому что в этот момент он ощущал себя просто живым и не было ни у него недостатка, ни у яблока.

Но тут же начинается бунт умозрения. *Так что же тогда, все прекрасно в этом лучшем из миров? И ничего не надо делать?* Ничего. Растет себе та же самая береза, и при этом, борясь за место под солнцем, около нее усохло штук десять молодых кленов. Она уже большая, а они еще маленькие. Естественный ход вещей.

А что такое естественный ход вещей? Как говорят наиболее умные люди, занимающиеся этой проблемой, естественный ход вещей — это такой ход вещей, в котором все проявляется спонтанно, в любви, в союзе живого с живым.

Есть замечательное размышление у Павла Васильевича Флоренского о том, что существуют две силы. Первая — это **сила природы**, которую мы боимся потому, что она подчиняется только естественному ходу вещей. Она обладает силой живого. Вторая — **сила духа**, которая не обладает силой живого, ибо дух бесплотен. Он может лишь структурировать этот кипящий котел жизни. Только союз этих двух сил дает познать истину. *А зачем нам истина, если мы жить хотим? К чему ведет истина: к тому, чтобы просветлеть, или к тому, чтобы жить?* А разве жить в истине не интереснее, чем во тьме? Хотя, конечно, это очень трудно. Потому что трудно найти баланс между «томлением духа» и требованиями социальной жизни.

И вот **социальное структурирование человека**, человеческой жизни — это еще одна большая проблема, связанная с нашей темой.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МИРЫ

В жизни людей существует система более или менее замкнутых психологических миров, внутри которых человек живет, как правило, всю свою жизнь. В них он черпает основание для утверждения своеобычности, своей самоценности.

Социально-психологический мир рождается постепенно. Сначала это круг семьи. Потом — круг знакомых семьи. Затем — подсознательный отбор близких знакомств.

Уже в детском саду начинается подсознательный отбор, в котором участвуют индивидуальные признаки человека, темперамент и прочее. Но гораздо бо2льшую роль в этом выборе играют культурологические признаки, то есть принадлежность к определенному социально-психологическому миру с определенной системой критериев, с определенным взглядом на человека и жизнь человеческую. На то, что возможно — невозможно, допустимо — недопустимо. Со своей иерархией ценностей, со своей системой реакций на поведение другого человека и так далее.

Такой отбор подсознательно начинается с детства. Это как бы продолжение той темы, о которой мы говорили: *Мы и Они*. Только уже с точки зрения не внешней, а внутренней жизни самого субъекта.

О ненасилии между мирами

Когда люди вступают в какое-либо взаимодействие, каждый отстаивает свой мир, покушение на который воспринимается как покушение на самого человека, потому что социально-психологический мир — это тело личности. За редчайшим исключением, человек не покидает свой социально-психологический мир даже тогда, когда не имеет никаких контактов с его персональными представителями.

Если мы изыдем человека из его привычного окружения и поместим в ситуацию, в которой у него нет ни одного контакта с человеком того же социально-психологического мира, он в поведении адаптируется к новой ситуации, но внутренне не покинет свой мир.

Почему? Покинуть свой мир — это отказаться от себя. А отказ от себя, в качестве осознанной цели, присутствует только в некоторых эзотерических традициях, относящихся к трансформационным. Ни традиции силы, ни традиции медитативные, ни традиции ситуационного управления такой задачи всерьез не ставят. Ибо тысячелетний опыт показывает, что более сложной задачи, чем покинуть себя, вылупиться из матки своего социально-психологического мира, перед человеком поставить невозможно. Даже если вам удастся создать ему для этого мотивацию.

Осуществить переход из одного мира в другой, а не просто адаптироваться, не стать разведчиком в чужом мире, а реально перейти в него — это задача такой степени сложности (если рассматривать ее как практическую), что, честно говоря, лично я ничего более трудного в своей жизни не встречал. Вот почему мы говорим, что человек, ставший на путь живой духовной традиции, с определенного момента перестает быть человеком на уровне бытового понимания.

Он действительно «нелюдь». Причем сам это может и не осознавать. Но если он остается среди людей, то тут же начинает получать из своего окружения массу отрицательных сигналов, свидетельствующих о том, что он «мимо», что он не вписывается ни в один социально-психологический мир, который существует.

И если человек не осознает этого, то получается так, что, придя в традицию с мотивацией стать крепче, сильнее, повысить уровень самореализации, он приобретает одни минусы. У него перестает получаться то, что получалось, собственно, само собой. Он начинает все больше и больше чувствовать свое одиночество, заброшенность, неумелость, неприспособленность.

Вот почему люди, заявляющие, что они учатся непосредственно у Космоса, находятся в гораздо более выигрышном положении, чем те, кто действительно учится. Так как те, кто учится у Космоса, сами бессознательно контролируют степень своего преобразования, им не надо покидать свой социально-психологический мир, *не надо покидать себя*, а наоборот, Господь Бог спускается персонально к ним.

Вот почему даже искренне верующие люди, принадлежащие к одной и той же религии, настолько не похожи друг на друга, что даже начинаешь сомневаться, что они верующие, ибо верят они в рамках того, как понимается вера внутри их социально-психологического мира.

Нет ничего другого, к чему человек был бы столь прочно прикреплен, как к своему социально-психологическому миру.

Это не искусственное прикрепление, которое можно просто свести к негативу — сказать, что это плохо. Это не плохо и не хорошо, это почва, на которой вырос человек, он связан с ней корнями, всем своим существом. Он сам есть этот мир. И когда мы говорим: «Познай себя как часть мира и мир — как часть себя», то, строго говоря, надо не космосом и вселенной заниматься и даже не биосферой или ноосферой. Надо заниматься познанием своего ***социально-психологического мира***, мира, в котором ты реально живешь, реально закреплен.

Если человек этого не сделал — дальше все игра, театр. Потому что, не познав себя в этом качестве, ни о каком дальнейшем самопознании говорить не стоит.

Что происходит в результате этой прикрепленности? Она рождает насилие.

Анализируя почти двухлетний опыт работы нашего театра (а я много лет работал в театре актером и режиссером), мы столкнулись с неожиданным моментом. Театр, в идеале, должен состоять из творческих индивидуальностей. Людей самобытных, своеобразных, не похожих друг на друга, объединенных художественной идеей. А получилось так: несмотря на то что мы работали с огромной отдачей и производили качественную продукцию, существовала во мне постоянная неудовлетворенность. Пока наконец не закончилась так называемая педагогическая часть нашей работы. Освободившись от позиции педагога, я вдруг понял, что все время совершал насилие над актерами. Я пытался заставить их жить в моем мире.

Театр очень сложное явление, потому что, с одной стороны, — это коллективное дело, а с другой стороны — каждый должен быть индивидуальностью. И я проявляю по отношению к актерам насилие, и состоит оно в том, что я, не принимая их социально-психологический жизненный мир, потому что он мне не нравится, в силу своего положения ведущего режиссера, да еще и педагога, начинаю волей или неволей навязывать те позиции, которые принадлежат к моему миру, а поскольку я принадлежу к миру в общем-то эзотерическому, то получается просто издевательство над людьми. Ведь они от меня зависят. И производство у нас такое. Я к ним никакой рабочей претензии предъявить не могу, потому что они работают с полной отдачей, качеством, выкладываются, а я все время недоволен.

Когда нормы одного социально-психологического мира навязываются людям, принадлежащим к другим мирам, тогда и происходит насилие.

Очень тонкое, бессознательное насилие. Бывают и явные формы: типа «наша вера самая лучшая». С дубинкой. Кто не нашей веры, тех по голове надо бить и срочно спасать, потому что они заблуждаются. Но это еще хороший вариант, потому что здесь хоть видно, чего человек хочет, какую дубинку он держит, можно тоже взять в руки дубинку и сражаться.

Страшнее всего, когда ни один, ни другой, ни третий — никто не понимает причины происхождения конфликта, и тогда начинается погром. Потому что идет неадекватная трактовка самого ощущения насилия.

Есть, конечно, мазохисты, конформисты-мазохисты, которым насилие над ними доставляет большое удовольствие, и они делают вид, что все приняли, и ловят кайф на этом, но это же не означает, что они на самом деле перешли из одного мира в другой. Представьте, что человек все время делает так: «Да, учитель, да!» Но ничего не происходит. Всем видно, что это неискренне. То есть получается театр. В дурном смысле этого слова. В адаптации к требованию, от которого нельзя уклониться, ничего здорового нет. Хотя с точки зрения человека все это может быть совершенно искренне, если под искренностью понимать неосознанность: человек просто не осознает, что подчиняется насилию.

Трудности общения разных миров

Современные условия жизни все время людей перемешивают: на работе, в компании, в группе обучения собираются индивиды совершенно разные, из разных социально-психологических миров. Когда у группы есть руководитель, для него она сразу делится на тех, кто ему нравится больше, на тех, кто нравится меньше, и на тех, кто не нравится совсем. И если он не осознает, это «нравится — не нравится», то есть неосознанно действует исходя не из профессии, не из той ситуации, в которую люди пришли, заключив соглашение о купле-продаже товара, будь то знания, умения, информация, — то начинается насилие.

А ведь в таких ситуациях нельзя вмешиваться в то, как человек живет. Он — не ученик, не послушник, не последователь, он пришел купить товар. Вы предложили ему товар, но не имее-те права вмешиваться в его жизнь! Вы можете его агитировать (это право любого человека: агитировать за свой мир), но вмешиваться — нельзя никогда.

Теперь рассмотрим еще одну распространенную ситуацию: влюбленные...

Как же быть с мужьями и женами? Два человека полюбили друг друга и решили быть вместе, а они из разных социально-психологических миров. Конечно, в первую очередь и они, и те специалисты, к которым они могут обратиться за консультацией, не понимая, почему их любовь, так сказать, не находит адекватного, радостного выражения в их жизни, кинутся — к чему? — к изучению индивидуальной совместимости. То есть начнут выяснять, подходят ли они друг другу по типологии, по гороскопам, по темпераментам...

Допустим, все замечательно: и по гороскопам, и по соционике, и по всем психоэнергетическим данным — подходят. А все равно не получается. И оказывается, что адекватно объяснить ситуацию можно, только поняв, что они из разных социально-психологических миров.

Это колоссальная проблема: *преодоление отчуждения. Возможна ли совместная жизнь, вернее, смогут ли они построить третий мир, стать родоначальниками нового социально-психологического мира, где будут патриархами, прародителями?* Простым совмещением создать нечто новое не получится. Каждый из влюбленных (супругов) должен выйти за пределы своего мира и построить из этого материала третий мир или найти этот новый общий мир.

Иначе — будет непрерывная борьба. Даже если один из них склонен подчиняться, а другой руководить, то есть для одного из них подчинение не вызывает напряжения, а наоборот, разгружает психологически, борьба будет продолжаться. Это сродни попытке посадить в одну кадку тропическое растение с его землей и растение из средней полосы с его почвой. Что будет — неизвестно. И почва разная, и микроорганизмы различные, и климатические условия.

Существует уникальная работа французского психолога, — к сожалению, не помню его фамилии, — напечатанная в журнале «Америка», — он участвовал в экспедициях Тура Хейердала на плотках «Ра-I» и «Ра-II». Он изучал проблемы совместимости внутри экипажа и пришел к выводу, что, в принципе, особенно в экстремальной ситуации ограниченного пространства, в экстремальных условиях деятельности, преодолимы все различия — и расовые, и связанные с вероисповеданием, и языковой барьер, и возрастной. Преодолимо все, кроме одного — он назвал это «культурным кругозором». Я думаю, что то содержание, которое он вложил в понятие культурного кругозора, характеризует несовместимость некоторых социально-психологических миров.

Когда мы говорим «культурный кругозор», то сразу думаем: ну а что ж тут такого? Дайте человеку соответствующие возможности образоваться, почитать, посмотреть, и он разовьется, и культурные кругозоры совместятся. Оказывается — нет! Социально-психологические миры несовместимы не потому, что они по-разному относятся к культуре. А потому, что у них разная иерархия культурологических ценностей.

Возьмем двух «одинаково культурных людей» в смысле образованности, начитанности, но из разных социально-психологических миров. Неадекватную реакцию, с точки зрения друг друга, они будут выдавать в совершенно неожиданных ситуациях. И будут возникать раздражение, возмущение:

- Отчего ты вспыхнул на пустом месте?
- Как на пустом месте?! Ты на святыню напал!
- Какую святыню?

В его мире — это святыня, а в мире другого человека — ничто. *Кто прав?* Оба. В этом нет сознательности.

Миры близкие и не очень

Есть миры, которые ни в каком месте не пересекаются, хотя на первый взгляд очень похожи. В отсутствии понимания, умения отрефлексировать (осознать) эту составляющую человеческой целостности коренится одна из самых распространенных форм **патологических отношений в обыденной жизни**. И, я думаю, в этом же факте коренится одна из самых сильных мотиваций духовного сообщества к поиску такого мира, в котором мы все могли бы укорениться как братья и сестры, не становясь одинаковыми. Это непрерывный поиск мира, универсального по отношению ко всем остальным.

Проблема эта жизненная, порождающая знаменитый принцип человеческих отношений: *«Мухи — отдельно, котлеты — отдельно!»* Принцип, необходимый для того, чтобы вести совместную деятельность с людьми, принадлежащими к различным социально-психологическим мирам.

И в то же время — это препятствие в стремлении человека к целостности, я уже не говорю — к тотальности. Ибо **разделенность** (человек как целостность в данном случае разделен на себя для своих и себя для чужих) позволяет осуществлять совместную деятельность, и это плюс.

Но та же разделенность не позволяет добиться целостности своего внутреннего мира вне своего социально-психологического мира, и это минус. Минус, если ставить перед собой задачу достигнуть целостности. Это колоссальная проблема, потому что речь здесь идет о живой ткани человеческой жизни. Не о выдумке, не о социальной конвенции, не о социальной роли, не о защитном механизме личности — о самой личности. Ибо это почва, это воздух, пища, это матка, лоно материнское. Выйдя из этого лона и перерезав пуповину, человек перестает быть человеком в бытовом смысле этого слова, в обыденном смысле. Он становится *нелюдем*. И он обречен.

С этого момента назад дороги нет. **Потому что мир человека — это и есть человек, это его неотъемлемая часть.** И только в силу неизвестных таинственных влияний у некоторых людей возникает мотивация покинуть этот свой мир.

Человек, покинувший свой социально-психологический мир, — это человек, покинувший самого себя, в обыденном смысле этого слова. Не надо путать этот процесс с принципом движения по социальным слоям общества, когда человек из низов пробивается в верхи, из колхозников в артисты, из чернорабочих в ученые.

У меня в молодости была хорошо знакомая семья министра. Я часто бывал у них в доме. Да, он был министр, по тем временам в нашей жесткой административной системе это серьезная должность. Но он был из детдома. И жена у него детдомовка. И он так и остался детдомовцем до конца своих дней. Он свой социально-психологический мир не покидал, хотя в смысле социального движения, конечно, произошла колоссальная перемена. Но он остался самим собой.

Он научился играть эту роль, но как человек не покинул свою почву. Замечательно себя чувствовал, не испытывал никаких проблем, потому что сумел воспользоваться своей административной властью для того, чтобы все подстраивалось под его мир, происходило неосознанное насилие. Незаметное этакое насилие, потому что какой-нибудь рафинированный интеллигент, из интеллигентной семьи в третьем поколении, со всеми своими правилами поведения, приходил на прием изысканный, а там — по-простому, по-народному. И вынужден был интеллигент пристраиваться к этому.

Одно дело — профессиональная зависимость, или социальная, или функциональная, от человека. А другое дело, когда это затрагивает законы и ценности твоего социально-психологического мира, когда ты вынужден быть не самим собой, играть в чужую игру, в игру чужого социально-психологического мира, в котором другие ценности.

Но опять-таки процесс не сводится к простому анализу ценностных структур людей, потому что ценностная структура — только скелет, а свой социально-психологический мир — это плоть, это дыхание, он обуславливает мельчайшие детали поведения, думания, мечтания.

Как только человек становится **спонтанным** (то есть действует без внутренней цензуры, доверяя себе), а спонтанность — это единственное живое состояние человеческого существа, момент полной самореализации, — он тут же обнажает весь свой социально-психологический мир.

Как нам поговорить?

Покинуть свой социально-психологический мир почти невозможно. И человек счастлив, естествен, спонтанен только внутри своего социально-психологического мира. Или в той ситуации, когда его социально-психологический мир принимается как данность.

Это и называется: *принять человека таким, каков он есть*, — тоже невероятно трудная вещь. Как принять всего человека в свой социально-психологический мир, каким местом? Можно еще ситуационно принять, на какое-то короткое время.

Я в силу своей устремленности к путешествиям по социально-психологическим мирам четыре часа провел на «малине», случайно попал в такую ситуацию у профессиональных воров. Ну, четыре часа я там мог выдержать, войти в этот образ, выяснить, что там тоже есть своя порядочность, своя честь, своя искренность, своя доброта и так далее. Там они меня пожалели, там — в долю пригласили.

Или с бомжами, с профессиональными бродягами, тоже — два-три часа. Два года со спортсменами я прожил в ситуации полного погружения. И так далее, и тому подобное. Но у меня есть познавательная мотивация; пока она не исчерпана, пока я узнаю что-то новое об этом новом для меня мире, я могу терпеть.

Принадлежность человека к социально-психологическому миру, степень совместимости двух или более социально-психологических миров — это глубинная проблема человеческих отношений. Решается она пока только одним способом — способом *«мухи отдельно, котлеты отдельно»*, — способом жертвы. В жертву приносится то, что для всех является самым перво-степенным, — **целостность человека**.

Получается, что **целостность человека реализуется только внутри его социально-психологического мира**. Тогда становится понятно, что сословная или цеховая организация в прошлом имела позитивное психологическое содержание. Дворяне везде дворяне. Купцы были купцами, заводчики — заводчиками, чиновники — чиновниками.

Почти никто не пускался в путешествия по другим социально-психологическим мирам — все боялись, что не смогут вернуться. И даже идеал вертикального социального продвижения существовал только для отдельных авантюрных натур. А укоренились «наверху», как правило, их дети, а чаще всего внуки, третье поколение.

Мы же с вами принадлежим, в формальном смысле, к такой абстракции, как *советские люди*. Что это такое — никто не знает. Никакого глубинного социально-психологического содержания это понятие не имеет. Мы даже просто сориентироваться не можем, где же мои одноплеменники, где те люди, которые из одного со мной мира, мы даже не знаем, каким способом их найти.

Кто там со мной одной крови? А ведь именно среди таких *наших* людей мы могли бы сами наиболее полно ощущать себя, и они с нами, и мы с ними. Это была бы действительно замечательная ситуация, если не ставить себе целью выйти за пределы этой обусловленности.

Мне интересно, как вы там живете, а тебе интересно, как мы тут живем. И мы можем жить, не покушаясь на социально-психологический мир друг друга, работать, взаимодействовать, на познавательном интересе.

Когда есть знание о том, что *это существует*, и есть *интерес к этому моменту*, не оценочный интерес: хуже — лучше, выше — ниже, — а интерес непосредственный (интересно, что и так бывает, и так, и так), тогда появляется возможность взаимодействия, а не насилия. С помощью такого интереса может открыться многообразие форм живой ткани жизни. **Жизнь человеческая не есть нечто одинаковое для всех, эта ткань содержит в себе совершенно разные, удивительно разные моменты**. Если мы будем предпринимать определенные усилия, то сможем понять, как буддийский Мастер пошел в лес, где ему должны были отрубить голову. И тогда мы сможем понять, как убийца, погубивший сознательно двадцать девять человек, впоследствии стал буддийским Мастером. И тогда мы можем понять, почему падшая Мария Магдалина стала святой.

Зная о разнообразии социально-психологических миров, о том, что социально-психологический мир есть неотъемлемая часть личности, сущностная часть, мы сможем понять парадоксы духовного взгляда на мир, на людей, на человеческие отношения. И может быть, ощутить вкус такого социально-психологического мира, в котором эти противоречия не уничтожают

индивидуальности, — тот мир Бога, или мир Любви, в котором две вещи — есть одна вещь, в то же время оставаясь двумя вещами. Это знаменитый факт мира Любви.

Но жить так практически очень трудно, это требует очень большого внимания, осознания и неподдельного интереса к другим способам жизни. И признания права на существование любого способа жизни.

Это не значит, что если я понял законы твоей жизни, то обязательно с ними согласился. Но признать право на существование любого образа жизни — это значит открыть реальный путь к реализации заповеди Христовой «*возлюби ближнего твоего, как самого себя*». Или «*любите врагов ваших*».

Только признав право на существование совершенно различных социально-психологических миров как живой ткани жизни, мы можем приблизиться к этому. Или путем рациональным, или путем переживания. Надо напоминать себе о социально-психологических мирах и начать смотреть на людей и на человеческую жизнь с этой позиции. Начать замечать, научиться видеть эти социально-психологические миры, признавать их право на существование. Научиться вступать с ними в диалог, даже если они очень непохожи на ваш мир.

Выйти из своего социально-психологического мира — это покинуть самого себя. А не только свою личность. Самого себя как такового. То есть трансформироваться полностью. От осознаваемых до принципиально не осознаваемых уровней — таковые в человеке тоже имеются, ибо он живой. А живое, как известно, потому живое, что содержит внутри себя тайну, которая не предназначена ни для понимания, ни для осознания, а только для хранения.

Сколько миров и как их определять

Вы можете спросить: «Как очертить границы социально-психологического мира? Людей миллионы. У каждого свой социально-психологический мир».

Нет, этих миров гораздо меньше, чем вообще людей. Они очерчиваются очень просто: как только вы попадаете в чужой социально-психологический мир, так тут же начинаете понимать границы своего. Вот, например, мир бомжей-профессионалов. Надо сказать, он очень своеобразен. Меня в нем покорило совершенно иное восприятие территории. Они территорию бывшего Советского Союза воспринимали как одну большую квартиру. И передвигались в ней совершенно свободно и четко знали, когда куда лучше передвинуться. У них своя психология, своя система ценностей, свои непосредственные реакции.

Я разговаривал с бомжем, который до этого был совершенно в другом социально-психологическом мире. Он человек с высшим образованием, инженер, был главным механиком предприятия, потом спился. Разрушился полностью. Его бросили все, в том числе и близкие. Он должен был погибнуть. Но волею судеб попал в мир бомжей-профессионалов. И там прижился. Стал личностью, своеобразной, но личностью. Со всеми признаками личности, со всеми признаками целостного человека.

Но помните, в этом случае речь идет не о социальном мире, мире социального положения, это совсем другое. В социальном обществе есть слои. Скажем, номенклатура — это особый слой. Например, в театральном мире, если ты попал режиссером в республиканский театр, ты будешь в этом слое всю жизнь: из одного республиканского театра в другой. Попал ты, например, в областной — всю жизнь будешь по областным. Если попал в городской, то, чтобы переместиться, скажем, в круг областных, нужно пожертвовать тем положением, которое ты имеешь в городском театре. Но это не социально-психологический мир, это социальный слой.

А мы говорим о том, в чем человек живет психологически и в большинстве случаев просто не осознает этого. Как правило, человек всегда уверен, что так или почти так, как он, живут все. И любое резкое отклонение от этого — уже ненормальность.

Нам хочется принадлежать как можно к бо2льшему *Мы*. Поэтому нам хочется, чтоб все жили как мы. Или хотя бы похоже. И подсознательно мы уверены в том, что пусть одни менее, а другие более благополучны материально, морально, но, в принципе, все одинаково — любят, ненавидят, ссорятся, лгут и так далее. Но в том-то и дело, что нет. Лгут все по-разному. В зависимости от того, к какому социально-психологическому миру принадлежат. И правду говорят по-разному. И любят по-разному. И дружат по-разному.

Но везде все есть — и дружба, и доброта, и кодекс чести, в любом социально-психологическом мире, но они зачастую совсем не похожи друг на друга.

Вот конкретная ситуация.

Я в совершенно чужом городе Сальске, занесенный туда сложными обстоятельствами своей жизни, весь день бегал по делам. Вечером зашел в ресторан напротив гостиницы. Весь город знал, что там «малина», а я не знал. Я попал на ту «малину». Хорошо, что я актер и у меня оказался нужный запас знаний. Я правильно стал себя вести, и в результате меня приняли за своего, за вора, который случайно в силу неприятностей попал в эту дыру из какого-то крупного города.

Я говорил правду. «Ты кто?» — «Режиссер». — «Ну, такая кликуха, да?» Выдержал. Там есть такая проверка у них, в этом социально-психологическом мире, — на испуг. Я про нее знал, я ее выдержал. И дальше они все трактовали сами. Как только они определили: *свой*, — все. Я говорить мог что угодно, они все равно переводили на свой язык. И вот в этом Сальске мы сидим, пьем водку, а они мне рассказывают, как плохо тут, куда ты, говорят, приехал, что ты тут делаешь? Я говорю: «Ищу работу». — «Тут работы нет!» — отвечают они. Я говорю: «Ну вот, не повезло, ну ладно, завтра как-нибудь буду выбираться...» — «Ну, вообще мы тут кассу одну нашли... Ты хороший парень, ты мне понравился, — говорит, значит, шеф, — ладно, берем тебя в долю. Ну что ж ты будешь пропадать». Вы знаете, что это такое для них было? Это все равно как если б вы, имея в кармане тысячу рублей, взяли и отдали мне сотню. Просто так. Даже не сотню, больше. Взять в долю! Это ли не благородство, это ли не взаимопомощь, это ли не забота о человеке, это ли не доброта? Еще какая! С трудом я заставил их взять от меня десять рублей в общий котел, хоть я выпил и съел там на тридцать. Понимаете? Но это внутри этого мира!

А если мы снаружи туда посмотрим — это что? Я пришел в гостиницу, говорю: «Мужики, спасайте, я вот тут зашел в ресторан...» Все говорят: «Как ты оттуда живой ушел?» Я говорю: «Будите меня на первый автобус». И упал. Они меня разбудили, и я первым автобусом в пять утра — побыстрее! Вы представляете, если я не пришел на «дело», легавый, значит. А легавому — один путь...

В каждом мире свои законы. Что можно, чего нельзя, что принято, что не принято. Есть социально-психологические миры, в которых понятие дружбы имеет такое конкретное содержание, что в другом мире — это просто мордобой.

Социально-психологические миры совсем не обязательно включают в себя людей из одной социальной плоскости, то есть места в социальной иерархии. Туда могут входить и люди «верхов» общества, и «низов». Есть такие миры, где спокойно совмещаются совершенно разные социальные пласты общества. Но социально-психологически они составляют один мир, и этот мир определяет в человеке так много, что невозможно отделить человека от этого мира.

Уникальные — одиноки

В нашей жизни гораздо больше типического, чем мы все предполагаем, хоть это как-то и обижает нас. Как говорил Гурджиев: «*Мы все, ребята, действительно разные, но совсем в другом месте*».

Найти в себе место *истинной уникальности*, с одной стороны, невероятно трудно, а с другой стороны — надо ли? Смею вас уверить, что, обнаружив свою уникальность, вы особой радости не испытаете. Потому что, как только вы ее обнаружите, усилится чувство вашего одиночества. Потому что в этом месте, где ваша уникальность, вы действительно один.

Вы будете всю жизнь искать еще одного такого! С такой же уникальностью. Потому что нет большего наказания для человека, чем изоляция. А изоляция — не обязательно физическая, она может быть и психологической, и познавательной. Представляете ученых, у них такие бывают ситуации, когда кого-то из них могут понять только три человека в мире. Один живет в Новой Зеландии, другой в России, третий в США, а сам он где-нибудь в Англии, в Кембридже. Только они четверо могут друг друга понять в этом мире, и больше никто. Представляете, какую ценность для них имеют их контакты?

Или, скажем, люди на работе, — как мы говорим, люди, профессионально живущие в мире духовного сообщества. Когда мы встречаемся, вы не представляете, какое это счастье! Все равно, к каким традициям мы принадлежим. Просто можно пообщаться со своим человеком, нас же мало.

Так что вы подумайте, прежде чем открывать свою уникальность: *а стоит ли?* Мы все время в двойственности: с одной стороны, хотим выявить свою уникальность, обнаружить свою неповторимость, а с другой стороны — не дай бог!

Более того, большинству страшно даже выявить свой социально-психологический мир, понять, каков он на самом деле. А вдруг реально вокруг никого из этого мира не окажется? Не зря же говорят, что ничто человек так не хочет знать, как самого себя, и ничто человек так не боится узнать, как самого себя. Это инстинктивная защита.

Защита от радости бытия

Чем обусловлена защита от познания самого себя? Чем она обнаруживается? Защиту обуславливает самосохранение. А обнаруживается она социумом. Человек сделан из людей. Одинокое потомства не оставляли, как правило.

Спрашивается: как покинуть свой социально-психологический мир? С одной стороны, самый прямой путь — это путешествие по разным социально-психологическим мирам, там постепенно узнаешь, откуда ты сам. А с другой стороны, по мере накопления знаний можно путем саморефлексии сделать это, но для такого способа требуется большое мужество, потому что ты можешь оказаться совсем не оттуда, откуда хотел бы быть.

Ситуация все та же. Человек хочет и одновременно не хочет знать правду о себе. Есть старинное выражение: *«То, что в нас ищем, и есть то, что мы ищем»*. Это **томление духа**.

У меня есть замечательный друг. Он время от времени исчезает, а потом приходит и говорит: «Я тут за это время два раза решил — все, никакой духовности... вообще надо делом заниматься, деньги зарабатывать, нормально жить, как люди живут, но, — говорит, — вот какое-то томление духа, вот опять я к тебе пришел, понимаешь!» Он замечательный человек, что он видит это. Он видит и то и другое: и то, что в нем не хочет, и то, что в нем хочет. Он не прячется от этой борьбы в себе самом и не списывает ее на внешние обстоятельства. Он уже видит, что это внутри него самого. И это очень важно.

Почему мы так тоскуем по своему детству? Потому что все бесплатно. Вся любовь — бесплатно. Нам все давали, а мы ни за что не отвечали. А теперь представьте себе, что вы вылупились из этого, остались один на один с миром. Это же за все отвечать надо. И никакого *Мы*.

Стоим мы как-то на балконе с одним моим знакомым, курим. Говорим: «Вот мы с тобой по двадцать с лишним лет учились, работали, добились, чего хотели, и к чему мы пришли?» И почти одновременно произносим одну и ту же фразу, одними и теми же словами: «Странное это занятие — жизнь». Вот к чему мы пришли.

Пока идешь, все понятно — вон цель, вот я, вот дорога. Я иду. А вот когда приходишь, когда цели реализованы, когда никакой другой цели придумать невозможно, потому что для этого надо иметь определенную долю иллюзии, тогда остается это странное занятие — жить.

Напутственным словом моего Мастера было: *«Жить надо!»* — и это самое сложное. Потому что автоматически ничего не срабатывает, кроме биологических потребностей тела. И то их, в принципе, можно подавить. Когда знаешь, что в любой момент можно включить программу на саморазрушение, и так, совершенно естественно, умрешь. Естественно для всех, кроме себя. И это в твоей власти. Это очень хорошо стимулирует.

Никогда не ленюсь объяснять: это не лучше и не хуже, не выше и не ниже, это другой способ быть в мире. *Осознавать свою уникальность — это значит быть в мире одному.* Не в смысле без людей, в скиту, в пещере, а в смысле *один на один.*

Не является ли одной из важнейших патологий нашей повседневной жизни эта псевдоповседневность, лишившая нас самого главного, ради чего мы на свет появились, — радости быть? *Кому мы это оставили? Кто у нас это забрал?* «Cogito, ergo sum». Мыслю, следовательно, могу не существовать, вообще-то надо так говорить.

Кто забрал мои переживания? Кто забрал жизненный тонус? Кто забрал радость быть? Аноним под названием «наша цивилизация». Аноним под названием «обстоятельства». Ну, так если аноним забрал, почему бы нам не забрать это назад? Хозяина-то все равно нет. Ни советская власть, ни какая-нибудь другая власть, ни нищета, ни богатство, ни знания, ни отсутствие их — ничто и никто не может помешать человеку *быть*. И радоваться этой жизни.

Это не означает, что у вас все будет прекрасно, это не означает, что вы не будете страдать, мучиться, печалиться, — будете. Но это означает, что все здание под названием «жизнь» будет иметь фундамент под названием *«радость бытия».*

Замечательное поколение психологов, философов, прошедших ужасы двадцатого века, — Фромм, Франкл, Маслоу, — еще раз сказали человечеству известную, но великолепную сентенцию: *«Смысл жизни — в жизни».* В ней самой есть смысл. Она сама есть смысл свой. Слово о Слове, обращенное к Слову. И если это утеряно, тогда никаких других смыслов нет. Тогда жизнь — это драка. Побоище за урожай, за место под солнцем, за карьеру, власть, знание.

Все люди делятся на победителей, побежденных и на тех, кто судит. Я много лет говорил: *«Подумайте! Почему в шахматы играет много людей, а чемпион мира всегда один?»* Не то в прошлом, не то в позапрошлом году, наконец, сам же и ответил на этот вопрос — не дождался. Потому что это символ нашей с вами псевдожизни — соревнование! И победитель должен быть один. Ему поставят памятник при жизни. А мы будем делать под него жизнь.

Я заговорил о празднике, и легкая грусть посетила меня. Потому что я и сам попался в ловушку серьезности, псевдосерьезности. Потому что и я — дитя этой цивилизации, был им, и если бы не духовная традиция, к которой я принадлежу, то так бы и думал, что главное — быть умным. И много знать. И продался бы за знание, как продавались на моих глазах замечательные люди. Если есть дьявол, то это знание. Люди за знание продают любовь, дружбу, идеалы, честность, порядочность, душу свою продают. Умерщвляют ее. Все отдают. А от любви уже никто не умирает. От страсти уже никто не сходит с ума.

Я призываю вас к тому, к чему призывал Микола из Кузы. Или, по-нашему, Николай Кузанский: *к ученому незнанию.* К тому, к чему призывал Сократ. А ведь они жили тогда, когда мир переживаний еще имел равноправную с миром знания ценность.

Какой праздник в психологически пустом мире знаний? Объясните мне: какой праздник в пустой как пустота пустоте?! Высшее знание во всех серьезных духовных традициях — это пустая комната с зеркальными стенами. Это символ высшего, абсолютного знания.

Я люблю читать, пережевывать информацию, я люблю познание, но **принцип, символ высшего знания, абсолютного знания — пустота.** Мир знания психологически пуст.

Мы все хотим праздника, мы говорим, что хотим его. Мы по нему соскучились. Но сделать себе праздник некогда. В средневековье, во время так называемого мракобесия, знаете, сколько было праздников? Причем таких, в которых участвовали все. Не менее одного в месяц. А у нас

с вами или у тех же американцев? Два в год таких праздника. Ну, можно на стадион, правда, сходить, кого-нибудь бутылкой по голове ударить...

Мы говорим — неконтролируемая, немотивированная агрессия. Конечно. Если человека, еще когда он — малыш, уже учат, дрессируют не эмоционировать... Мы не даем детям посмеяться, поплакать, побузить. Роботов из детей начинаем делать. Идешь по улице — видишь, клопуля такой, а уже робот. Жуть берет. Мороз по коже. Зомби! Вот они, зомби. Мы сами — зомби. Никакой КГБ, никакая Интеллидженс Сервис не сделает того, что мы сами с собой делаем.

Так что праздник, конечно, прекрасно, но страшно и непонятно с непривычки. Вот разве что «принять», тогда можно, а без этого? Не получается.

Без знаний, конечно, никак нельзя. Но они должны быть ориентированы практически.

Что делать? Кругом радиоволны, не говоря о радиации, химизации, эмансипации. Голова забита информацией, совершенно непонятно зачем. «Я не знаю, зачем и кому это нужно...» Вот и начинаются «глиуки», неконтролируемый прорыв материала подсознания в сознание.

А праздник — это спонтанность, естественное и живое переживание своего существа и окружающего мира. Только спонтанность у нас какая-то страшненькая получается. Не умеем мы быть спонтанными, разучились. Заново надо обучаться.

Праздник, спонтанность требуют огромного количества свободной эмоциональной энергии. Еще древние говорили: «*Богатства и изобилия, служащих пищей и удобрением для духовного роста, не следует избегать*». «*Океан удовольствия для мудрого*». Нужно помнить, что переживание праздника — это благородная трата энергии. Чем больше вы вкладываете, тем больше получаете. В мире переживаний этот закон действует на сто процентов. Так что спонтанность, конечно, дело хорошее, но кушать надо. Так мы и есть тоже не умеем. Поэтому энергии совсем нет.

О СПОНТАННОСТИ (СМЕШНАЯ)

Что такое спонтанное поведение? Это когда я делаю то, что мне хочется делать в данный момент. И ничего другого.

Собственно, единственное, чему надо научиться всерьез, — это спонтанность. Позволить себе быть спонтанным.

Что нас очаровывает в детях? В маленьких детях, лет до пяти, если они, конечно, находятся в более или менее нормальной обстановке, — это именно спонтанность их поведения, абсолютная искренность в любом проявлении.

А когда мы становимся взрослыми, то уже сознательно приходим к тому, что только спонтанное поведение есть поведение, утверждающее собственную самооценку, самореализацию в полном объеме.

Мы пробуем, и у нас в большинстве случаев ничего не выходит. И отсюда начинается патология. В строгом смысле слова, **любое нарушение спонтанности есть психопатология**. Мы с вами договорились, что используем в данном случае понятие *психопатология* в контексте *психопатология обиденной жизни*, то есть не в медицинском смысле слова, а в смысле того, что мешает полноценной самореализации, полноценному ощущению себя как субъекта, как самостоятельной индивидуальности.

Посмотрите на себя изнутри и снаружи. *Кто из вас свободен сейчас? Спонтанен? Что это за страх? И откуда он взялся?* Этим страхом вы обязаны родителям, потому что именно родители объясняли, как хорошо себя вести, как нехорошо. Они наказывали и поощряли. Потом то же происходило в детсады, в школе и так далее. И каждый из нас знает, подозревает, что вообще-то он не такой, как надо. А раз я не совсем такой, как надо, или совсем не такой, значит, я должен за собой следить. У многих родителей есть любимое выражение: «Ты должен за собой следить. Почему ты за собой не следишь?»

А что такое следить за собой? Это значит выделить в себе надзирателя, контролера — как угодно назовите, — который будет все время следить, как я себя веду, как сижу, жестикулирую, двигаюсь, и так далее, и тому подобное. Когда же тут заниматься кем-нибудь еще, кроме себя?

Что же получается? А вот что... Например, повстречались два человека. Оба тоскуют по живому человеческому общению, по глубокому взаимопониманию. Один старается угадать, как другой человек хочет, чтобы он себя вел. Второй тоже хочет угадать. Один видит: он себя ведет не так, как надо. Другой на него смотрит: что-то он не так...

Вы спросите: *«А что же делать?»*

Либо прыгать в воду и плыть, либо все время ходить по берегу и думать: «Прилично ли будет, если я тут искупаюсь? В этом месте? А что скажут люди? Чего это я вдруг в воду прыгнул? Тем ли я стилем плыву?»

Осознали ли мы, что бо́льшая часть запретов давно устарела и относилась к ребенку, а не к нам нынешним? Осознали ли мы, что вообще-то большинству людей глубоко безразлично то, как мы себя ведем на самом деле? В действительности все заняты собой и своими страхами. Если мы это осознаем, то поймем, что не можем захотеть ничего такого сверхъестественного, чего не захотел бы кто-нибудь другой.

Можно быть спонтанным, и никакого наказания не последует. ***Страх спонтанности — это один из источников патологии обыденной жизни.*** Это пирамида детских страхов, на которую все еще настроены умозрительные концепции, усвоенные в более зрелые годы. Стоит внимательно, спокойно, взрослыми глазами посмотреть на эту пирамиду, как она сама собой начинает рушиться.

У нас большая проблема, потому что мы знаем, как надо себя вести. Нам сразу хочется сделать свободному человеку замечание. Ведь мы тоже так хотим, но боимся. Поэтому он, спонтанный, для нас хулиган, невоспитанный и наглец. Мы скручиваем себя, и в обществе неуклонно повышается уровень невротизации.

Повышение уровня невротизации — колоссальная проблема современного города. Возникла она как следствие ущемления эмоционально-чувственной сферы. Чем бо́льшая часть нашей жизни подчинена всяким и разным конвенциям, тем сильнее мы будем контролировать свое поведение в соответствии с ними, тем больше энергии будет уходить на этот контроль, потому что иначе могут и наказать. Человек перестает верить своим эмоциям и, даже придя домой, не может освободиться от самоконтроля, не может быть спонтанным.

Ущемление эмоционально-чувственной сферы снижает жизненный тонус. И возникает знаменитый парадокс: наши бабушки намного энергичнее наших внуков.

Мы читаем книжки, написанные совершенно для других людей, у которых мир переживаний во много раз грандиознее и сильнее мира размышлений. До XVII века на Земле вообще не существовало такого общества, в котором рассуждение доминировало бы над переживанием. Не су-щест-во-ва-ло! Поэтому отдельные мыслители, которые сумели свои переживания облечь в логические формулировки, поражают нас до сих пор.

Говорят, Гераклит основал геометрию. Он ничего не основывал, он жил в мире переживаний при слабых проблесках рассудочности. Это мы с вами уже триста лет живем в мире рассудочности при слабых проблесках переживания.

Что мы хватаемся за этот дзен, за этот буддизм? Суфизм? Хасидизм? И прочие «измы» экзотические? Хватаемся-то мы потому, что ищем мир переживаний, утерянный рай. Но когда хватаемся, что с этим делаем? Пытаемся к этому относиться как к вещи, которую можно понять.

Поэтому получается: нижегородское каратэ, ивано-франковский буддизм, киевская йога и т. д. Мы живем, опираясь на рассудок, на умозрение, на рациональные конвенции, которые уже стали иррациональными, потому что происхождение их скрыто во тьме подсознания. Почему нельзя смеяться на улице? Кто мне объяснит? Все знают, что неприлично.

Это что, не патология? Кому опасен смех на улице? Что рухнет от этого? Что, это нарушит правила дорожного движения, аварийную ситуацию создаст? Нет. Но все знают: смех — это беспорядок.

Все потому, что мы постоянно находимся под контролем рассудка. Знаете, если кому надо ставить памятник на каждом углу, так это товарищу Декарту. По всей Европе. И в Америке. На каждом перекрестке. За единственный лозунг: «Cogito, ergo sum» — «Я мыслю, следовательно, существую». Вот вождь нашей цивилизации. Что там Ленин... Ленин горячий мужик был, плохо воспитан, матерно ругался часто. Когда Гегеля сволочью империалистической обозвал, три восклицательных знака поставил и два раза подчеркнул! А вот Декарт... Улыбаться можно, но только чтоб зубов видно не было. «А что, у тебя зубы некрасивые?» — «Нет, у меня зубы красивые, но неприлично». А у меня некрасивые, но я улыбаюсь.

А если нет нормального, полноценного мира переживаний, если спонтанность исчезает, извините, тогда даже в постели с любимым человеком — «cogito, ergo sum», извините еще раз. Не зря же такая поговорка есть: «Истину, как и жену, мы любим только в темноте». Чтоб никто не видел.

Разум и эмоциональность

Все разные в разрезе рациональности, это мы уже выяснили. Теперь давайте выясним, что эмоционально мы тоже разные! И совсем не обязательно притворяться, что все мы сдержанные, благовоспитанные.

Знаете, каков процент психогенной импотенции в России? Семьдесят. А в Швеции какой? Восемьдесят два. Психогенная фригидность: в Литве — пятьдесят пять, в Швеции — шестьдесят — шестьдесят пять.

Почему? Потому что и дома, и на работе — везде конвенции, правила, руководства. Получается глобальная эмоциональная катастрофа. И как следствие этого — падение уровня культуры и искусства. Потому что вся культура вырастает из мира переживаний. Никто же не сказал: «Переживаю, следовательно, существую».

Только переживание сохраняет целостность пространства сознания, целостность субъективной реальности как таковой, несмотря на неполноту, дробность, расчлененность и дифференцированность логически-конструктивных шагов.

Посмотрите, как упрощается мир. Как уменьшается число людей, получающих удовольствие, сопереживая, скажем, Пятой симфонии Бетховена. И все больше и больше людей, которые получают удовольствие от сопереживания вот этому: «Девочка моя синеглазая...»

Оскудение эмоционально-чувственной сферы — это причина невротизации. Проявление этого оскудения — в снижении спонтанности поведения. Но снижение спонтанности ведет к тому, что человек все меньше и меньше осознает свою самооценку. Самоценку самого факта жизни.

Тогда, чтобы доказать самому себе свою ценность, функциональную и социальную, человек судорожно начинает хвататься за внешние признаки: социальный статус, престиж, имидж, упаковку.

Одним повезло: у них очень дорогая, красивая упаковка, другим — нет. Но ведь человек-то живет, а значит, ценен.

То, что мы называем эмоцией, на профессионала производит впечатление грустное. Как в театр зайдешь, или на экран глянешь, или музыку такую один раз послушаешь, думаешь: где же взять столько врачей, чтобы всех этих господ вылечить от неврастения и истерии?

Потом зайдешь к врачам. Те, кто постарше меня, еще ничего, а те, кто помоложе, сами в разносе.

Пропаганда спонтанности — это вообще пропаганда здорового образа жизни. Хочешь хохотать — хохочи, хочешь рыдать — рыдай, хочешь сесть задом наперед — садись задом напе-

ред. *Если это никому не вредит, в прямом смысле слова, ты можешь делать все, что хочешь!* Вот это и есть здоровый образ жизни — увеличение спонтанности в своем поведении, открытое эмоциональное выражение для расширения своего диапазона.

Вы знаете, как я солидных мужиков удивлял? Посидим, поговорим... Они ко мне немножечко сверху, покровительственно, по плечу потреплют: «Ха-ха-ха, Игорь, ха-ха... Тебе сколько?» Я говорю: «Пятьдесят восемь». — «А почему так хорошо сохранился?» — спрашивают, и я говорю: «Да просто смеюсь, когда хочется смеяться, плачу, когда хочется плакать. Вот и все».

Поэтому я могу выдержать трое суток психологического марафона, а они нет, они сильно зарегулированы. Поэтому мне интересно жить, а им уже нет. Понимаете, у меня солнышко еще светит, а у них уже в тумане. Вот это и есть главное достоинство спонтанности. Таким образом, мы рассмотрели один источник психопатологии обыденной жизни. Это ущемление мира переживания в течение последних 300—400 лет развития цивилизации, это засилье конвенционального поведения, не дающего человеку проявляться спонтанно, значит, самоценно. Последствия этого можно увидеть (я сейчас нарушу приличия), даже когда человек отправляет естественные надобности у себя в туалете, закрывшись на крючок. Проверьте на себе. И там вы не свободны.

Не только наедине с миром, не только беседуя о духовных вещах, но даже наедине с собой — мы не спонтанны. Поэтому так трудно понять, что такое импульс, что такое момент истины, что такое резонанс.

Человек рожден для счастья

Меня как-то спросили: «А можно идти по духовному пути в короткой юбке?»

В короткой юбке очень удобно. По духовному пути — замечательно! А без штанов — знаете, как удобно! Помню, работал я в Вильнюсе в летнем лагере, так за два месяца ни разу штанов не надел, все время в плавках. А работал как! Спонтанно!

Иногда есть смысл взять себя за волосы и выдернуть из болота, и иногда даже эпатаж, если вы осознаете, зачем это делаете, и понимаете, что это временная мера, хорош.

Есть у меня такое воспоминание, которым я горжусь. Я был сыном прокурора железной дороги, а приятель — сыном директора библиотеки университета, профессора. Чем мы занимались — мы цветы воровали. Не у частных лиц, а у государства. Мы с ним ползли по площади Ленина, который у нас в Вильнюсе смотрел на здание КГБ, а рукой показывал на консерваторию (теперь его уже нет там), и резали ножницами розы. Вокруг ходит милиция, КГБ, а мы ножницами эти розы — пятьдесят шесть штук, как сейчас помню. И весь этот риск для того, чтобы на следующий день войти посреди танцев, в паузе — девочки с одной стороны, мальчики с другой, — у себя же в школе, и кинуть эти розы под ноги хорошему человеку. И что интересно, об этом потом ни один человек не вспомнил, даже намеками, — ни учителя, ни ученики, ни пока я учился, ни потом, когда ушел в вечернюю школу.

Ни один человек ни одним намеком не напомнил мне об этом событии. Я понял, *когда* стал психологом — в этот день.

Это был восьмой класс, в городе Вильнюсе, в привилегированной восьмой средней школе. И сколько я потом бывал на встречах выпускников, среди своих учителей, одноклассников — ни на следующий день, ни десять лет спустя никто не напомнил. А что я такого сделал? Вы подумайте. Юрка открыл ногой дверь, я вошел вот с таким букетом роз, никто же не знал, что я их на площади Ленина резал. Подошел к ней, причем не к возлюбленной, а к другу, которого я нечаянно обидел. А человек — калека, вы понимаете, я просто думал извинения попросить, ну и решил таким способом. Прошел через весь зал, сказал: «Прости!» Бросил цветы, развернулся и ушел. Все как воды в рот набрали. Вот вам и психология. Ведь мы с приятелем

лем подставляли своих отцов — со всей их карьерой, — случайно уцелевших в сталинском терроре. И себя самих. Ради чего? Ради этих пятидесяти шести роз?

Зачем? — спрашивал я себя сегодняшнего. Ради чувства свободы. Нам хотелось — и мы это делали. Может быть, поэтому в нас немножко меньше страха было социального, исходного, чем в других наших сверстниках. Это эпатаж, конечно, это совершенно глупый риск с точки зрения рациональной, но с точки зрения переживания... Надо еще подумать, что сильнее — оргазм или это.

Ведь мы в нашем государстве бывшем, да и во всей нашей цивилизации, воспитаны с позиции воина. С позиции сражения. Мы сражаемся с природой, покоряем ее, с капиталистами сравнивались. Мы просто забыли, что, как говорил мой не очень любимый писатель В. Г. Короленко: *«Человек рожден для счастья, как птица для полета»*. То есть это как бы ему присуще.

Куда делся праздник? Почему все такие озабоченные? Почему нас приучили ко всему относиться с какой-то болезненной серьезностью? Мало того, нас убедили в том, что именно такое отношение есть серьезное! Но это же все неправда. Маниакальное состояние не означает состояние серьезности, так же как состояние наркотического возбуждения не означает состояния веселья, расслабленности. Мы потеряли чувство партнерства, прежде всего с самими собой. Я всегда говорю: если человек не рад тому факту, что он живет, чему он вообще может радоваться?!

Уровень праздника возможен только при одном условии: если вы допустите, что самоценны сами по себе, без всяких предлагаемых обстоятельств. Самоценны потому, что вы в человеческом теле, потому что вы живой. Потому что вы хотите и не хотите. Потому что вы хотите — думаете, а хотите — не думаете. Это вы — человек. Образ человечества. И вокруг человека. Но это же большая удача! Огромная удача!

Так возрадуемся же, человеке!

СОЗНАЙТЕСЬ И СОГЛАСИТЕСЬ

Все, о чем я рассказываю, видно с определенного места, в котором я нахожусь и которое вам пока не знакомо. Очень важно, чтобы вы помнили об этом, иначе у вас произойдет искажение восприятия. Будет немедленно задействован весь аппарат психологической защиты, и в результате вместо пользы может получиться не то чтобы вред, но некоторая депрессивная реакция.

Чтобы этой депрессивной реакции не было, чтобы не произошло интеллектуальной фрустрации (разочарования), помните: все, о чем я рассказываю, видно с определенного места. То есть, осмысляя эту информацию, не теряйте из вида источник — живого автора, его участия в процессе. Не забывайте живого, понимаете? Иначе это все очень чревато.

Когда-то одна моя знакомая написала стихотворение, и у стихотворения был замечательный эпиграф:

Она. Я хочу влюбиться в статую Петра!..

Он. Видно, замуж девушке пора.

Какое отношение это имеет к теме нашей беседы? Самое непосредственное. Всегда следует помнить исходный момент. Как только исчезает живое со всей его непредсказуемостью, со всей его тайной, со всей невозможностью запихнуть живое в какую-то единственную, концептуальную структуру, начинается то, что мы договорились называть психопатологией обыденной жизни. Быть живым — это и есть главная проблема для человека, который пытается осмыслить, что такое жизнь, в которую он попал, что такое он сам и что такое человеческие отношения, в которые он втянут.

Я пользуюсь пассивными формами, потому что, как только мы начинаем задумываться, мы обнаруживаем, что, как говорил Гурджиев: «*Главная иллюзия — это иллюзия делания*». Якобы мы что-то делали. И в этой иллюзии мы живем до тех пор, пока просто нормально не задумались. Как только мы задумываемся, так выясняем, что находимся в какой-то пассивно-страдательной позиции.

В жизнь эту я *попал*. Не пришел, а именно *попал*.

В этого человека я, как самосознание, как «я есмь», тоже *попал*.

В эти отношения — опять же *попал*.

И чтобы начать что-то осознавать, я должен сделать самый первый шаг, тот, который за меня не сделает никто: ни Бог, ни царь и ни герой. Я должен сознаться своему разуму, что я — *лицо бездействующее*. И только сознавшись в этом, я смогу это пережить.

Но как только разум подводит нас к этому выводу, мы тут же начинаем его глушить, не даем себе разрешения сознаться. А значит, не даем себе возможности это пережить и начать **сознательную жизнь**.

Начало сознательной жизни

В строгом смысле слова, *сознательная жизнь начинается с осознания того, что ее не было*. И, как ни жалко прожитых лет со всем прекрасным и ужасным, что в них было, они были бессознательными. Независимо от того, сколько их там прошло.

Если вы сумеете сознаться своему разуму и обрадоваться в своем переживании тому, что дожили до этого самопризнания, то, даже если вам восемьдесят лет, это большая удача. С этого именно момента, с этого признания вы получаете действительное основание для самоуважения. Вы перестаете быть рабом, кнопочным механизмом, который никакого самоуважения не имеет и вынужден создавать его иллюзию за счет выманивания у окружающих подтверждения, что он достоин уважения.

Уважение, самоуважение настоящее, глубинное рождается в человеке только тогда, когда он перестает быть лицом бездейственным, а значит — бессознательным, и делает первые шаги к тому, чтобы стать *действующим* лицом в жизни. Стать автором самого себя, своей жизни и своих отношений к жизни.

Для этого момента нужно не только понимание, но и согласие, без которого не будет соответствующего переживания, а без переживания, соединенного с пониманием, не будет **осознания**. Когда осознание происходит, мы получаем шанс стать, наконец, **действующим лицом**. И только тогда все наши разговоры о мерах, направленных на преодоление психопатологии обыденной жизни, имеют смысл.

Тогда мы получаем шанс, опираясь на это основание для самоуважения, постепенно построить реальное «**Я сам**». Ибо без такого самопризнания нет самоуважения, а без самоуважения нет самооценности, нет самовоспитания, никакого настоящего «само» нет.

Как показывают наблюдения, к этому подходят очень многие люди, но им не хватает сил переступить черту, потому что жалко отдавать прожитые до этого момента события. Ведь если вы признались, что вас не было до этого времени, значит, это все не ваше. Это было с вами, но это не были вы.

Но как только с человеком его жизнь перестает *случаться*, а начинает идти не к нему, а от него, как только он действительно начинает становиться автором себя, — мгновенно отпадает целый воз выдуманных и невыдуманных проблем, потому что это — не ваше. Это проблемы тех и того, что вас вело, что с вами случалось, что вами руководило, что вам внушало. Больше эти вопросы не ваши. Будьте внимательны!

Самость и гордыня

Каковы же главные навязанные, внушенные, внедренные в процессе социализации проблемы, которые позволяют нам жить в иллюзии, что мы якобы действуем? Таких проблем две: **самость и гордыня**.

Что это означает? Прежде всего это иллюзия под названием: «Я все могу сам». Не только могу, но и на самом деле сам решаю, сам делаю, сам выбираю, сам отказываюсь, сам соглашаюсь.

Откуда она идет? Вспомним детство. Помните (а если забыли, так видели у других), как ребенок отказывается первый раз от поддержки родителя, чтобы идти? Это колоссальное событие в человеческой жизни, которое почти никто не помнит.

Мы так «хорошо» сделаны, что самое главное не помним. Когда работаешь с человеком над всякими проблемами в самовоспоминаниях, выясняется, что помнит он что угодно, кроме самых важных событий своей жизни.

Почему? Да потому, что именно они вытесняются. А, казалось бы, это колоссальное положительное эмоциональное переживание — первые самостоятельные шаги. Вы вспомните поведение родителей в этой ситуации: как они радуются и что они сразу после этой радости делают? Они начинают беспокоиться: не слишком ли независим стал от них ребенок. И уже не только родители начинают: «А не слишком ли независим этот подросток?»; «А не слишком ли независим этот юноша или девушка?»; «А не слишком ли независимо ведет себя этот сорокалетний мужчина?»

До сих пор все хотели, чтобы вы стали независимыми, чтобы вы наконец сами пошли! И вот этот момент, один из решающих в вашей биографии, свершился — вы отодвинули родительские руки и сказали впервые в жизни: «Я сам!» — и не просто сказали, но и действительно прошли эти несколько шагов. Больше вам безнаказанно самостоятельных шагов сделать не удастся никогда. Если вы специально этим не займетесь. С этого момента родители и все окружение до конца ваших дней будут делать все, чтобы доказать вам, что вы сами ничего не можете.

Итак, мы все пережили когда-то чувство подлинной самости. И на этой основе, на реально пережитом чувстве подлинной самости, вырастает огромное здание **псевдосамости**.

Глубоко в подсознании мы мечтаем отвести все руки, которые нас поддерживают, направляют, указывают и т. д., и еще раз пережить это громадное наслаждение «Я сам!». Это наше желание дает нам шанс.

Но жизнь идет, и возникают желания, исполнение которых лежит вне сферы наших возможностей, наших личных достижений, и все мы зависимы.

Следующий момент подобного взрыва приходится на так называемый подростковый возраст, когда снова в человеке по неизвестным ему причинам (но субъективно-то ему кажется, что он понимает почему) возникает бурное желание «быть самому». Он еще раз делает попытку отвести от себя эти руки.

И тут же натывается на то, что его самостоятельность определяется его возможностью самому зарабатывать деньги. Возникают проблемы уже собственнические, которые преследуют человека, во всяком случае нашего, иногда до конца его дней. Такая вот прозаическая тема. А поскольку материальную самостоятельность в подростковом возрасте не получает почти никто, то шансов отвести руки и сказать: «Я сам!» — у человека нет. На этом кончается детство с его стихийными всплесками самости.

Дальше начинается совместная жизнь якобы взрослого человека с вечным ребенком, которому все время от кого-то что-то надо.

Постоянное раздражение от нежелания признаться самому себе, что никакой он не самостоятельный и даже не самолежательный, порождает в человеке вечное желание обвинить кого-нибудь в том, что это так. И чем дальше, тем труднее сделать те шаги, которые ведут к самостоятельности, потому что нужно сделать то, о чем я говорил вначале: признаться в собственной иллюзии деятельности. Если же не признаваться, то очень удобно — виноваты все: ви-

новато государство, что мало платит, виновата судьба, что не в той семье родился, не в том социальном слое общества, виноваты те, кому повезло и они живут хорошо, виноваты родители, что не так воспитали, виноваты школа и институт, что не так образовали...

Так начинается доминирование нарочитого внешнего обусловливания над внутренним. Так появляется знаменитая проблема взрослых детей.

Есть у меня один знакомый — очень талантливый человек. Он сорок четыре года ждал наследства и не смел сделать ни одного шага в жизни без воли своей матери, от которой зависело, получит он это наследство или нет. Ну, по нынешним временам сорок или пятьдесят тысяч, которые он получил, это вообще явление скромное, а если еще учесть, что пока он дождался, он психологически и физически сломался, потому что занимался не тем, чем хотел, — то и вовсе ничтожное. Не жил, а развлекался в своей жизни в ожидании наследства. Для меня этот человек — просто символ. Но некоторые, глядя со стороны, говорят: «Эх, как хорошо живет!» Вечно подающий надежды...

Что же можно сделать, чтобы избавиться от постоянного раздражения, постоянного подспудного недовольства, возникающего от подсознательного ощущения, что ты не сам, что тобой руководят? Только одно: довериться своему разуму, понять и согласиться наконец. И не нужно бояться, что будет «облом», депрессия, пессимизм, цинизм. Если в вас есть любовь, устремленность, смысл, то вы сумеете сделать и первый, и второй самостоятельные шаги, разведя все руки, которые вас поддерживают и направляют, отбросив костыли. Хотя это очень трудно. И тогда вы узнаете, что такое самостоятельность. И тогда вы узнаете, чего же вы все время хотели. Что такое «Я сам!».

Тогда вы узнаете, как это трудно — оторваться от большой мамочки под названием социум. Вот тут-то и решается, будете вы когда-нибудь взрослым человеком или нет. Захотите вы быть той рыбой, которая сама себе делает озеро и воду в нем, или все-таки лучше прыгнуть в готовое и плавать там, резвиться и время от времени говорить: «Ну, если б дали мне возможность пожить самостоятельно, эх!»

Человек очень балованный. Человеческая жизнь при всех ее неприятностях — очень уютная оранжерея по выращиванию человек. И если бы время от времени эта оранжерея не разрушалась с помощью глобальных катаклизмов, мы бы так и жили, разделенные на две очень неравные части. Приблизительно сто самостоятельных, взрослых людей, «жрецов», на сто миллионов детей. Так ведь и было, с этого ведь все и началось, как нам ни печально в этом сознаваться. Это уже у обезьян заметили и вообще у стадных животных — вожаков-то мало. Взрослых. Ну, у них там не выбирают — родился доминантной особью, и все: природа требует, иначе стадо погибнет.

Так что подумайте: а хотите ли вы на самом деле этой самости, этой самостоятельности? Пожаловаться ведь не на кого будет.

Второй момент — это то, что мы называем гордыней. Давайте еще раз попробуем заглянуть в свое детство и выяснить, откуда же она берется. Вроде как бы оснований-то никаких нет. Вот тут я всегда вспоминаю одного из героев романа Достоевского «Братья Карамазовы», Снегирева. Знаменитую сцену, когда Алеша предлагает ему деньги. Помните? Бедный, несчастный человек в жутком положении: ребенок болен. И вот Алеша Карамазов, склонный к искреннему сочувствию, предлагает ему деньги, дабы он смог помочь своему ребенку. Помните, что Снегирев сделал? Он начинает топтать эти деньги ногами, кричать, что мы бедные, но гордые. Замечательно описан весь инструментарий гордыни, который в неэкстремальной ситуации у человека обычно мягко завуалирован.

Мы можем видеть, что гордыня — это обратная сторона той же медали: с одной стороны самость, а с другой — гордыня. И когда я, обладая сложным аппаратом психической защиты, защищающей в том числе мое право быть в этом мире, должен сказать: «Помогите!» — хотя давно уже отверг всякие подпорки, — то есть когда я должен признаться, что не самостоятелен: «Научи меня», «Помоги мне», «Спаси меня», «Я здесь, потому что я ничего не знаю», —

вот тут-то и поднимает голову гордыня: как это просить? Как это быть благодарным? Надорвусь, но не буду зависеть. Когда человек хотел быть учеником и приходил к шейху в некоторых суфийских традициях, он произносил такую фразу: «Прими меня как труп в руки омывателя трупов». И во всех серьезных традициях на этапе послушничества есть проверка, действительно ли человек хочет быть учеником. Прежде всего выясняется, сможет ли этот человек перешагнуть через свою гордыню, действительно ли он осознал свою неспособность самостоятельно добиться той цели, ради которой обращается.

Ученик — это такое же колоссальное испытание для учителя, как и учитель для ученика. Только обращение ученика может точно определить, каков учитель. Это — как истинная вера и любовь к Богу и псевдолюбовь. Это мы или просто хотим смыться от всех к папе, только самому-самому папе, идеальному папе, или действительно хотим стать «само».

Поделюсь с вами своей интимной проблемой: у меня были сложные отношения со своим отцом, и в общем-то у меня отец такой коллективный: энное количество мужчин, которые заменяли мне на моем жизненном пути отца. Замечательные люди. Но такая проблема существовала — нехватка отцовского начала.

И вот я приехал к Мастеру, счастливый, что все состоялось. Я очень хотел учиться, потому что понял, что попадусь в лапы своих последователей намертво: у меня было тогда тридцать семь учеников — «большой мастер». Я уже сам чувствовал, что еще немножечко, и они меня загонят в этот образ намертво. Что скоро я пальцем пошевелить сам не смогу, потому что только подумаю — и они уже будут делать. Главное, чтобы сохранить меня в идеальном состоянии: «Это наш такой самый идеальный».

Все вроде хорошо. И вдруг часов через восемь-десять думаю: «Что это ничего не происходит? Что это я чувствую себя очень хорошо?» То есть все, что я знаю про эту ситуацию: вроде сдаваться приехал, учиться, — а не то.

И вдруг я понимаю, что, будучи действительно человеком высочайшей квалификации, Мастер в первые несколько минут поймал меня. И уже с пятой минуты выдает мне мою же проекцию идеального отца. Я ребенком стал. Я потерял на этом день, пока сообразил, что уже попался, что урок уже начался, что во мне еще до «само» далеко. Потому что я уже все: папа, папа, папа. Идеальный. Я приехал работать, учиться, сделать следующие шаги, а стал отдыхать...

Вот такие тонкие формы бывают у такого грубого дела, как гордыня. Ведь это натуральная гордыня, понимаете? Приехать к Мастеру и попасться на проекцию идеального родителя — это и есть тонкая форма гордыни. Такая же, как у якобы учителя, наставника, когда он начинает использовать эту ситуацию выноса на него проекции родителя...

Когда дело доходит до тонких форм, когда вы упираетесь в стенку гордыни внутренним буфером, не позволяющим человеку попасть в такую ситуацию, в которой обнаруживается, что его взрослого — нет, тогда необходимо прилагать усилия, опираясь на устремленность, тогда пора понять, что вся наша жизнь до момента вот этого «само»-сознания — это огромная соска, что все наши ужасные беды, страдания — соска. Как говорил тот же Гурджиев: «Ничто так человек не любит и ни с чем так тяжело не расстаётся, как со своими страданиями!» А они такие типичные, как выясняется, у всех одинаковые. Мамка оторвала от груди — о-ой, это же трагедия. Наши страдания — это страдания человека, который должен погибнуть под машиной, а его вытолкнули, он ударил коленку, ему больно.

Это и есть жизнь в утробе, в утробе социума. Поэтому я вам напоминал вначале о том месте, из которого это видно. Потому что изнутри этой утробы никакой патологии не видно. Все, что я вам рассказывал, — это никакая не патология, это жизнь! Она такая! И прекрасна этим. И благодаря тому, что она такая, мы все живы. Мы живем, растем, развиваемся, накапливаем знания благодаря тому, что защищены ее утробой.

Я благодарен судьбе за то, что смог родиться.

Я благодарен своей матери.

Я благодарен своему отцу.

Но ведь социум — это мать, и благодаря этому мы живы. И имеем шанс. А вы говорите — гордыня, самость... Давно говорят мудрые люди: *«Когда идешь к вратам, от всего отталкиваешься. И только пройдя врата, начинаешь ко всему притягиваться»*. Велика мать наша, велика, терпелива и всех детей любит. Всех тех, кто там, в утробе. Равно. И отец есть у нас. Но это попозже. Когда выйдем. И зачаты мы непорочно. Но не в том биологическом смысле слова. Ну, пожалуй, все, я на этом закончу.

О ДВУХ ПРАВДАХ (ОТЦУ ПАВЛУ ФЛОРЕНСКОМУ ПОСВЯЩАЕТСЯ)

Говоря о психопатологии обыденной жизни, мы, безусловно, не можем миновать такую проблему, как ложь. Как проявление патологии обыденной жизни, ее правильное начинать изучать с такого глубинного подхода, который предлагает П. Флоренский («О культе»).

В чем основная мысль Флоренского? Она состоит в том, что человеческое существо соединяет в себе две правды.

Проблема взаимодействия, реализации в человеке этих двух правд решается только бесконечным развитием каждой из них, вплоть до абсолютной реализации. И только при абсолютной реализации этих двух правд происходит духовный синтез и преображение.

С этой позиции можно рассмотреть человеческую жизнь как взаимодействие этих двух правд: какая из них усекается больше, какая меньше, какие компромиссы между ними строятся. *Каковы же эти две правды?* Флоренский формулирует их так: **правда бытия** и **правда смысла**. Бытие — абсолютная мощь жизни, без энергии которой невозможно никакое свершение. А смысл — лик, как мера, как дух. *Недостаток правды бытия приводит к страху совершения реальных поступков (экзистенциальная трусость), недостаток правды смысла приводит к полной зависимости от целей и задач, навязываемых внешним давлением.*

Мы говорили о трагедии гибели мира переживания в европейской цивилизации начиная с XVII века, с эпохи Просвещения, когда был выдвинут замечательный лозунг: «*Cogito, ergo sum*». Теперь мы можем взглянуть на эту ситуацию, опираясь на подход Флоренского как на ситуацию возвышения смысла над бытием.

Независимо от того, философствовали мы когда-либо в своей жизни или нет, это история нашего с вами сознания. Она пронизывает всю повседневную жизнь человека, живущего в этой цивилизации, до мельчайших подробностей. Нам предстоит увидеть, что абстрактно-философская проблематика на самом деле является непосредственной, живой тканью нашего сознания и определяет очень многое в повседневной жизни.

Ложь и страх на страже смерти

Самое главное — это причинный источник лжи, лжи как заблуждения, лжи как самообмана, лжи как идеологии, выдвигаемой обществом, лжи неустойчивой морали, которая сама же не выдерживает критики разума, хотя разумом порождена, лжи псевдорелигиозности и псевдомистицизма.

В чем тут дело? Давайте от абстрактного перейдем к конкретному. **Бытие — природа, плоть — это источник энергии, энергии жить, энергии созидать, разрушать, энергии, которая не знает границ, не знает самоограничения, энергии стихии, страсти.** Это в образных системах — энергия Земли.

Когда мы с вами рассуждаем о витале, о тантре, — мы очень смешны. Потому что если бы мы внезапно прикоснулись к этому источнику, если бы позволили себе быть этой энергией, этой страстью, этой жизнью, то, наверное, сгорели бы, как мотылек сгорает в пламени свечи.

Мы все с удовольствием читаем, смотрим, когда что-то такое показывают, на что-то такое намекают, что якобы в нас с вами есть. Действительно, в нас это есть, пока мы живы. Но, будучи продуктом западноевропейской цивилизации, мы смертельно боимся этого, нас пугают десять или одиннадцать веков назиданий о том, что это страшно, что это грех, что это разрушительная сила, зверь, которого необходимо обуздать.

Я люблю рассказывать по этому поводу одну историю, как иллюстрацию к тому, что стало с великой силой, великим зверем бытия.

Была у меня команда, отчаянная, с хорошей подготовкой, и однажды я говорю: «Ребята, давайте один раз выпустим этого зверя на волю, ну что же мы все об этом только говорим... Технология у нас есть, умереть не умрем — подстраховку сделаем, давайте попробуем». — «Давайте!»

И мы попробовали. Вошли в состояние полного доминирования энергии бытия и были готовы к потрясениям, ужасам, взрывам!..

И что получилось? Выбежала такая ма-а-аленькая худенькая мышка и сделала так: «Пи-пи-пи-пи-пи». Все, что осталось от этого зверя!

Есть замечательная картина «Мадонна с тигренком»: вместо дитяти — тигренок. Этот тигр — как воспоминание о бытии, воспоминание о страсти, воспоминание о мощной энергии жизни.

Когда мы в жизни сталкиваемся с человеком, который волею случая содержит в себе некоторое количество энергии, превышающее средний уровень, статистическую норму приобщенности к энергии бытия, — мы пугаемся. Хотя уже давно пугаться нечего.

Это насилие над природой, проявившееся и в человеческой психологии, и в устройстве социальных конвенций. Проявилось оно и в прямом насилии над природой, то есть это и экологическое насилие, пренебрежение к природе, которое пронизывает все наше существо. **Мы совершили насилие над миром и над собой, дурно поняв взаимоотношение духа и плоти.** И большая часть нашей лжи, принимаемая нами как эстафета от наших родителей и родителей наших родителей и передаваемая нами своим детям, происходит отсюда. Ибо это и есть ложь, изначальная.

И великий подвиг в мыслях, в чувствах Флоренского состоит в том, что он одним из первых сказал: **бытие — правда, и смысл — правда.** Человек велик именно тем, что в нем соединились и движутся две великие правды. Но, лишившись своего «противника» — правды бытия, — вторая правда, правда смысла, стала мельчать, укорачиваться, обрезаться, приспособляться к дохлому своему партнеру и выродилась в прагматическое, мелкое умозрение. Так тигр превращался в мышку, так лик, как воплощение правды смысла, превращался в лицо, в личину, в душонку. В результате получилось существо, в котором нет ни разума, ни духа. И это главный источник духовного кризиса современного западного человечества. Потому что везде, где победно шествует лозунг: «Cogito, ergo sum», — везде, где победно шествует догматическое утверждение первенства духа над плотью, неизбежно происходит вырождение человека, умаление его величия и потеря смысла его существования. Ибо ложь, как известно, есть дитя — любимое дитя — смерти.

Кушать надо — жить надо!

Может, это кощунственно для некоторых прозвучит, но я всю сознательную жизнь призываю к тому, что **кушать надо.** Сколько я слышал язвительных реплик по этому поводу: проповедь, так сказать, эпикурейства и прочее...

Наша истинная жизнь прячется за ширмой псевдорелигиозности, в псевдомистицизме. Наше спасение в том, чтобы от того места, где мы находимся, найти пути к бытию, к жизни, к страсти... Без этого мы не спасем своих детей, своих внуков. Без этого мы не спасем, не возро-

дим изнасилованную нами природу, и никакие дачные участки не помогут. Без этого мы не избавимся от фундаментальной основы нашей лжи.

Я очень люблю Порфирия Корнеевича Иванова, его жизнь, его как человека. И для меня Порфирий Корнеевич есть воплощение — редчайший случай в нашем мире — воплощение полноты бытийного начала. Я представляю этого замечательного человека босым на снегу, разговаривающего с гитлеровским генералом. И я понимаю, чем дальше, тем больше, то изумление, которое он вызвал, изумление такой величины, что его даже не тронули. Потому что этого уже давно нет. Покажите мне последователя Порфирия Корнеевича, который бы хоть как-то приблизился к нему в этой приобщенности к бытию. Ни одного еще не видел, хотя знаю их человек тридцать-сорок. Они такие же, как все.

Что такое сегодняшняя диета, как не плохо замаскированная аскеза, умерщвление плоти своей? Что такое сегодняшние болезни? В большей своей части — умерщвление плоти своей. Что такое культ футбола? Все останавливается, все, телевидение транслирует исключительно футбол, по всему миру. Что это? Господа, что за событие — футбольный матч? Что такое спортсмен? Что такое стриптиз? Что такое порнография? Все это плоды хилого сознания, которое никак не может понять, почему оно хилое. Плесень на теле природы. Агрессивная плесень. Превращающая в плесень все живое вокруг себя.

Страсть и умозрение

Разум — это союз духа и плоти, если говорить строго. Это условие для бесконечной реализации каждой правды — правды бытия и правды смысла. А мы все время пытаемся найти лик в пустоте. Мы все время забываем великую восточную мудрость, что родиться в человеческом теле — огромная удача! Ибо благодаря телу дух приобщен к природе, к бытию.

Да, конечно, стихия, страсть может разнести все в щепки. Но и дух бесплотный, превратившийся в умозрение, способен уничтожить все живое, ибо что ему плоть? Противник, и все. И мы не вывернемся, никоим образом, пытаюсь найти одно вместо двух. Пока не услышим таких людей, как Флоренский, пока не переживем необходимость соединения в себе бесконечных этих двух правд, не обретем полноты.

Следуя дальше за Флоренским как за религиозным мыслителем, можно прийти к такому выводу: дойдя до предела бытия, мы поймем, что предел бытия — это истина, и только дойдя до предела истины, мы поймем, что предел истины — это бытие. И тогда нам откроется Бог. И тогда мы поймем, что Микеланджело что-то про это знал. Тогда мы сможем прикоснуться к росписям Сикстинской капеллы. Ибо там бытие и смысл находят свое отражение в единстве.

Мы немножко перепутали еще в XI веке. А уж в XVII совсем запутались. Мы перепутали страх перед невежеством, которое, конечно, ужасно, со страхом перед жизнью. И под видом борьбы с невежеством заодно занялись борьбой с жизнью. А когда мощи нет — остаются мощи в качестве идеала человеческого тела. Но никто не задумывался над тем, что происходит с этим самым «мыслю», когда оно помещено в мощи.

*Пытаясь вспомнить наиболее идеальное воплощение святости, кого мы называем? Франциска Ассизского, у которого птицы на плечах сидели, животные к нему приходили. Серафима Саровского, Сергия Радонежского, которые жили в лесу и не испытывали никаких проблем с якобы враждебным окружением, медведи к ним приходили, лани, и все замечательно получалось. Я еще раз напоминаю: в Киеве сходите в Софию, посмотрите на первоначальные росписи, сравните с тем, что сейчас. Была ведь эта полнота. **Было ощущение необходимости одновременного сосуществования и взаимного бесконечного развития двух начал — бытия и смысла.***

Последний всплеск этого единства — эпоха Возрождения, когда идея духа соединилась с античной идеей бытия. Произошла встреча христианства и античности. Получилось Возрождение. А потом опять страшно стало. И я думаю, что сегодня мы как бы в преддверии своего Воз-

рождения, своего возвращения к полноте бытия. Своего понимания единства двух великих правд — бытия и смысла. Потому что если не это, то смерть: Чернобыль, Аральское море...

От действительного духа до того, что мы теперь этим называем, — большая дистанция. Душок такой от нашего духа остался. При этом становится более или менее ясным одно удивительное противоречие: казалось бы, человек, человечество становится все более сильным, все более знающим, все более могущим, а в действительности — все более слабым. Страх заменил радость бытия. А страх и ложь — близнецы-братья, кто более матери истории ценен? Мы говорим страх — тут же возникает ложь. Мы говорим ложь — тут же возникает страх.

Что же делать?

Осознать это трудно, а уж реализовать-то — тем более. Я не думаю, что мы в течение жизни одного поколения сумеем сделать сколько-нибудь значительный шаг в эту сторону, в смысле реализации двух правд.

Но думается мне, что в течение жизни нашего поколения, тех, кто сейчас живет, можно сделать значительный шаг в сторону **осознавания**. Прежде всего собственными усилиями приблизиться в своей обыденной жизни к равноправному присутствию обеих этих правд.

Поначалу, конечно, очень страшно. Такая попытка влечет за собой фундаментальное переустройство всей повседневной жизни, пересмотр отношения к жизни и к себе самому. Но беру на себя смелость сказать, что это главный духовный подвиг нашего времени. Вот я мысленно ставлю рядом Флоренского и своего Мастера. Один — православный священник, мыслитель, ученый, утонченный красавец, «византиец», как его поругивали внутри церкви. Другой — суфийский Мастер, в своих смешных — для европейского человека — формах, со своей игрой в незнание русского языка, со своими акцентами и суфийской традицией использовать снижение до упора. Один на своем утонченном, рафинированном, глубоко философском языке формулирует эту великую правду о человеке, о том, что человек — это две правды: правда бытия и правда смысла. А другой, пустив чашу по кругу, смеясь, говорит, когда его спрашивают: «Что самое главное?» — «Жить надо». И они из одного места и говорят об одном.

Духовное сообщество как факт

В чем, на мой взгляд, красота духовного сообщества? В том, что это социально-психологический мир, в котором встречаются, дружат, и понимают, и любят друг друга представители самых разнообразных социально-психологических миров, народов, эпох, мест. И это лучшее доказательство того, что у человечества есть возможность построить метамир, мир, который без напряжения включает в себя все остальные миры. Во всяком случае, бо2льшую часть человеческих миров.

Духовное общество может это сделать — ведь в нем во все времена сохранялось знание о двух правдах человеческого существа. Знание о необходимости предельного развития бытия и предельного развития смысла. Знание о том, что дух и плоть есть неотъемлемые, хоть и противоречивые, сущности человека, человеческой жизни. И потому там или совсем нет, или почти нет лжи. И почти нет — а в высших реализациях совсем нет — страха.

Мы выше говорили о Матери нашей. А теперь так получается, что беседуем об Отце. Как известно, любовь матери безусловна, любовь отца — это завет, это смысл, с которым нам дальше жить. Завет этот таков: бытие и смысл, истина и страсть неразрывны. Это то, что объединяет образ человека, в котором они соединены, и образ человечества, в котором они соединены. Это и есть лик Отца нашего.

Это суровый лик, суровый с нашей точки зрения. Ибо представьте себе, какой целостностью, тотальностью надо обладать, чтобы дать через себя бесконечно и одновременно реализо-

ваться этим двум великим правдам — правде бытия и правде смысла. Какой мощью и какой мудростью надо исполниться... Чем-то, нам еще не известным, о чем мы с вами пока только начинаем задумываться. Но уже сегодня мы в начале нашего пути, сложного пути к Отцу.

Мы выросли в мире, в котором нет ни веры в ее полноте, ни любви в ее полноте. Но уцелела надежда — правда, еле-еле теплится. И поэтому нам трудно этого — синтеза этих двух составляющих — даже захотеть по-настоящему, а достичь — тем более. Но все равно это есть у нас как потенция, ибо мы — люди.

Мы — человеческие существа, мы ведь содержим в себе и смысл, и бытие, и веру, и любовь. Они есть в нас независимо от чьего-то желанья, и уничтожить их можно только вместе с человеком.

Если цель — духовность, то как увлечь этим молодежь, ведь это для нас и для них гораздо сложнее, чем просто жить как сложится, как пойдет, упрощенчество стало образом жизни. Я не думаю, что духовность — это цель. Цель, движение к цели, любой принцип движения к цели подразумевает волевое усилие, подразумевает целевое бытие, то есть подчинение всех обстоятельств в жизни достижению цели. Я не думаю, что духовность есть в этом смысле цель, которую можно достичь путем волевых усилий. Я думаю, что духовность — это прежде всего переживание, порождающее поиск, устремленность к такому смыслу жизни, который позволил бы мне обнаружить непреходящий смысл в моей личной, персональной, единственной, уникальной жизни.

Духовность — это пробуждение души для встречи с духом, то есть любовь, это происшествие, а не цель. Другой вопрос: можно пытаться создать условия, повышающие вероятность такого происшествия, вот это может быть целью.

Существует масса всевозможных традиций, которые создают внешний круг обучения, то, что мы называем *убежищем*. Туда человек может прийти за помощью, за эмоциональной поддержкой. Потом, если в нем устремленность возрастает, он может встать на Путь, может пройти какое-то обучение или посвящение. Но устремленность духовная — это происшествие. И те, кто ставит своей целью стать духовными, вряд ли станут духовными. Это все равно, что поставить своей целью полюбить.

Сила надежды

В том, чтобы взрастить в себе хотя бы отражение этих двух великих правд — **устремленность** и **веру**, — наш шанс на будущее. Беспощадный реализм (видеть все так, как оно есть, не зажмуриваясь) плюс беспощадный романтизм (реализовывать свой смысл жизни, несмотря ни на какие препятствия). Эта пара может нас привести к воплощению бытия и реализации смысла.

Но только беспощадный по отношению к себе реализм и беспощадная устремленность *вместе*. Беспощадная устремленность без беспощадного реализма — это будет сю-сю-реализм, то есть всевозможные убежища, психологические теплицы и т. д. и т. п. Беспощадный реализм без беспощадной устремленности — это цинизм. Знание ради знания, полная потеря остатков любви, убийство себя.

Слова Флоренского — свидетельство истины, что человеческое содержит в себе, по сути, две правды — правду бытия и правду смысла. В этом величие человека и в этом источник всех его трагедий. Только не впадайте в псевдосерьезность. Потому что, если вы не будете относиться к этому эмоционально, если вы не позволите себе это переживать, если вы по подсказке умозрения начнете это якобы «аналитически исследовать», ничего не выйдет, сила энергии испарится, вытеснится, рационализируется, схематизируется.

Как сказал мне Учитель мой в вечер посвящения, протягивая пять страничек текста: «Или это будет еще одна информация, или начнется новая жизнь». Чтобы духовная информация не превратилась просто в монетки в копилке — эмоционируйте, переживайте, плачьте, смейтесь по этому поводу. А не прячьтесь друг от друга.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МИРЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Вернемся к теме **социально-психологического мира**, к этому ключевому понятию.

Снова повторю, что социально-психологические миры необходимо в первую очередь четко отделять от вертикальной структуры общества, от социальных пластов. Кстати, как показывают наблюдения, человек, сделавший карьеру, начинает тянуть к себе наверх людей прежде всего из своего социально-психологического мира.

Принцип объединения в социально-психологический мир

Когда-то, в годы «прекрасного застоя», я имел возможность взглянуть, как живут там, на уровне, скажем, министра республиканского масштаба. Что интересно, между собой они объединяются не по принципу социальной иерархии, а по принципу социально-психологических миров.

Это первое, что нужно понять, потому что социально-психологические миры нельзя делить по принципу «выше — ниже». «Выше — ниже» — это иерархическая структура самого общества, социальная структура.

Социально-психологические миры можно оценивать с позиции «выше — ниже», если вы используете какой-то критерий принципа самореализации или какие-то этические конструкции с точки зрения своих идеалов. Тогда можно сделать такую классификацию: «это — ниже, а это — выше». Но сами по себе они не выше и не ниже, это горизонтальный срез, они все в одной, собственно говоря, плоскости. Членами одного и того же социально-психологического мира могут быть люди совершенно разных социальных уровней. Особенно это хорошо видно, когда едешь на зимнюю рыбалку. Там же никто не знает, кто генерал, а кто дворник. А вот жаргон, словечки, оценки, стиль поведения — они объединяют людей.

Но здесь есть свои ловушки. Например, вы можете видеть, что у человека формы поведения совпадают с вашими. И на основании этого прийти к заключению, что этот человек вам близок по миру. И только соприкоснувшись с ним вплотную, вдруг с сожалением обнаружите, что, оказывается, содержание этой формы совсем другое...

Скажем, есть два очень близких мира. Один — мир богемы, мир людей около искусства и в искусстве, но они не очень в искусстве, потому что работают мало, претензии имеют высокие, а настоящего служения искусству у них нет. Но они как-то при искусстве.

Почему? Потому что мир искусства, будучи миром замкнутым, небольшим по объему, имеет некоторое большее количество степеней свободы в данном социуме. Свободы эти даются по принципу, по которому социум обособливает специалистов. Чем меньше количественно мир этих специалистов, тем больше степеней свободы.

Как правило, человек использует только те степени свободы, которые «свобода от», и лишь немногие, осознанно или в силу своей вовлеченности, используют «свободу для».

И вот в мире около искусства можно совершать поступки, несколько вызывающие с точки зрения других миров, и это прощается, это разрешено. «Артисты! Что с них возьмешь?» Но в этом якобы пренебрежительном «артист» — в нем же и зависть. Ему можно, ему разрешено.

Если кто-то из нас с вами пьяным упадет на улице и его там будут поднимать, грузить в машину, а он еще будет кричать?! Сами понимаете, последствия... А если это будет, скажем, известный артист — последствия совсем другие. Хотя поступок один и тот же. Ему можно. А нам с вами нельзя. И взаимная зависть миров друг к другу опирается на то, что в каждом из них позволено нечто, непозволительное в другом.

Есть очень близкий, в определенных аспектах, к богеме мир. Это мир научных работников. И опять же не тех, кто служит науке. Так же как около искусства, есть люди и около науки. Они уже давно наукой не занимаются.

Там опять же есть определенная степень свободы, то есть большее количество разрешений, но уже не на улице, а в кабаке, «на хате», и есть свой стиль.

И эти два мира по форме совпадают. Но содержание все-таки чуть-чуть разное.

Как ни странно, даже в каких-то своих самых, казалось бы, низменных проявлениях, но содержание, внутренность миров все равно разная.

Есть мир, который, на наш взгляд, может показаться совершенно примитивным, его можно назвать патриархальным. В городах тоже есть такой, как бы немножко похожий на крестьянский... И вы можете с удивлением обнаружить, что там степень свободы минимальная. И он может произвести очень сильное положительное впечатление, потому что там очень строгие правила. Там нарушение границ дозволенного прячется даже от своих, поэтому процветает ханжество: *«Можно, но чтоб об этом никто не знал»*.

Значит, лучше всего, на мой взгляд, ориентироваться в новом для вас социально-психологическом мире прежде всего по степени свободы.

Что разрешено? И на каких условиях разрешено? От чего, по отношению к Великому Среднему (это большинство человечества), человек в данном мире свободен или, наоборот, не свободен? Этот момент для анализа другого социально-психологического мира, для практического понимания реакций и поведения его представителя — самый важный.

И конечно же, внутри этого мира нужно постараться отличить «свободу от» и «свободу для». Хотя человек, когда ему удастся обнаружить какую-то степень свободы, редко начинает думать, что тут «для», а что — «от». Всем сразу хочется быть «свободными от». Когда человек хочет покинуть свой социально-психологический мир в силу тех или иных причин: профессиональной ориентации, отсутствия плюс-подкреплений в своем мире тому (одобрение, поддержка, признание), — очень важно понять, что позволено в другом мире, в который он стремится попасть.

Есть люди, которые в силу разных обстоятельств всю жизнь движутся из мира в мир, эти люди как пирог о семи углах. Когда-то на Руси пирог такой был — кулебяка, о семи углах, и в каждом — своя начинка. Такие люди внутренне противоречивы, потому что пропускают через себя различные, иногда слабо стыкующиеся, социально-психологические миры. Они потенциально могут построить какой-то новый мир, но по сути они везде чужие.

Очень трудно проконтролировать в себе самом все проявления того мира, к которому ты принадлежишь и который трудно осознать. И еще труднее проконтролировать, попытаться сыграть что-то не из своего, а из другого мира.

Оставить свой социально-психологический мир — это и значит оставить самого себя. Получается, что социально-психологический мир — это как бы та река, то озеро или тот аквариум, в котором каждый человек живет как рыба.

Если вы выпрыгиваете из этого аквариума, нужно перепрыгнуть четко в другой и мимикрировать (подстроиться, стать своим), чтобы быть похожим на местных рыб, либо выпрыгнуть и начать делать вокруг себя свой аквариум.

Осознать свой мир

Этот момент сложен, ведь для того чтобы хорошо разбираться в других мирах, вы должны познакомиться со своим — познакомиться в смысле «осознать».

Это очень трудно, но очень продуктивно, потому что в этом случае вы многое сможете понять в своей жизни. Многие истории, случившиеся с вами, откроются вам совершенно в другом свете. Вы читать книжки станете иначе, с людьми разговаривать станете иначе, потому что будете понимать, *что нужно...* Это важно: понимать, что в каждом моменте есть еще одна непрямая информация — информация о социально-психологическом мире.

Я думаю, ближе всего к этому подходит профессия режиссера, потому что режиссура — это и есть создание мира: один пытается угадать мир, созданный автором, а другой с помощью

пьесы выражает свой. Но суть одна — за несколько часов нужно создать убедительный социально-психологический мир.

Теоретик литературы Михаил Бахтин в своих работах говорит о хронотопе (пространство плюс время) как о характеристике художественного произведения, то есть говорит, что время и пространство художественного произведения имеют свои специфические качества. А мы с вами замечаем, что у человека, занимающегося психоэнергетикой, появляется другое чувство времени, для него характерно проживание более полное, и потому от утра до вечера проходит огромная жизнь. Это и есть перемещение из одного человеческого времени совсем в другое.

Вы, например, к вечеру вспоминаете утро как что-то резко удаленное от вас, а другой человек, собственно говоря, только в пять вечера просыпается. До этого у него просыпаться нет необходимости — он не просыпаясь встал, оделся, позавтракал, выпрыгнул, выпрыгнул, встал на рабочее место, отработал, вышел — выдох — и только теперь — жизнь!

А сколько той жизни? С пяти до десяти-одиннадцати, когда нужно обязательно лечь спать. Значит, встал, поспал, снова в пять часов проснулся, заснул. Это же другая жизнь, другое время. Так же как один человек никогда не выезжал из своего родного, любимого города, а другому не проблема — сесть в самолет и махнуть куда-нибудь за тысячу километров. У них разное пространство и время. Значит, еще один признак социально-психологического мира — это хронотоп, специфический для каждого.

Есть социально-психологические миры, где к пенсии начинают готовиться лет с двадцати пяти. Понимаете, у них все серьезно: чтобы была хорошая пенсия, надо то-то, то-то, то-то. А до пенсии еще тридцать лет, но человек уже готов. Так принято. Такое время в этом мире.

Есть социально-психологические миры, где любой человек, который вообще позволяет себе больше, чем поездку в отпуск, — это просто несерьезный тип, без корней. А есть социально-психологические миры, в которых, наоборот, если человек не поменял двадцать-тридцать мест работы, то это не человек вообще.

Вот об этом обязательно надо помнить, размышляя о том, что² есть норма, а что — отклонение.

Я как-то общался с настоящим бичом. Для него вся страна — одна большая квартира. Он точно знает, где надо жить в феврале, а где в марте. И эти места, с нашей точки зрения, далеки друг от друга, а с его точки зрения, страна — это одна территория, одно пространство.

А если границы откроют — он еще свободнее будет. Как мне один наш турист, ну не совсем турист, а человек, который ездит в командировки, говорит: «В Брюсселе познакомился с одним хиппарем, поболтали. Спрашиваю у него: „Куда теперь?“ — „А я, — говорит, — сейчас в Париж иду“. — „Как в Париж?“ — „А так, — говорит. — Хочу в Париж сходить“». Через месяц они встретились с ним в Париже. Тот пешком. Вот так ходит по Европе «призрак хиппизма». Во плоти. Для нас с вами это нонсенс. Для нас проблема в соседнюю республику, бывшую союзную, прийти...

Вы думаете, там, на Западе, все такие, все пользуются этими свободами? Нет. Некоторым это в голову не приходит. Не потому, что нельзя, а потому, что просто не надо: «Что это я буду шататься по этой Европе? Мне и дома хорошо. На своем огороде. Можно съездить в этот безумный Париж один раз, в молодости, чтобы потом внукам рассказывать».

Мы же с вами думаем, что наша жизнь полностью определяется внешними обстоятельствами. Мы не в той стране, не в то время, а вон там... а вот у них... Да там все точно так же, только богаче, больше там политических, экономических свобод. Но социально-психологические миры гораздо больше похожи, чем мы можем предположить. И, приехав куда-нибудь «туда», вы будете чувствовать себя плохо до тех пор, пока не встретите своего, из другой страны, но своего. Из того же мира. С удивлением выясните, что вы «родственники».

Есть такой мир — мир театра, который я хорошо знаю. И куда б я ни приехал, в любую точку бывшего Советского Союза или за рубежом, — что мне надо? Зайти в ближайший театр. Все. Я дома. Просто театр, нормальный, по законам Великого Среднего театрального мира. В

любом месте пришел: «Я режиссер». — «О-о! Кофе будешь?» — если там кофе есть, в той стране, или чай.

Границы миров

Есть миры, выходящие за пределы национальных границ, а есть миры, замкнутые еще и национально.

Одна моя знакомая режиссерша, литовка, работает в Минске. Вышла замуж в Минске и повезла своего мужа на родину к себе, на хутор к родителям — познакомиться. Он такой интеллигентный, ему предлагают: «Пей, пей». Он: «Ну что ж делать, — ради жены, новых родственников...» — пил и пил.

Больше он туда не ездит. Сказали: «Не привози. Пьяница». А он в Минске в рот не берет. Ну, только на праздник. А прослыл пьяницей. И не докажешь ничего. Свой среди чужих, чужой среди своих.

Где свои, где чужие? Только инстинкт выводит к своим абсолютно точно. Где вам легче всего? Среди каких людей? Это ваши люди, это ваш мир. Если вам здесь хорошо — этот мир ваш.

Каждый из нас прекрасно знает, где ему на самом деле хорошо, свободно, легко и, главное, бесконтрольно: что ни сделаешь — точно попадешь! И что поругаешь — все ругают, и что похвалишь — все похвалят! Поэтому когда кто-нибудь из *наших* куда-то туда забрался, а потом в родную деревню приехал своих навестить, так это ж святое дело. И ему хорошо. Он же там остается нашим посланником. Он же там не прижился... А вот если прижился, то он уже не наш и не наша гордость. Он уже — изменщик.

Та же самая форма: *знаменитый наш*, но живет в другом мире, ему же *там* тяжело должно быть, он должен все время к нам домой рваться! А если прижился — то изменщик, подлый человек, забыл своих, бросил.

Человек не виновен, что он родился не в том мире, где родились вы. Понять чужой социально-психологический мир — очень тонкое дело. Мы часто этого не понимаем и поэтому пытаемся действовать грубыми орудиями: обижаем, оскорбляем, пытаемся переделывать друг друга.

История каждого человека персонально и человечества в целом — в каждом из нас, мы — образ человечества. И решая в силу каких-то причин покинуть свой мир, вы должны свято помнить формулу, свойственную этой ситуации: *«И сжег он то, чему поклонялся, и поклонился тому, что сжигал»*. Так поступить, так сделать, так думать — значит искренне пережить благодарность всем людям, из которых вы сделаны. Покидая их, уходя в другой мир, нужно сказать этим людям *большое спасибо*. Потому что где-то там, среди них, или где-то там, в структуре их взаимодействия, и родился этот ваш импульс — перейти в другой мир. Он не с неба упал, не надо придумывать, что «космос позвал». Он *там* родился.

Когда я впервые всерьез сделал самовоспоминание своей жизни, выяснилось, что первым моим учителем была бабушка. Чего я в ней до тридцати лет своих не подозревал, а когда понял, увы, ее уже не было здесь, я не мог даже поехать и сказать ей спасибо.

Во мне все люди, из которых я сделан, и они все стоят рядом. Я и есть они. И Юрий Михайлович Лотман, и моя бабушка, и дядя Миша, который учил меня слесарному делу, и Владимир Федорович, с которым я играл в одном театре, и многие другие. Они все — это и есть я. Каким-то чудесным, таинственным образом из всего этого получился я.

Вот если вы так будете смотреть на себя и от себя, тогда вы никогда не скатитесь в пустое обличительство, в пустое соревнование: чей мир лучше?

Научившись смотреть на мир таким взглядом, вы сможете говорить с человеком на его языке. Как показывает практика, это самое сложное искусство из всех искусств в мире — *говорить с человеком на его языке*. На языке его мира.

Даже те, кого мы внутренне проклинаям, кого считаем людьми, словавшими нам жизнь, могут быть нам дороги... Ведь мы же им это почему-то разрешили... В силу ли обстоятельств, в силу ли какого-то желания, в силу ли какого-то компромисса — миллион вариантов.

Сколько из нас грешили, пытаясь настроить маму против папы или папу против мамы, с высоты своих знаний. И так далее и тому подобное. Понимаете, невозможно быть безупречным, в этом плане невозможно. Жизнь не может быть усовершенствована, потому что она совершенна. Если она не совершенна, тогда совершенно совершенна.

И проблема в нас: насколько мы постигаем полноту этого совершенства, насколько видим возможность движения внутри живой ткани жизни к тому, что, на наш взгляд, более соответствует понятиям **человек** и **человеческая жизнь**. Имеем ли мы при этом мужество уважать то, что покидаем. Не уважать то, что покидаешь, — это все равно что не уважать лоно своей матери, которое мы тоже покинули.

Тут такая тонкая ситуация, требующая предельного внимания, предельной памяти, предельной четкости действий и осознания. Дело не в том, что *плохо* или *хорошо*, надо отказаться от этого критерия: «плохо — хорошо», «выше — ниже», а подойти по-другому. Это все жизнь, это ее кипящий котел, и у меня есть замысел. Если у меня есть замысел по поводу своей жизни, то я могу кристаллизироваться в этом процессе и с этой точки, с позиций своего замысла, посмотреть на новую жизнь.

Тогда проявится то, что движет меня к замыслу, тогда в этом хаосе первозданном, живом хаосе жизни, я сделаю рывок к бытию, то есть к созданию нового мира. Каждое сообщество, сообщество социально-психологического мира, всегда желает, чтобы его представители куда-то прорвались. Куда-то выше. Всякий социально-психологический мир стремится расширяться вплоть до всего человечества.

Одно дело ходить, скажем, на завод. Завод — это не мир, это завод. Вы можете быть какой угодно, вы пришли на завод, минимально завязали какие-то отношения — и ушли. А мир — другое дело. Если ты в него вошел, если хочешь в нем жить, ты должен изучать его законы и изменяться в соответствии с ним, ты должен стать таким, как все в этом мире. В пределах допустимых норм свободы. Разнообразие есть, но оно в пределах допустимых границ.

Мир — это больше, чем люди, его составляющие, мир — это традиции, социальное наследование, психологические ритуалы, иерархия ценностей и т. д.

Современный мир перемешивает людей все активнее, и все чаще и чаще мы оказываемся в ситуациях, где действуют люди различных социально-психологических миров. И надо искать способы нормального решения проблемы, с нормальной состыковкой...

Пропуск в новый мир

Входная дверь в новый для вас социально-психологический мир открывается, только когда есть пропуск.

В каждом мире есть пропуск. Если вы выработаете умение быстро понимать, где пропуск, — все получится быстро: тук-тук — и вы уже там, в нужном вам мире. Ну, потом вы где-то себя выдадите все равно, и народ кричит: «Ай-ай! Ай-ай-ай! Чужого пустили!» — и начинается своя игра.

Кстати говоря, чаще всего пропуск довольно простой, но только вам это в голову не приходит. А там всем приходит! Мы думаем, что голова — это собственность наша, субъективное пространство сознания. Но ведь туда тоже что-то приходит. Неизвестно откуда, неизвестным путем, и что-то уходит.

А еще есть то, что никакому контролю не подлежит. С нашей стороны — это определение *своих*, представителей своего социально-психологического мира. Кинь вас в толпу на вокзале, смею вас уверить, вы быстро найдете своих, может, удивитесь, правда, что это они, но найдете. И в вагоне в долгой дороге найдете, и в новом чужом городе незнакомом.

Рассказывал мне один человек. Первый раз на своей машине поехал он за границу по тогда еще социалистическим странам. Едет он по Польше, смотрит — сзади все время одна и та же машина с советским номером. Преследует. Ну, он терпел-терпел, потом не выдержал, остановился. Машина подъезжает, выходит из нее мужчина, говорит: «Слушай, давай вместе ехать...» Но у них не совпало. Они из разных миров. Этот один хотел, а тот не мог один, хоть с кем-нибудь объединиться надо.

Такой вот пример из разряда: «Давай вместе жить!» А где это? В твоём мире или в моём? Или в каком-нибудь третьем? В путешествие отправимся? Это жизненно важно понять: когда вы предлагаете другому человеку — *давай будем вместе*, — то следующий вопрос: *а у кого?*

Строительство нового мира

Очень часто люди пытаются построить новый мир, особенно когда любят друг друга, или найти выход из противоречия между двумя мирами, найти свой новый мир. Известно, что всякая попытка построить мир на двоих обречена изначально, потому что получается не мир, а бегство из мира. Но убежать из своего социально-психологического мира — значит убежать из самого себя, а это невозможно.

Такие попытки приводят к трагедии, драме. Если мы обратимся к мировой литературе, к мировому искусству, то увидим, что большая его часть питается именно этими «невозможностями». У Шекспира Гамлет в начале пьесы обнаруживает, что его мать оказывается совсем другой, чем он думал, глядя на отца, и ей с Клавдием хорошо... (Кстати говоря, мало кто это понимает. Когда говорят о Гамлете, я сразу вспоминаю несколько историй из жизни, в которых происходило то же самое: дочь или сын с удивлением для себя обнаруживали, что их родителю с новым партнером хорошо.)

Построить новый мир на самом деле означает *найти* новый мир. Найти мир, который потенциально может стать общим домом для этих двоих, или троих, или десятерых. Это творческая, а значит, нестандартная работа.

Создать мир — не значит контролировать все в нем. Мир — существо органическое.

Хотя я с полным правом могу сказать, что, во всяком случае на территории бывшего Советского Союза, мир духовной традиции создан моим импульсом. В определенном смысле я его родитель, но это не означает, что все в нем мне понятно, ясно, что именно так я все и задумывал. Если бы я *так* хотел и вообще *хотел и задумывал*, то никакого мира не получилось бы. Я его *нашел* с помощью своего Учителя. А почему я его искал? Я оказался выброшенным из какого-то мира, в котором должен был быть мой дом. Те, кто собрался вокруг, — это тоже выброшенные из своего мира люди. В подавляющем большинстве.

Без своего мира человек — потерянный, бездомный. Надо найти тот мир, который отзовется. Найти мир, который существовал когда-либо где-либо, или сейчас даже где-то существует, а вот рядом — нет. А дальше начинать действовать. Действовать можно только двумя способами: *переместиться*, если эта проблема сводится к перемещению в пространстве, либо *начинать создавать*, то есть искать таких же бездомных, как и вы, и заключать какие-то союзы: дружеские, идейные, деловые — какие угодно. Принять какую-то форму деятельности, какие-то общества, кружки, театры. Дать этой форме возможность роста, воплощения.

Новый мир будет удивлять вас, как постоянно удивляет все живое.

Двадцать лет создавался этот мир — мир традиции, а потом мне понадобилось еще три года, чтобы разобраться, что же это такое, и еще три года, чтобы понять, что это хорошо, потому что это живое, и если мне в нем что-то не нравится, то это никакой роли не играет. Если бы в нем было только то, что мне нравится, мир был бы не мир, а конструкция, произведение искусства, вычищенный мир.

БРАТЬ И ДАВАТЬ

Есть у Крылова замечательная басня «Свинья под Дубом»:

Свинья под Дубом вековым

Наелась желудей досыта, до отвала;

Наевшись, выпалась под ним;

Потом, глаза продравши, встала

И рылом подрывать у Дуба корни стала.

Дуб ей объяснять пытается, что желуды-то на нем растут, ну а она этот вопрос игнорирует...

Почему я о басне? Есть еще одна в определенном смысле жестокая правда о том, что есть два совершенно разных принципа жизни — **принцип производительный** и **принцип потребительский**. В человеческих отношениях эти принципы тоже действуют.

И можно сказать, что принцип потребительский — это принцип в каком-то смысле инфантильный, потому что он идет от отношений с матерью, тех первичных отношений: «Мамка теплая, молоко сладкое, сосу, сосу — и рай».

Принцип же производительный — он, скорее, отцовский принцип, когда для того, чтобы заслужить похвалу отца, поощрение с его стороны, любовь с его стороны, необходимо что-то делать.

И в этом плане можно говорить, что по способу строить отношения люди как бы делятся на две группы. Первая группа (это *дети*, которые ищут мать в отношениях, ищут первичный способ взаимодействия, способ потребления, и они беззаботно, искренне, совсем не по-злодейски себя ощущают в этом, они просто естественно и органично потребляют и не знают, что такое благодарность в полном смысле этого слова — ну кто говорит матери спасибо за материнское молоко?)

Сталкиваясь с ситуацией, которая как бы предопределяет благодарность, эти люди испытывают колоссальное напряжение, вплоть до истерики, до сильнейшего желания избежать такой ситуации.

В моей жизни был такой случай.

Однажды я спас своему товарищу жизнь. Ну, так случилось — у него была ситуация, он меня позвал, и я пошел. В течение недели после этого он сделал все, чтобы прервались все наши контакты, даже случайно возможные.

Обычно мы расцениваем такую ситуацию как предательство, как непонятное предательство. И только много лет спустя я понял — в этом нет умысла. Это инстинкт, инстинкт человека, который в отношениях — не на уровне материальных, там этот человек замечательный, бескорыстный, материально всегда мог помочь, поделиться куском хлеба, как говорится, а именно на уровне эмоциональных, истинно человеческих отношений — не в состоянии ничего дать. У него нет такого места, так сложился его процесс становления, что он умеет только брать. Его нельзя судить за это. Можно, конечно, осудить, не зная, что есть люди, так и оставшиеся при матери, безотцовщина эмоциональная, они не знают любви к отцу, любви, которая изначально построена на чувстве благодарности, на активной деятельности.

Как сказано у Соломона: *«Слушай... наставление отца твоего, и не отвергай завета матери твоей»*.

Вторая группа — это люди, которые в сфере эмоциональной жизни, в сфере человеческих отношений не в состоянии брать. Они как бы безматеринские — не знают материнской любви. Они не могут взять то, что им предлагается, потому что не знают, что с этим делать. Хотя это совершенно бескорыстный материнский дар. Это один из серьезнейших источников психопатологии обыденной жизни.

Мы часто подрываем корни того дуба, который нас кормит, пока живой. Мне кажется, что именно в сфере неформальных человеческих отношений, в сфере отношений близких людей, детей и родителей, влюбленных, мужей и жен, друзей это очень острая проблема. Ибо это такой существенный дефект эмоционального мира, который исправить, компенсировать, говоря научным языком, очень трудно.

Большие дети

Мы — большие дети, и мы сами, и человечество в целом. Мы относимся к природе только как к матери: берем, берем, берем... И она, конечно, дает, истощаясь все больше и больше. Потому нам так и не хочется родиться в третий раз (первое рождение — биологическое, второе — социальное, третье — духовное), что нас там ждет отец, то есть мир, который сразу предъявит к нам колоссальные требования. Ибо **требования — это и есть отцовская любовь**. Ибо отец задает границы, показывает границы и учит делать, действовать, творить. **Родиться в третий раз — это и значит оказаться наедине с миром.**

Мать тут, рядом, но уже есть и отец. Помню, когда-то у меня был любимый вопрос. *Куда уходят духовные искатели после тридцати, тридцати пяти лет? До тридцати лет их полно, а потом, старше — уже единицы. Куда они исчезают вдруг?* В матку они исчезают, в утробу социальную, потому что пора что-то делать, ответ перед отцом держать, перед миром, ответственность на себя брать, а не хочется. Пора уже что-то отдавать, производить, хотя бы как дуб желуди для свиньи. *А вдруг она рылом подрывать корни станет?* Лучше ничего не производить — не будет и подрывать.

Отцовской любви надо добиться, отец не может любить так, как мать, и не должен. Его любовь проявляется сурово и требовательно, ее надо добиться. Я не говорю о тех случаях — семей таких много, знаю, — когда отец сам как ребенок, вроде отец, а вроде нет, но все равно кто-то будет вместо отца когда-нибудь.

А вот здесь, при третьем рождении, от отца никуда не спрячешься. Вот он — мир. Во всей его красоте и непреложности, во всей его любви и справедливости.

И в определенном смысле мы можем сказать, что вот тогда, когда есть мать и есть отец, возможно единство, полнота этих двух планов бытия и смысла, ибо **бытие — это все-таки материнская власть, а смысл — это отцовская мера**. И тот, в ком нет отцовского начала, не умеет ни остановить себя сам, ни организовать себя сам, ни действовать из самопобуждения, то есть у него никакого «сам» и быть не может. Ни в первом рождении, ни во втором, ни в третьем. Ибо «сам» всегда имеет границы себя, «сам» — это значит «отграниченный». И отграниченный, как мы говорили, изнутри.

Это граница не как препятствие, поставленное другими, а как отграниченность, определенная самим собой. То есть знанием себя в строгом смысле слова. Спроси у любого духовного искателя: «Ты хочешь третьего рождения?» Конечно, он скажет: «Хочу».

Как «трижды герой» — «трижды рожденный». Но если ему объяснить, показать реальность, ожидающую его, если проанализировать его отношения с его собственным первым отцом, сказать, что его ждет еще более суровый, добиться любви которого во много раз труднее и во много раз больше труда надо к этому приложить, захочет ли он третьего рождения? Еще с первым-то не все ясно.

Мир отца спросит с каждого: что ты сделал с матерью своей, с природой, какой ценой бытию ты достался? И чего-то ты так долго не рождался, а сидел в утробе? И почему ты обидел

любимую мою? И надо будет отвечать, и объяснять, и понимать, и выслушивать наставления отцовские, и учиться уму-разуму, и становиться самим собой, и ставить свою подпись под деяниями своими.

Любовь матери и отца

Поэтому знать, копить знания приятно, увлекательно для многих, престижно, а вот становиться мудрым не хочется. В определенном смысле можно сказать, что человек, не родившийся из социальной утробы, — безотцовщина, ибо не знает он отца своего. И когда слышит в утробе о нем, ощущает через мать, то ничего, кроме страха, не испытывает. И вместо того чтобы через любовь матери к отцу начать учиться любить отца так, как она его любит, начинает ревновать его к матери и пытается отбить мать у отца.

Казалось бы, аллегория в духе Фромма, но разве то, что мы делаем с природой, разве то, что мы пытаемся доказать как неизбежность во взаимоотношениях с природой, это не есть попытка отбить мать у отца, отнять природу у мира, лишить ее этой любви? Да, каждый человек потенциально от Бога, но не для утешения это сказано, а для ответственности каждого за свою потенциальность, личной ответственности, ибо это отцовский наказ, а не материнский завет.

И тот, кто ничего не делает, никаких личных усилий для реализации этой потенциальности не прилагает, — как может рассчитывать на отцовскую любовь, как может рассчитывать на то, что ничем не повредит матери? Как он может рассчитывать на любовь, если ни через материнскую любовь к отцу, ни через любовь отца к матери он не проходит, не прикасается, он только слепо, неистово и агрессивно пытается все это разрушить, ибо эта любовь — упрек ему, а не радость?

Но *«впрочем не Моя воля, но Твоя да будет»*, — сказал Иисус Отцу своему. И когда мы говорим: поставить Закон над собой, Закон, избранный тобой по любви, — это ведь тоже шаг к Отцу. И когда мы говорим, что граница всякой технологии, всякого знания, всякой методики — любовь, это ведь тоже шаг к Отцу, ибо Отец полагает границы. Материнская любовь, как известно, границ не имеет и не должна их иметь, если она материнская.

И когда мы оправдываем человека, предающего мать свою и отца своего, не себя ли мы оправдываем? И не про это ли сказано — увидь сначала бревно в своем глазу, а потом соринку в глазу ближнего? *Когда мы говорим о смерти Духа, о разрушении духовности, не о том ли мы говорим, что забыты завет матери своей и наказ отца своего?* И в этом тоже источник патологий обыденной жизни. В потере отцовского и материнского начала, в потере соотношения потребления и производства. Это — великая мысль Флоренского о двух правдах: правде бытия и правде смысла.

Вспомните древнюю мысль: *«Из двух вы станете одним»*. Я бы поставил вопросительный знак и спросил у себя и у вас: *«Когда из двух мы станем одним?»* И вот когда станем, тогда сможем считать себя взрослыми людьми. И тогда сможем по мере сил очищать жизнь свою от той патологии, о которой мы говорили, в разных ее проявлениях.

Есть, конечно, еще одно старое изречение: *«Умножая знание, умножаешь печаль»*. Конечно, это очень трудно и непривычно — находиться в постоянном душевном напряжении, в постоянной душевной работе. Это стихи хорошо читать: *«Душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь!»* Тут три-четыре дня, и то уже, знаете, хочется уколоться и забыться, музыку погромче включить, выпить чего-нибудь покрепче, уехать куда-нибудь подальше.

Труд души мучителен до тех пор, пока душа не знает любви. Труд души мучителен, мучительно осознание, ибо осознание, точнее говоря, одушевление мыслей, смысла, порождение смысла — это есть труд души, душевный труд, а не интеллектуальный. И он мучителен, но без него душа не узнает любви. Без него, кроме волнений тела и некоторого возбуждения мысли под общим названием «влюбленность», ничего другого не откроется перед вами.

Конечно, хотелось бы сразу — в полет. Безусловно, хотелось бы, как когда-то, когда без труда это было. У Цветаевой есть замечательные строчки: *«Не возьмешь мою душу живу, не дающуюся, как пух»*. Понимаете, никуда не уйти от завета древних, замечательно выраженно-го Константином Сергеевичем Станиславским: *«Трудное сделать привычным, привычное — легким, легкое — красивым»*. И так обрести «душу живу, не дающуюся, как пух». А хочется, как в детстве: к мамке припал и полетел. Это хорошо, ежели ты готов из-за этого «хочется» трудиться, творить.

Трудится во имя «хочу»

Чем работа в обыденном смысле этого слова отличается от слова «работа» для меня? Когда я хочу так, что во имя этого готов трудиться, тогда получается творческая работа. **Трудиться во имя «хочу»...**

Но трудиться без «хочу» — это то же самое, что любить без «люблю». И поэтому в этой, казалось бы, простой фразе: *делай только то, что тебе хочется делать*, — заповедь великого подвига. Ибо, пожалуй, нет труднее на Земле задачи, чем эта.

Все твои «хочется», во имя которых ты готов делать, — они вряд ли повредят людям, а вот те твои «хочется», во имя которых ты ничего не делаешь, — они будут жить в тебе, как нерожденные, невоплотившиеся желания.

Это и есть творчество — расстояние от замысла до его воплощения, а акт творчества — это и есть соединение отцовского и материнского, мира и природы, смысла и бытия, духа и плоти. А иначе «свинья под дубом вековым, наевшись желудей досыта, до отвала...» сначала заснула, переварила, потом, глаза продравши, встала и тут же начала решать эту задачу рационализаторства — чего ждать? Сразу весь дуб повалить — и все желуди мои. А ведь они на нем растут, не появляются, а растут, и мы на Земле, в мире растем, а не просто упали с дерева неизвестного. Как в анекдоте о сумасшедшем доме: играли там в Мичурина. На деревья залезли. «Машка созрела?» — «Созрела». — «Прыгай». Бам! «Петька созрел?» — «Созрел». — «Прыгай». Бам!

«Ищите, и обряцете» — что тут можно сказать. Это радостный труд, потому что это творчество, это труд по заветам, ибо каждый человек от Бога, и в первую очередь об этом должен помнить он сам.

Пришел однажды ко мне сын и сказал: «Ба! Так ведь я же от Бога! А я все время думал о других, что они от Бога, и был озабочен, как бы не забыть, общаясь с ними, что они от Бога. И совсем забыл, что я ведь тоже от Него и что это то самое, начальное-то!»

С себя начать надо, в себе самом надо обнаружить и реализовать что-то там от Бога, от Отца то бишь, ибо от Матери-то ясно, это все описано в технологиях, социониках, гороскопах, это все от матери, от природы, а дом-то самому соорудить надо.

Отец — он такой, он говорит: *давай делай, давай будем вместе делать*. Но делать! Все от Бога, но не все к Богу.

Мир в наследство

Как нам достаются миры? Это отдельная история в каждом отдельном случае. Мы получаем эти миры, как правило, в процессе социального наследования. И я говорил вам уже, что эта тема науке практически неизвестна, поэтому я не знаю ни работ, ни людей, которые посвятили себя тому, чтобы выяснить, как возникает социально-психологический мир, как он развивается во времени и в пространстве.

Другой вопрос: как мы наследуем социально-психологический мир? Конечно, это в первую очередь семья, потом круг семьи. Это самое главное — семья и круг семьи, родственники, друзья, те, с которыми мы соприкасаемся через их стиль, способ думания, систему ценностей, систему взаимоотношений. Мы усваиваем это в возрасте до пяти лет.

Ведь известно, что человек к семи годам практически готов как характер, как природа, как бытие чистое. Он даже успевает проиграть все будущие сценарии своей жизни. Понаблюдайте за детьми, как они играют. Они все уже сыграли — как они женятся или выйдут замуж, какой семья будет, какую они карьеру сделают, как умрут. Я видел, как дети играют в похороны. Они проиграли уже всю свою жизнь наперед, и весь вопрос в том, какие сценарии им пришли в голову, как они окрашены, эти сценарии, и насколько жизнь будет подкреплять это или как-то все-таки давать возможность измениться.

Это фантастика, если непредвзято посмотреть, как они проигрывают всю свою будущую жизнь. Сразу видно, была ли мать матерью, была ли материнская любовь, это не важно, шла она от матери или от отца, была ли она, та материнская без размеров, без ограничений, без условий... Была ли отцовская любовь — не важно, от кого она шла — от отца, от матери, от бабушки, от бабушки, но отцовская, которая дает миру границы, которая учит делать во имя своих «хочу». От этого очень многое зависит. От структуры этой — да, конечно, но эта структура больше закладывает не столько основы социально-психологического мира, сколько эмоциональную структуру, то есть структуру души человека.

Спонтанность без любви — это дурь, расхлябанность. Так же как знание без любви — это просто смерть. Никаких границ.

Почему мы всегда говорим, что для формирования любой общности — от пары до коллектива — главную ценность имеют не идеи и даже не дела, а совместные переживания? Когда родители это забывают, они потом удивляются, почему между ними и их детьми отчуждение. У них не было совместных переживаний. «Я же все для тебя делал!» — «Ну и что? Ты это делал, тебе это было надо, ты так хотел себя проявить в качестве отца или матери. А мы с тобой что-нибудь вместе пережили?»

У меня были очень сложные отношения с моим отцом. Есть кусок совместных переживаний. Он нас с братом водил в детский сад, детский сад был около его работы. И рассказывал сказки, которые сам же сочинял. Это было совместное переживание. Весь символ любви к отцу для меня в этом кусочке. И в совместных переживаниях, связанных с тем, что он мне рассказывал про философию, — уже позднее, когда он не жил с нами.

Объединяет переживание, а не чувство. Чувство, поскольку это только *Я*, может возникнуть и исчезнуть. Переживание не исчезает. Ни одно переживание не исчезает. Почему мы говорим, что культура переживания — это и есть работа, переживание — это и есть работа души, в смысле творчества. Это и есть творчество души. И они никуда не исчезают. Они преобразуют нашу душевную суть.

Душа — это совокупность пережитого. Вот это и есть любовь. Чувство любви — это может быть жажда обладания. Или зависть, оформленная под любовь... Чувство — вещь приходяще-уходящая. А вот переживание — это уже точно никуда не денется: то, что совместно пережито, даже захочешь из себя выбросить — не выбросить.

Если рационализировать, то можно сказать, что переживание — это голос любви.

Меня спрашивают: пока человек находится в большой утробе, как он может встретиться с Отцом, если он находится в утробе и все воспринимает через Мать?

Он же воспринимает любовь Матери к Отцу. И ее счастье от того, что отец ее любит. Отсюда и возникает желание встретиться с Отцом. Может быть, это желание встретиться с Отцом и есть желание родиться, вот это, может, и есть духовный зов к рождению, к встрече с Отцом.

Отец нужен, это тот, у кого ты будешь спрашивать, что делать. И выполнять то, что он скажет. Нужна воля. Когда мы обращаемся к Богу — да будет воля Твоя! — мы обращаемся к Отцу. Нужна воля, нужен наказ, чтобы развить в себе это качество. Поэтому без Отца нет самоограничения, самодисциплины, самостоятельности.

Что такое каприз? Это реакция на нарушение первоначального блаженства, это раздражение по поводу задержки удовлетворения желания. И это очень тяжело. И для женщин это тяжело. Но особенно когда мужчина вырастает без отца, когда мать блокирует его так, когда он даже не встречает отца, не, как говорится, родного, а просто мужчину, который становится ему отцом, который ему отцовское-то начало закладывает. Он так и остается ребенком: «Дай, дай, дай, дай...» И в других женщинах ищет только мать, ничего не может дать, зато хорошо умеет взять. А есть и такие, которые могут только отдавать, а взять не могут — это ни плохо, ни хорошо, это разнообразно.

КРЕДО

Давайте попробуем еще раз, может быть, более обобщенно взглянуть на эту самую *обыденную жизнь*.

Есть такая знаменитая «Изумрудная скрижаль» Гермеса Трижды рожденного, великая заповедь: «*Как внизу, так и вверху, как вверху, так и внизу*». И есть высказывание Шанкары (индийского религиозного философа, реформатора индуизма) о том, что «*нирвана — та же сансара, а сансара — та же nirvana*». «*Великий квадрат*, — говорил Лао-Цзы (китайский философ, живший в IV—III в. до н. э. и считающийся основателем даосизма), — *не имеет углов*».

Эти три высказывания, на мой взгляд, об одном и том же. Мы привыкли располагать события, ценности, переживания, даже время своей жизни по вертикали. Мы легко, не задумываясь, говорим: «*Это выше, это ниже, это более низко, это менее низко*». Мы никогда не задумываемся над тем, что такой способ взаимоотношения со своей жизнью лишает нас всяких шансов на то, чтобы обнаружить единство жизни и бытия.

И даже сами эти выражения: «обыденная жизнь», «быт», «повседневность» — внутри себя содержат такой оттенок, как «печальная такая необходимость». Нечто вообще-то лишнее, не очень обязательное, «ну что поделаешь», как бы плата за мгновения взлетов, за те высокие откровения, за те прекрасные переживания, которые случаются иногда.

Когда начинаем вспоминать свою жизнь, максимум три месяца наберется не обыденных. Всякий «энтузиазм» чаще всего длится не больше трех месяцев. Всякий, в том числе влюбленность. Три дня, три недели, три месяца максимум. Три — это ритм нашего сознания.

Это такое свойство нашей психики — в ритме вальса. А остальное — дырки, дырки, дырки, не заполненные ничем, кроме этой самой повседневности, быта, обыденности, воистину без всякой экзотики. Если из десяти лет прожитой жизни я вспоминаю как нечто значимое — три месяца, то что я делал остальные девять лет и девять месяцев? Спал?

Жить всегда

Ведь самое главное — *обыденная жизнь*. Почему самое главное? Потому что просто ее почти нет, жизни-то, как оказывается. Мы о ней столько говорим, мы ее и так и сяк поворачиваем, и с точки зрения социальных канонных концепций — столько наговорили... *транзактный анализ, интертные отношения, малые группы, соционика. А в чем соль?* В том, как нам привиделось, приснилось...

Чего нам только ни приснится. Приснилась социодинамика, приснились интертные отношения, приснился Игорь Николаевич Калинаускас вместе с Зигмундом Ивановичем Фрей-

дом... *Ну и что?* Пройдет десять лет, и, может быть, десять дней, кажущиеся такими важными сегодня, не войдут даже минутой в воспоминания. Великий квадрат воистину не имеет углов...

Поэтому, наверное, начинать-то надо с того, чтобы проснуться, как-то меньше спать, чтобы из десяти лет хотя бы пять запомнить.

Я иногда думаю о том, что мечта долго жить, быть вечно молодым возникает оттого, что люди не живут. Кажется, ну что там — прошло десять лет, вспоминаешь, ну три месяца... *Это сколько надо, чтобы набрать десять лет настоящей жизни?* Четыреста лет надо прожить, чтобы набралось десять лет бодрствования. Четыреста лет! Такой жизни.

Мне везло, мне вовремя попались вечные книги. Я как проснулся, это было в шесть лет, с тех пор помню все. Все было интересно, ничего не хочется вычеркнуть, вытеснить... А если строго говорить, то, конечно, только когда я встретил Учителя и доучился до того, что смог сделать пересмотр жизни, тогда я только вернул себе свою жизнь, в полном объеме...

Понимаете, тут совсем другое ощущение жизни. Просыпаешься утром и думаешь: господи, сегодня же инструкторы... Уже шесть часов вечера, а еще жить и жить, уже столько прожито. А народ есть — неделю прожил, кругом слышишь — ни у кого ничего не произошло, а у тебя уже... в этот понедельник была уже позапрошлая жизнь.

Все вспоминается притча, как Господь праведника предупредил, что в такой-то день и час будет отравлена река и люди сойдут с ума. Праведник выдолбил себе водохранилище в горах, запаса воды и в тот день и час смотрит — точно, люди все с ума посходили. Месяц пил свою воду, два месяца пил свою воду, три месяца... «энтузиазм» кончился. Он попил со всеми и сошел с ума, все забыл, стал как все...

В субботу с друзьями встречаешься, говорят: «Этой недели вообще нет, как в прошлую субботу расстались, так сегодня и встретились, в прошлую субботу — это было вчера».

Но если проснуться, то ты сможешь видеть сны других людей. Или быть психологом. В начальном смысле слова «психология», то есть наука о душе.

Учитель мой, когда закончил МГУ, пришел к А. Н. Леонтьеву, говорит: «Профессор, я психологией заниматься хочу». Рассказывает ему свои идеи, которые он сейчас уже осуществляет в Нью-Йорке. Леонтьев слушал его, слушал и говорит: «Да, молодой человек, вы хотите заниматься психологией, то есть наукой о душе, но я ничего не могу предложить. Вот есть возрастная, эмоциональная, медицинская, а вот этого нет, извините». Какая там психология у спящего человека? Общие сны видит, мысли более или менее красиво оформлены...

Поэтому все, что я вам рассказал, — все это для меня субъективная истина, это все добыто, и осознано, и понято, но все это обретает настоящий смысл, настоящую полноту и, самое главное, конструктивность, позитивность, если преодолена **патология обыденной жизни**. Это патологическое представление о том, что жизнь можно разделить на обыденную и необыденную.

Жизнь: и смысл, и бытие

Нет никакой обыденной жизни и необыденной тоже. Есть эта жизнь. И другая есть... То есть говорят, что есть, но это потом, умрем — увидим. Сейчас-то никакой другой нет. Жизнь мы можем проспать, радуясь отдельным дням, часам, минутам. Можем создать целые большие теории, что все остальное — подготовка к вот этому Мгновению.

А можно жизнь прожить, это совсем другая история...

Когда я впервые узнал, что «Насреддин» означает «единственный» и что на Востоке считается, что Насреддин — это высочайшее духовное достижение, то есть супернасреддин, что даже Будде этого не удалось, — я почувствовал себя полным идиотом.

Я стал читать, перечитывать до последней притчи сказания, легенды про этого Ходжу, замечательную книжку Соловьева наизусть выучил. Читал. Чувствую, что придумываю, подгоняю сам себя под что-то там внутри меня, представление свое, а вот момента истины нет, настоящего.

Спасибо Мастеру, подсказал. Неоднократно вспоминаю, когда в ответ на такой вопрос, который даже произносить не надо было, просто кричало все вокруг, он сказал: «Жить надо!»

Но тут меня озадачило еще больше. А что мы, собственно говоря, здесь делаем? Мы же и так живем. Кто нас спрашивал — хотим мы, не хотим? И не так давно, строго говоря, совсем не так давно, вдруг сверкнуло, что таки да — *надо жить*.

Оказывается, самое трудное, и самое интересное, и самое загадочное, и самое таинственное, и самое духовное, и самое мистическое, и самое оккультное — все, что вы хотите, самое-самое-самое, — это **жить**.

Понятно, что Гермес действительно Трисмегист, трижды рожденный, он додумался, но решил так: «*Ну что же, если я скажу просто: жить надо, — все смеяться будут в этом Древнем Египте во главе с фараоном*». Думает: «*Надо что-то такое задвинуть*». Задвинул: «*Как вверху, так и внизу, как внизу, так и вверху...*» Назвал это «Изумрудная скрижаль» — как хочешь, так и понимай.

И Шанкара тоже сидел-сидел, мозговал-мозговал — ну как намекнуть-то? Он говорит: «*Нирвана — та же сансара, сансара — та же нирвана*». Ну вот, ребята, думайте, догадывайтесь, что я сказал...

Лучше всех, конечно, поступил Лао-Цзы, сидя задом наперед на буйволе... Он просто сказал: «*Великий квадрат не имеет углов*», по-простому, чтоб сразу понятно было.

Вот в чем парадокс. Что мы хотим, чего только мы ни хотим: и того хотим, и того хотим, — а жить-то мы, оказывается, не очень хотим. Вот жить долго — да, некоторые хотят, хотя не знают зачем. Нам так внедрились про эту *обыденность* и *необыденность*, про *быт* и *небыт*. Знаете, какие книжки хорошие мы читали, там вообще никто не пишет, не какает, не спит, не ест, а если ест, то что-то такое, чего не бывает в магазинах. И нам объяснили, что это концентрированная жизнь.

Нам так и хочется что-нибудь концентрированное, развею водой — будет жизнь. Я думаю, что это и есть самое главное, чему есть смысл научиться, — жить. Чувствовать живую ткань жизни. Она присутствует везде, в любой форме, в любом мгновении.

Когда читаешь религиозные тексты, там вопрос: что есть благодать? Думаю, что вот это и есть — благодать, она здесь, всегда, чем бы ты ни занимался, в какую бы ситуацию ни попал. Я понимаю Шри Ауробиндо и Мать, они вообще бросили спать... Жалко даже на несколько часов перестать ощущать этот контакт с тканью жизни, это высшее наслаждение — сознания, души, тела, духа. Это та самая амброзия, пища богов, и она не где-то там, в другом времени и пространстве, она здесь...

Надо проснуться, проснуться так, как мы просыпаемся в те мгновения нашей жизни, которые никогда не забудем. У каждого есть что-то, что он никогда не забудет. У каждого есть это ощущение — **вот я в это время жил! Я был!** Я был вот эти полчаса, вот эти три дня, вот эту неделю, вот эту ночь...

Это неправда, что так нужно жить постоянно, это неправда, что только какой-то эмоциональный всплеск, какая-то вибрация в теле, какой-то зуд в голове обязателен, иначе этого ощущения не будет. Тогда йоги все — идиоты, когда говорят: «*Гладь озера, зеркало, покой ума*». Нет, это нужно для того, чтобы войти, слиться с этой живой тканью, ощутить эту благодать, ощутить вкус... И тогда мы можем поиграть в игру — обыденная жизнь, необыденная жизнь.

Мир совершенен, воистину, и мы совершенны, воистину. Человечество еще молодо. Вот эта вся структура социального наследования, так называемого воспитания, так называемого об-

разования, вот это все несовершенно, еще молодо. Но во все времена, у всех народов по великому закону разброса появлялись свои Лао-Цзы, Гермес, Шанкара. Совсем недавно наш с вами соотечественник Вернадский, болея, во сне вдруг увидел свое предназначение...

А еще есть такая сказка «Конек-Горбунок», помните, как Иван там помолодел?.. Куда он прыгнул? В кипящую воду. В жизнь. А оттуда куда, что закрепителем было? Холодный котел смысла. И получился Иван-царевич. Проснулся мужик!

Действительно, есть смысл делать усилия в эту сторону, в сторону себя проснувшегося. Потому что совсем все по-другому становится: тайна смерти, возраст биологический и социальный, даже говорить страшно, что там открывается.

Почему *живому* так больно, почему?.. Иногда очень больно. Однако есть вещи, где самое аккуратное высказывание кажется очень грубым и ранищим ткань жизни. Душа, по-старинному чувствительна, — орган subtilный. Ей в этом грубом и во многом примитивном мире — трудно. О сокровенном трудно говорить, и больно, и одиноко, и какая-то странная усталость бывает, к этому надо привыкнуть... Лелеять себя какой-нибудь изысканной мотивацией, не сразу убирать всю вертикаль, а постепенно сближать небо с землей, верх и низ, сансару и нирвану. Как повезет, как получится, кого или что услышишь.

Но ведь и здорово! Здорово хотя бы потому, что ничего не надо забывать, ни сознательно, ни бессознательно. Здорово, потому что сам живой и вокруг все живое, что смысл открывается буквально во всем. Ну, если на другом языке сказать: «*Бог во всем...*», — открывается плотный, живой смысл всех этих знаменитых высказываний.

Нам иногда кажется, что то, к чему мы устремляемся, — это безусловно лучшее. Там отсекается все то, что каждый из нас считает неприятным, тяжелым, плохим и т. д., там все хорошее, идеальное, и тогда мы впадаем в заблуждение, за идеалами мы теряем чувство жизни, ее живой ткани, что часто приводит к обесцениванию того, чем живем в настоящем. «А дальше — пустота».

Будда, конечно, прав, когда приводит свои восемь заповедей о том, как избавиться от страданий. Имеется в виду: «Благородная истина, которая ведет к прекращению боли: это благородный восьмиступенный путь, а именно путь через честные намерения, верные цели, правдивые речи, справедливые действия, праведную жизнь, правильные усилия, истинную заботливость, полную сосредоточенность», но ведь не в том дело, чтобы избавиться от чего-то. Да, можно избавиться от страданий и попасть в нирвану, но потеряешь сансару, а она — та же самая нирвана. А нирвана — та же самая сансара. ***Дело ведь не в том, чтобы от чего-то избавиться, а в том, чтобы найти всему смысл, найти всему живое сопереживание...***

Избавиться, скажем, от травы или от какой-то одной породы деревьев — это же будет не лес. *Как можно избавиться, выкинуть из времен года, скажем, весну или зиму? Как можно из мира что-то изъять? А если это и возможно, то будет ли это лучше, совершеннее?* Нет! Как показывает вся практика человечества, попытка изъять — это всегда рана, это всегда кровь, это всегда боль, это всегда поток потерь. Для того чтобы не пытаться что-то изъять, принимать жизнь и мир во всей полноте, и имеет смысл проснуться...

Если вы проснулись, если вы действительно живете каждый момент своей жизни, то вам от чего тогда избавляться? От жизни? Из этой живой ткани выкроить себе костюмчик? Все эти странные вопросы для *живого человека* не возникают.

Жить — это не занятие. Это не профессия. Это не знание. Жить — это жить. Что бы мы ни пытались сказать об этом, пока ты сам этого нектара не выпьешь, пока ты сам к этой непрерывности живой ткани, к ее вездесущности не прикоснешься, сколько тебе ни говорилось, все, что можно сказать, это: «*Вспомни те мгновения, которые ты жил, просытайся, подумай, ведь эти мгновения не только мгновения радости, блаженства, это и мгновения страдания...*»

Трудно, когда ничего не забываешь, когда ничего не надо выкидывать и когда ты десять лет вспоминаешь — все десять лет. Это жизнь, трудная или счастливая, удачная или неудачная, — все это жизнь. Вот тогда вся эта вертикаль исчезает, остается «как вверху, так и внизу, как внизу, так и вверху», тогда нет ни «вверху», ни «внизу». «И сансара — та же нирвана, и

нирвана — та же сансара», ибо нет ни того, ни другого. И «великий квадрат не имеет углов», ну нет у него, нет никаких углов. А есть живая ткань жизни. И если это состоялось, тогда вы будете чувствовать раны на этой живой ткани, наросты, искусственные наложения, все то, о чем мы говорим как о патологии.

Все сводится к главному — к тому, спит человек или живет, хочет он жить или сдался. Если он хочет жить, если он хочет проснуться, — он не сдался, что бы ни случилось. И обратное — если он не хочет жить, не хочет проснуться, — он сдался, ибо тогда он отказывается от дара, от того, что мы называем: «Всякий человек от Бога, всякая душа от Отца...»

Основой психопатологии обыденной жизни является то, что существует понятие обыденной жизни. И пока оно существует, существует патология, ибо это и есть болезнь под названием «не хочу жить, не хочу быть живым, значит, не хочу быть человеком». Вместо человека получается такой гомункулус, социальная личность, индивидуальность, сущность — что угодно, лишь бы не человек живой...

А теперь вспомните, с чего мы начинали эту книгу? С темы живого человека.

Работа и любовь

Есть еще одна тема, тема, которую я хотел бы разрешить. Коротко ее можно выразить двумя словами: «*работа и любовь*». Если соединить, перебросить мостик, то можно говорить о том, что, употребляя эти слова внутри своего мира, я говорю о бытии и смысле.

Когда мы говорим о человеке, все сводится к тому, что **любовь — это бытие, а работа — смысл. Или работа — это бытие, а любовь — это смысл.**

Что же у нас тогда получается? Если возвести работу в принцип жизни — получается постоянная битва. Возвести любовь в принцип жизни — все начинает вокруг сыпаться, потому что тогда на работу не хочется. Возвести творчество в принцип жизни — можно надорваться. Потому что творчество — это предельное напряжение всех душевных сил.

Когда же вообще радоваться? Безвыходная ситуация, роковой треугольник для спящего человека. «Направо пойдешь — помрешь, налево пойдешь — ума-разума лишишься, прямо пойдешь — ничего не найдешь».

Куда идти-то? Надо сесть и проснуться на этом самом месте, на развилке. Значит, и работа есть только одна, и любовь есть только одна — жить, и творчество есть только одно — стать живым человеком в полном смысле этого слова. Реализовать в себе образ человечества и еще образ, подобием которого ты создан, то есть образ Божий. Все остальное — производное.

Каждый раз, произнося или думая — *работа*, мы должны помнить *о смысле*: работа осмыслена только тогда, когда она ведет к бодрствованию.

Всякий раз, говоря *о любви*, мы должны помнить *о смысле*: любовь есть только то, что ведет к любви жить, любви к жизни, к живой ее ткани.

Всякий раз, произнося — *творчество*, мы должны помнить, что любое творчество только тогда осмысленно, если оно ведет к живому человеку.

И вот три вопроса:

Что есть работа?

Что есть любовь?

Что есть творчество?

И каков ответ — таков смысл любой работы, любой любви, любого творчества. Но тогда надо добавить четвертое — *что есть радость?* Радость есть вкушение жизни, вот эта амброзия, вот эта пища богов.

Тогда каждый раз, говоря *о радости, празднике, наслаждении, удовольствии*, мы говорим о раскрытии смысла благодати — вкушать жизнь.

Итак: четыре вопроса. Ища свои ответы в любой ситуации по любому поводу, задавайте эти четыре вопроса и отвечайте на них. Знать эти четыре вопроса, помнить, в чем их суть, —

значит располагать всем знанием, которое имел мой Мастер. Он знал эти четыре вопроса. Какой бы ни взяли момент, проблему, кусок жизни своей или чьей-то другой, не забудьте задать четыре вопроса и ответить на них. Ответы принадлежат конкретной проблеме. Вопросы принадлежат миру. Тогда, может быть, вы не будете так грустно размышлять о жизни...

Жизнь — прекрасная вещь, великолепная... Это и есть невеста небесная... Это и есть таинство брака, таинство обручения с жизнью, плоть от плоти и кровь от крови. Все мы посвященные, только не все об этом знаем. Ибо живем, и это и есть высшее посвящение: *родиться и жить*. Более высокого посвящения нет нигде — ни в Шамбале, ни на звезде Орион, ни на любом уровне реальности, это высшее посвящение — родиться и жить. Так я вижу, такова моя субъективная истина. Чего и вам, кому это нравится, желаю.

Часть вторая СМЫСЛЫ ЖИЗНИ

ТЕЛО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Сказано: родиться в человеческом теле — большая удача.

И еще одно: человек *создан по образу и подобию Божьему*.

Задам я и третью отправную точку: *Иисус и все другие великие Учителя человечества были воплощены в человеческом теле*.

У большинства из нас есть такой штамп восприятия: когда мы говорим «тело», то имеем в виду нечто биологическое, то есть используем это понятие очень узко, противопоставляя ему как нечто чуждое, вне его находящееся, — дух, душу.

Это бытовая привычка, которая породила в нас разделение на красивое и некрасивое, плотское и неплотское. Но мы попробуем в своих размышлениях использовать понятие «тело» ближе к другим значениям, например, из физики — материальное тело, квантовое тело, — и сделаем такой перенос смысла. А еще попробуем осознать, что родиться в человеческом теле — большая удача, что духовные учителя человечества были воплощены в теле человеческом. Сделав это, мы сможем переключиться с обыденного уровня восприятия понятия «тело» на другой, более объемный уровень его восприятия.

Для обозначения других уровней бытия человека тоже используется понятие «тело»: астральное тело, каузальное тело и даже тело Бодхи. И это не случайно, ибо тело в конечном счете есть способ ограничить индивидуальное *Я*, единственную, уникальную, индивидуальную жизнь каждого. Если воспринимать тело как обязательное наличие формы, обязательное наличие отграниченности, тогда перед нами открывается действительная красота этого произведения, действительная возможность восприятия *человека как целого*.

Привыкнув к однозначности слов, относящихся к человеку, мы говорим «мысль» и надеемся, что все понимают нас одинаково. На самом же деле это совершенно не так, ибо слово «мысль» относится как минимум к десяти совершенно различным вещам, процессам и понятиям.

Мы говорим «душа», и это, скорее, поэтическое обобщение великого множества различных проявлений.

Мы говорим «плоть» — казалось бы, здесь-то все однозначно, и опять это оказывается не так...

Отграниченность — свойство формы

Отграниченность есть свойство любой формы. Существует отграниченность сознания. Как отметил М. К. Мамардашвили, *«все, что можно сказать о сознании определенного, — это то, что оно есть нечто отграниченное»*. Если обобщить все, что мы можем определенно и безусловно сказать о человеке, — это то, что он есть нечто отграниченное.

При таком определении неминуемо срабатывает рефлекс восприятия: *как отграниченное? А трансценденция? Трансценденция — это выход за пределы данности, в данном случае за пределы любой отграниченности*. Но ведь на самом деле трансценденция не есть отказ от отграниченности, ведь даже самый тонкий, как принято считать, аспект великого целого под названием «человек» — тело Бодхи — это все равно отграниченность.

Мы привыкли относиться к понятию «граница» как к понятию «предел», «препятствие», воспринимать его как некий синоним клетки, но:

- всякая форма пуста, а всякая пустота оформлена;
- великий квадрат не имеет углов;
- как вверху, так и внизу, как внизу, так и вверху;
- сансара — та же нирвана, нирвана — та же сансара.

И тогда понятие «граница» приобретает другой смысл, который можно передать такими словами: явленность, выделенность, уникальность, возможность четкого восприятия. Только когда мы попробуем совершить усилие к рождению новой, непривычной для нас позиции по отношению к понятию «граница», все, что есть внутри у каждого из нас, вся совокупность представлений, размышлений, переживаний, впечатлений о человеке, а значит, и о самом себе сможет быть переосмыслена заново. И прежде всего это переосмысление должно начаться с понимания, переживания того, что человек, как и все явленное, есть отграниченность, а не беспредел.

Идея растворения в беспредельном есть идея бегства, есть идея слабости или трагичности осознания при раскрытии смысла того, что человек отграничен от Бога, хотя по его образу и подобию сотворен, но уже этим и отграничен от пространства, от знания, от любого беспредела. Отграничен. И если бы Великое Среднее усвоило эту на первый взгляд простую истину, то никакие «-измы», никакие идеи о создании «нового» человека, никакие такого рода эксперименты над людьми просто не могли бы возникнуть. Если взять в меньшем объеме, это осознание — единственное, что останавливает маятник, раскачивающийся от комплекса маленького человека к мании величия. Ибо это не маленькое и не большое, это отграниченность. То есть выражение уникальности: каждый человек ни плох, ни хорош, а есть отдельный, исключительный, неповторимый и имеет право на всю реальность, как и всякий другой.

Поэтому, прежде чем говорить об осознанном взаимодействии с реальностью (хотя осознанное взаимодействие тоже условность, ибо мы сами есть реальность), необходимо непосредственное переживание, действительно соединяющее нас с реальностью. Ищущие разными способами пытаются прийти к такому переживанию. И только в тотальном переживании себя как реальности «сансара, действительно, та же нирвана, нирвана — та же сансара» и «великий квадрат не имеет углов».

Воплощение идеи отграниченности

Но надо не только прийти к идее отграниченности, необходимо ее воплотить, а это очень сложная задача. Ибо переживание есть сугубо интимное событие, переживанием никак невозможно поделиться, его можно лишь иногда показать. Переживание — вещь единичная, оно принадлежит субъекту и только ему.

«Для усмотрения истины слова не нужны, слова нужны для ее передачи». Чтобы поделиться переживанием, его надо воплотить в бытии своем.

Чтобы прийти и воплотить, чтобы создать условия для такого события, необходимо прежде всего осознать тот факт, что, как и все явленное, человек во всех аспектах своей целостности ограничен. И задача номер один для него — максимально приблизиться к собственным границам. Выйти из них невозможно, — выйдя из них, вы перестанете быть. Эта тотальная смерть, разрушение формы, разрушение ограниченности — в очень тонкой форме не что иное, как тяга к самоубийству. Самоубийство же осуждается как самый тяжкий грех в большинстве религий и духовных традиций, ибо это покушение на воплощенный Дух.

Как же добраться, как опознать себя? Это один из базовых вопросов.

Процесс социализации построен на двух иллюзиях: **иллюзии того, что ограниченность задается извне, и иллюзии беспредельности человеческих возможностей.**

Человек, как биологическое и социальное существо, сделан из людей. В процессе роста и социализации границы действительно задаются извне. Сначала это границы материнской утробы, потом границы собственного тела (когда младенец начинает осознавать, что это *его* пальчик, *его* глазки), потом границы картины мира, задаваемые отцом, матерью и значимыми другими, они постоянно расширяются, и так рождается вторая иллюзия, иллюзия экспансии, роста, прогресса.

Границы расширяются, и кажется, что только сдерживание со стороны других ограничивает это расширение, развитие. По мере взросления, в процессе жизни, в процессе познания создается иллюзия вечного расширения. Ибо в большинстве аспектов целого мы далеки от своих действительных границ и легко можем представить, что для их достижения понадобятся тысячи воплощений. За восемьдесят, в лучшем случае сто, лет добраться до своих границ темпами, которые задает Великое Среднее, просто невозможно.

Вторая иллюзия опирается на человеческий опыт расширения, создающий ощущение, что человек беспредельно в своих возможностях, в своем духовном развитии, в способности к познанию, и только сопротивление внешней реальности устанавливает временный предел; победив же это сопротивление, можно стать беспредельно могущественным.

Иллюзия постоянного расширения плюс совершенно порочная идея безграничности закладывает в сознание механизм, мотивирующий веру в чудо, в бесконечные возможности, что создает такие условия, при которых человек никогда не придет к идее ограниченности, никогда не получит шанс задуматься о себе как о целом, как о теле. Так человек и привыкает телом считать только то, что ограничено кожей. И даже встречая в духовной, эзотерической литературе понятия «астральное тело», «ментальное тело», он отбрасывает слово «тело» и говорит «астрал», «ментал».

— Вышел в астрал.

— А кто вышел?

— Точка осознания.

Абсурд. Точка осознания, как известно, нуль в системе координат целого.

Итак, глобальная идея, глобальное понятие, глобальный смысл — ограниченность. Следовательно, задача постижения этого смысла, во-первых, грандиозна по трудности, прежде всего психологической, во-вторых, практически трудна, так как нужно уметь находить или организовывать такой микросоциум, такой коллектив, который занимается именно этим.

Это невероятно трудно, потому что сидх (высших способностей) бесконечное множество, а мышление ничего другого не делает, как обслуживает наши потребности. Активизировать потребность в тотальной самореализации (а это самореализация не только в карьере или творчестве, но полная самореализация как каждый шаг и миг в жизни), перевести ее с социального программирования на программирование духовным сообществом — это сложнейшая самостоятельная задача. Но до тех пор пока не обнаружена изнутри истинная ограниченность, нет никакого шанса прикоснуться к реальности как таковой, внешней по отношению к своей ограниченности реальности.

Есть семь покрывал майи, сейчас очень многие о них говорят и пишут. В одном из древнейших интерпретирующих текстов сказано, что эти семь покрывал и есть семь тел: *физическое, энергетическое, витальное, астральное, ментальное, каузальное и тело Бодхи*. Семь тел, семь покрывал, семь якобы отграниченностей. Так возникает еще одна иллюзия движения и расширения, которое в действительности есть не что иное, как переход из камеры поменьше в камеру побольше.

Чтобы обнаружить свою отграниченность, эту иллюзию надо преодолеть. Это один путь. Второй путь — прорваться к реальности напрямую, не познавая себя, условно говоря, а переживая.

Переживание индивидуально. Для преодоления стандартных программ существования необходима другая, особым образом вложенная. Говоря о «трансценденции», необходимо выяснить, по отношению к какой из мнимых границ эта трансценденция происходит. Выход за пределы того, что мы привычно называем физическим телом, — это один вариант трансценденции, за пределы привычного образа себя — другой, выход за пределы, привычные для психоэнергетических взаимоотношений, — третий; но все это в конечном счете — иллюзия выхода. Нельзя выйти из себя в прямом смысле слова, выйти из себя — значит перестать быть. Разрушиться. Потерять форму.

И в теле Бодхи есть отграниченность. Поэтому, когда с помощью новой для себя методики или системы организации пространства сознания, развития психоэнергетических возможностей или функциональных возможностей тела, кто-то обнаруживает, что он куда-то вышел, то прежде всего стоит подумать, что он пробил дырку из одной камеры в другую. Но если человек все-таки осознает, что вышел не в беспредел и что есть путь дальше, тогда это событие может стать началом пути. А если он решит, что вышел в открытый космос и теперь непосредственно общается с космосом, с Богом, учителями с Ориона, то это «манька» от невежества, запрограммированная охранительная система, заложенная в процессе социализации. И только дети, которые растут в необычных семьях, где задаются нестандартные границы, могут проскочить в другие программы сразу.

Таким образом, эти две иллюзии — *внешней заданности границ и беспределности* — породили идею ложного прогресса, идею беспредела. Осуждая беспредел политический и преступный, мы симпатизируем этой идее беспредела по отношению к человеку, не понимая, что речь идет на самом деле о духовном коммунизме или фашизме. Это та же идея, которая в социуме порождает коммунизм, фашизм и другие системы изменения параметров человека, моделирование человека под сконструированный идеал, но только перенесенная в духовную плоскость.

Предел — это не «плохо», ибо только через него мы узнаем о существовании целого, только через осознание отграниченности как принципиального факта мы можем пережить воссоединение с реальностью. В этом смысле мы бессмертны. Других обоснований бессмертию не надо. А ловушка начинается с низведения понятия тела до пределов, ограниченных кожей.

Переживание своего тела

Следующий момент, связанный с понятием «тело», состоит в том, что мы его не познаем, а тем более не переживаем. Мы отдали познание этого отграниченного кожей объекта «специалистам». А раз сами не познаем, то и сведения о нем получаем в основном извне. Мы его не переживаем, а значит, как субъекты мы с ним не соединены и, следовательно, оно не наше в строгом смысле слова. Ни физическое тело, ни все остальные нам не принадлежат, они майе принадлежат и в этом смысле чужие.

Дело в том, что при рождениях: при первом — биологическом, при втором — социальном и при третьем — духовном — все это вручается нам лично, мы обязаны быть хозяевами этого. Это сделано по образу и подобию Божьему!

Но при первой же попытке это взять люди говорят нам: давай мы поможем, похозяйничаем за тебя. Синдром сверхсрочника: в армии потому хорошо, что ни о чем думать не надо, все расписано, все распределено за меня. На этом принципе построена вся жизнь в Великом Среднем — отдай нам это, это и это тоже, и мы сделаем тебя свободным. «Свобода от», как известно, самый большой соблазн.

А для чего ее предлагают? Для того, чтобы человеком было легко управлять, чтобы он был адаптирован в социуме, добросовестно выполняя законы Великого Среднего, изучал и соблюдал конвенции. И за это был совершенно свободен от ответственности, потому что есть старший, есть руководитель, он отвечает. Можно, конечно, с точки зрения теории перевоплощений сказать: ну что ж, значит, карма такая, чтобы в этом воплощении вашим телом пользовались те, кому это надо, а вы тут ни при чем, вы просто извозчик.

Зато вы были свободны от этого громадного, ужасного хозяйства и отдыхали в беспредельности сколько хотели. Так рождается жажда: сделайте со мной что-нибудь, освободите меня от меня!

Отказаться от трудной и порой трагической работы по познанию себя как образа и подобия Божьего, от переживания себя — не означает ли это отказ от своей самой главной работы и самого главного предназначения? Доступным же это осознание, осмысление, переживание становится только тогда, когда мы усваиваем простой принцип — **принцип отграниченности всего сущего**. Ибо образ и подобие уже подразумевают отграниченность. И тогда — да! Велик человек, воистину велик, изумительное изделие, изумительное творение!

Но выясняется, что большинство людей в действительности предпочитают ощущать себя маленькими, мания величия — та же возможность ощутить себя маленьким. И делается это очень просто: своему *Я* присваивается новое имя, великое имя. И все. *Я* — Наполеон. Пустое *Я* при полном и великом имени. И незачем тогда изучать, постигать свое хозяйство и переживать самого себя. Ведь хорошо известно, что на уровне социальных потребностей страх самого себя есть главный регулятор поведения. И только преодолев его и решившись стать хозяином, вы поймете, что человек не матрешка, где одно тело вложено в другое в любом порядке. Отнюдь. «Великий квадрат не имеет углов».

Переживания открывают нам другой контекст понятия «тело». Тело как часть мира, часть реальности, часть, хозяином которой может стать наше *Я*.

Тайна реального действия

Тайна реального действия заключается в том, что оно совершается реальностью. И это не тавтология. В этом есть тайна, тайна присуща реальности и не предназначена для разгадывания. Ее можно пережить, принять на хранение, приобщиться к ней. Невыразимое невыразимо, но оно воплощено. В этом шанс преодолеть страх бесконечного, но мы не замечаем его и, сбиваясь на привычную колею, пытаемся все, понимая под «все» реальность как таковую, выразить ее словами, упуская возможность пережить, ощутить, уловить интуитивно и другие возможности взаимодействия целого с целым.

Сотворение себя для себя

Размышляя, осмысляя в этом ракурсе такое понятие, как «любовь», прежде всего мы должны увидеть его состоящим из двух понятий: любви как чувства и любви как переживания. Любовь как чувство — это экспансия, оно описано в литературе, психологии, засвидетельствовано искусством. Только обращаясь к понятию «Божественная любовь», мы обнаруживаем любовь как переживание — это возможность прикосновения к другому. Как сказал Мастер Абу Силг: «Любовь — это снятие дистанции».

В любви как в переживании мы можем обнаружить свою истинную отграниченность. Иными словами, обнаружить себя. В любви как в чувстве мы обнаружить себя не можем, любовь как чувство — вектор, действие, и мы обнаруживаем в чувстве только свои возможности; чем сложнее реализация чувства, тем больше мобилизация, тем больше пробуждение различных возможностей для функционирования. В любви же как в переживании мы имеем шанс обнаружить себя. Без другого себя обнаружить невозможно.

Что такое — обнаружить себя? Это значит выйти на границу себя, хотя бы в одном аспекте; если же это переживание тотально, тогда можно обнаружить себя во всех аспектах, пережить себя и соприкоснуться с другими. Это рождение — очень тонкое состояние, его тонкость состоит в том, что, обнаружив себя в переживании как реальность, вы обнаруживаете как реальность и другого, и наступает момент, когда два становятся одним, оставаясь в то же время двумя. Когда-то об этом переживании было сказано, что это и есть место, где Бог живет.

Место, где два — единое, оставаясь в то же время двумя.

Переживания дают возможность и по отношению к так называемому внешнему миру, и по отношению к так называемому внутреннему миру соблюсти принцип жемчужины. Принцип, при котором новое не отменяет старого, каждый новый слой не отменяет предыдущий. Таким образом, слой за слоем, образуется жемчужина. Только так, переживая и познавая себя и другого, вы будете формироваться как целое.

Если же, бессознательно действуя по принципу вектора, устремленного в беспредел, вы станете отменять каждый предыдущий слой из соображений, что он устарел или не нужен, то за вами всегда будет пустота, ничего плотного не образуется. И тогда покой — тот покой, который ведет к переживанию пребывания себя в реальности, — не наступит никогда, потому что нечему будет покоиться. Не будет Тела Человеческого как вашего тела, а будет одно беспокойство под названием «прогресс». Естественно, что и идеи, порождаемые беспокойством, окажутся соответствующими.

Беспредельность, в буквальном смысле слова отсутствие любого тела, любой отграниченности, есть отсутствие воплощенности, отсутствие образа и подобия. Существует некоторое психическое беспокойство под названием *мое Я*. Пустое. Абстрактное. Если вокруг этого *Я* не кристаллизуется опознаваемое, отграниченное, тогда вашего бытия в строгом смысле слова нет (в терминологии Гурджиева, не появляется Хозяин). Тогда существует только жизнь как некоторое психическое беспокойство по разным поводам. Некоторая суэта вокруг *Я*. Истинное *Я* плюс неистинное *Я* — в сумме ноль. Оно нужно только для того, чтобы стать затравочным кристаллом в насыщенном растворе реальной, живой ткани жизни в процессе образования этого перла творения. Ведь в середине жемчужины может быть просто песчинка, обычная, каких бесконечное множество. Так в середине этого перла творения, Тела Человеческого, такой же пустячок — *Я*.

С каким невероятным почтением мы относимся к этому пустячку под названием *самосознание*. С ним нужно сделать только одно: точно его выставить, то есть успокоить, поставить в центр системы координат. Сделать его стабильным, чтобы можно было наращивать на него слой за слоем до действительно полного тела, до полной своей отграниченности, переживания себя как целого, ибо «возлюби ближнего твоего, как самого себя». Вот такая замечательная мысль.

В том случае, когда работа по обнаружению, опознанию себя как тела, а следовательно, как реальности, идет непрерывно, любая функциональная деятельность — от удовлетворения потребностей до соблюдения социальных конвенций — помогает в этой работе. Тогда положение человека, находящегося в мире, оказывается гораздо выгоднее, чем положение отшельника. Быть в мире оказывается ситуацией более подходящей для этой затравочной субстанции под названием «Я есмь». Ибо большое разнообразие ситуаций дает возможность при творческом отношении уравновешивать различные тяготения и держать «Я есмь» в стабильном положении. Быть представленным самому себе в качестве бытия и означает быть представленным

самому себе в качестве тела. В какой степени вы хозяин данного вам тела, в такой степени вы пребываете в бытии.

Суть состоит в том, что так замечательно выражено Флоренским в его мысли о двойственной правде человека, о том, что человек — это две равноправные правды: *правда бытия* и *правда смысла*. Именно поэтому с точки зрения бытия мы уже есть во всей полноте образа и подобия, а с точки зрения смысла мы должны стать, то есть прирастить к себе это бытие, которое уже есть. В этом и заключается духовный подвиг — сотворение себя для себя.

Известно, что без разрушения целого из него ничего нельзя изъять, ибо часть в целом обладает свойствами, вне целого не существующими, изъятие же части сразу меняет саму эту часть, превращая ее в нечто отдельное, а также меняет и само целое, оно перестает быть тем, чем было. В целом понятие «случайная деталь» не существует, а посему отбрасывать что-либо ради усовершенствования — это абсурд. Отбрасывая какую-либо часть себя, вы мгновенно становитесь не собой, а другим, и этот другой опять будет вынужден решать проблему самоусовершенствования, что-то отбрасывая, и что же останется в результате? Пустое Я, психологическое беспокойство под названием «жизнь».

С точки зрения смысла возможны любые манипуляции, вплоть до отбрасывания самого Я, если вы обнаружили для себя такой смысл, но в бытии от этого ничего не произойдет, в нем уже все произошло. Оно полнота смысла, а *полнота смысла есть полнота переживания себя как реальности, то есть тела*. И тогда бытие и смысл уравниваются. С момента их истинной соразмерности и начинается действительное развитие, пребывание в реальности, когда вам дана вся полнота свободы творить.

И когда происходят переживания, называемые самадхи, просветление, то это означает только одно: момент совпадения объема бытия с объемом смысла. Только обретя свое тело субъективно через смысл и бытие, существующее как данность, можно ощутить наличие или отсутствие движения, как оно происходит субъективно и объективно в реальности. Наличие этих двух правд — бытийно существующей независимо от субъекта, его тела, созданного по образу и подобию, и правды смысла, которая может быть соразмерна и не соразмерна бытию как данности, — и определяет ситуацию человека. Ситуацию необходимости постижения себя как бытия, как Тела, иначе человек обречен на иллюзию постоянно повторяющихся рождений.

О смерти и любви

Что такое смерть тела? Значит ли это, что человек перешел в другое состояние? Что такое «умер»? Мы можем только предполагать, потому что мы еще живы. Можно лишь выдвигать гипотезы, используя свидетельства, которые нам кажутся достоверными. Является ли разрушение того, что мы называем биологическим телом, смертью на уровне бытия? Вряд ли. А на уровне смысла? Вполне возможно. Может быть, не обязательно, но возможно. Решая этот вопрос для себя, быть может, имеет смысл подходить методологически. Какая гипотеза будет стимулировать вас сильнее? Стимулировать для работы по производству смысла, соразмерного бытию.

Если меня стимулирует ужас перед бесконечными воплощениями, то я буду работать максимально интенсивно, если же эта гипотеза меня успокаивает — мол, еще есть время, — то для стимуляции деятельности она не годится. Оценка здесь возможна только относительно главной задачи. Еще Гурджиев заметил, что для восточного человека идея перевоплощений — стимул для быстрого достижения последнего. А христианство, основная религия Великого Среднего западного человека, предполагает, что все должно случиться здесь и сейчас — или никогда.

Дело в том, что персонифицированная суть, суть, определяющая духовную активность, одна и та же. Поэтому те, кого принято называть «достигшими», никогда не «воюют» между собой, в отличие от их последователей. Суть одна, а ход к ней разный.

Строго говоря, совершенно неважно, что будет после так называемой смерти. Меня лично это совершенно не волнует; с тех пор как я начал работать, мне не до этого, мне нравится работать. Нет зазора между жизнью и бытием.

А вот в случае, когда вы осознали задачу, но чувствуете, что психологическое беспокойство вас все время отвлекает, — имеет смысл выбрать ту гипотезу посмертного существования, которая вас больше стимулирует. В этом смысле смерть действительно лучший учитель. Для людей, особо погруженных в биологическую часть реальности, страх смерти — один из самых сильных стимуляторов деятельности по поискам бессмертия.

Теперь уйдем от темы смерти к теме любви, то есть к продолжению жизни. Прежде всего необходимо осознать, что чувство разъединяет, а переживание соединяет. Чувство — это определенный способ самоутверждения, подтверждение собственного существования, ибо я испытываю чувство, направленное «на». Тот, на кого направлено чувство, — это уже нечто другое.

Переживание же соединяет. Любовь как переживание подразумевает слияние *с другим*. Именно переживание создает ощущение исчезновения. Смешиваются страх и размышления на тему, кто кого околдовал, кто кого сглазил, начинается разнообразная защита, и вновь наступает разделение. Конечно, в действительности никто не исчезает, на самом деле вы просто перешагиваете привычные для себя границы субъективного, установленные внешне, открываете в себе новые необозримые просторы, и *Я*, которое начинает перемещаться по этим просторам, пугается. А оно просто должно стоять в нуле и наращивать слой за слоем.

ТЕАТР ЖИЗНИ

Всем известно выражение Шекспира: *«Весь мир — театр, в нем женщины, мужчины — все актеры... и каждый не одну играет роль»*. А я бы хотел с этим не согласиться. И на это несогласие в наше время у меня, на мой взгляд, есть достаточно серьезные причины.

После многих лет практики, размышлений, экспериментов в области театра, различных форм театра я пришел к выводу, что граница, которая отделяет театр от не-театра, — это зритель.

В жизни, когда к ней относятся как к театру, стоят памятники идеальным героям. И по этим памятникам нас учат, «делать жизнь с кого». То есть вот идеальный исполнитель роли, а ты молодой, начинающий артист и, если ты хочешь пробиться в герои, значит, давай репетируй, дави себя, обстригай, все неподходящее внутрь загоняй, но будь и соответствуй. Это социальный аспект игры в театр жизни.

Второй аспект еще, может быть, более сложный и вызовет кое у кого негативную реакцию, но я (еще раз напоминаю) высказываю свое личное мнение.

В так называемой эзотерической литературе различных традиций мы читаем о психотехнических приемах *структурирования своей внутренней реальности* и о необходимости ввести в свою внутреннюю реальность так называемого незаинтересованного наблюдателя для выработки стабильного самосознания, или для кристаллизации, — названия могут быть самые разные.

Теперь давайте подумаем: если человек выступает в роли незаинтересованного наблюдателя, то он, наверное, ученый. Тогда жизнь превращается в технологический акт. Мы имеем некий исходный продукт, а в конце хотим получить другой. Для того чтобы вся технология была соблюдена, мы используем незаинтересованного наблюдателя внутри себя либо наставника — тоже в каком-то смысле незаинтересованного наблюдателя.

Если же наш внутренний наблюдатель стал вдруг заинтересованным (очень трудно быть незаинтересованным наблюдателем по отношению к себе) — он стал *зрителем*. И тогда весь этот технологический процесс превращается в спектакль.

Но если я рассматриваю собственную жизнь как акт своего творения, то во мне есть мое Я — Творец. Я — режиссер и автор одновременно, то есть жизнь сделана мною и прожита, пережита мною, и под каждым событием и действием стоит моя подпись.

У меня сложилось убеждение, что даже для образного сравнения или для какой-то ассоциативной параллели нельзя говорить, что *мир — это театр, жизнь — пьеса, а люди играют роли*. Люди играют роли и без этого, в пьесе, которую не они написали, — это все то, что называется *социальные роли*.

Роли в социуме: за и против

Очень мало кому из нас удастся внести что-то новое в устоявшиеся приемы исполнения той или иной социальной роли — мать, отец, сын, дочь, прохожий на улице, подчиненный, начальник. Это такой ритуализированный театр — по наследству все передается. Отец играл эту роль, сын играет эту роль, сын сына играет — так уже десять поколений.

Эти ролевые механизмы очень хорошо изучены. Но, защищаясь, мы не признаемся себе в том, что это роли. Мы стараемся не помнить, что это не мы написали, что мы их долго разучивали, и тот, кто хорошо их разучил, сделал успешную социальную карьеру. Кто плохо разучил — у того сложности с социальной адаптацией.

Наша задача, если мы пытаемся одухотворить свою жизнь, себя самих и тех, с кем общаемся, состоит в том, чтобы уйти из театра жизни и просто жить. И это очень трудно.

Я только совсем недавно понял, что говорил мне Мастер, когда на всякие мудреные вопросы он не только мне, но и другим людям в моем присутствии отвечал: «Жить надо!» Говорил просто, по-суфийски, но я теперь понимаю, что это невероятно сложная задача: кругом театр!

И тогда я ретроспективно понял, почему с детства так люблю театр. Потому что там, как ни смешно, я четко знаю, что живу творчески. Когда я актер, я репетирую, я опять чувствую себя субъектом, я живу, даже когда играю на сцене, я живу, потому что эта моя деятельность — свободная. Когда я режиссер, я чувствую себя субъектом, потому что создаю в каждом спектакле живой мир, выражающий не только то, что хотел сказать автор пьесы, но и мою жизнь.

Оказывается, что любая возможность творчества — личного, персонального, субъективного — гораздо ближе к жизни, даже если это творчество театральное, чем *так называемая жизнь*, которая гораздо ближе к театру. И не отсюда ли у нас постоянное ощущение, что на нас кто-то смотрит откуда-то — то ли из КГБ, то ли с небес, то ли с других планет, то ли из астрала-ментала-витала — но за нами все время наблюдают! А если не наблюдают, то что-то с нами нехорошо...

Это ведь нормальное ощущение актера! Он, будучи актером, занимаясь профессиональной деятельностью, так или иначе, шестым, седьмым, двадцать восьмым чувством обязан чувствовать, что на него смотрят, его слышат, видят, ощущают, переживают, то есть он все время в диалоге со зрительным залом. А если он, извините, не совсем здоров и аутично забывается на сцене, то это, как правило, просто неинтересно. Он там что-то переживает, а мы тут сидим, и все. Талант актера — это одно из таинственных качеств, так называемая заразительность. Вот почему один выходит — и то, что с ним происходит, заражает до самой галерки. А другой и красивее, и фактурнее, и голос у него, и все прочее, а никого это совершенно не волнует.

Актер, выходя в первой сцене, заранее знает, что будет в последней! И мы так хотим, чтобы был какой-то автор нашего театра жизни! И из великой тайны Бога — те, кто верует, — иногда нечаянно делают просто вождя, только небесного, который режиссирует этот спектакль, который придумал эту пьесу.

Во что играем?

Давайте выбирать. Либо жить и иногда посещать театр ради эстетического удовольствия, ради сопереживания, ради таинственного процесса взаимодействия между творящим и воспринимающим творение — ибо оба друг другу неразрывно нужны. Либо давайте не ходить в театр. Если мы живем в театре, если мы уже актеры, играем роли в пьесе, не нами написанной, то тогда искусство — уже не искусство, а наркотик. Тебе в пьесе досталась скучная роль, но мы тебе сочиним вот такой вот сюжетик, дадим возможность отождествиться с героем или героиней на два часа и пожить, как они. Вот такие вот игрушки.

С одной стороны, все механизмы психологической защиты, созданные человеком на протяжении его существования, играют, безусловно, позитивную роль, давая ему возможность выжить и адаптироваться. Но, с другой стороны, именно эти же механизмы не дают ему развиваться.

Помните, как на Чудском озере с рыцарями поступили? Загнали их на лед, а они как броневики — слишком тяжелы для этого льда и неповоротливы. Иногда и мы так сильно защищены и так качественно адаптированы, что, если нас выгнать на лед Чудского озера, мы точно проиграем Александру Невскому.

Защита может быть пассивной, оборонительной, а может быть активной, творческой. Отсюда возникают две совершенно противоположные позиции. Согласно одной, *жизнь сама по себе прекрасна, но люди ее пока еще недостойны*, или не все ее достойны, или мы ее достойны, а они — нет. Естественно, версии разные. Вторая позиция встречается гораздо реже, она гласит, что *люди-то достойны, но они вынуждены жить недостойной их жизнью*.

Наблюдатель и творец

Говоря о наблюдателе, я упоминал о двух возможностях. Первая заключается в том, что он действительно будет беспристрастным — и тогда это ученый, он изучает законы ролевого поведения, ибо социальная жизнь невозможна без конвенций. А ролевое поведение — это и есть конвенциональный договор, на основе которого мы согласуем множество разных индивидуальных порывов в какой-то совместной деятельности, в том числе в общечитии. Я говорил о том, что надо найти способ развести в себе инструмент, типическое, то, чем вы это делаете, с тем, кто это делает, то есть субъектом.

Но невключенный наблюдатель не может быть творцом. Можно говорить, что творец, творческое начало живет в подсознании, можно говорить, что это сверхсознание и что оно принципиально не контролируется, ибо это мутация. Можно говорить о том, что логика развития так называемой западноевропейской цивилизации, логика рационализма не только как способа познания, а как способа жить и действовать, знаменитое «*cogito, ergo sum*», привело нас к тому, что рационализм заменил в нас творца и таким образом сделал образцовыми членами общества потребления. Все, что нам позволено, — это изучать инструкции по пользованию готовым товаром.

Когда я говорю, что надо уйти из театра жизни, я говорю, что надо жить, а не быть зрителем. **Жить** — это значит не быть зрителем чужого представления, а быть действующим лицом этой великолепной пьесы, ее соавтором. И это вторая возможность.

Любовь к себе и другим

Чтобы полюбить себя, надо себя обнаружить. Как считают большинство специалистов, для того чтобы обнаружить себя изначально, нужна безрассудно любящая мать, которая любит

вас, потому что вы — это вы. Которая никогда, даже в шутку, а тем более для педагогических целей не скажет: *вот у соседней мальчик — это мальчик, а ты...* Никогда не скажет вам «дурак» и «недоразвитый» и более страшные слова, которые, к сожалению, родители детям говорят в состоянии аффекта или в состоянии рациональной педагогики.

Ко мне однажды обратилась женщина по поводу страшной проблемы: она не любила свою дочь. Настолько, что не могла с нею жить в одной квартире. Она понимала, что это ужасно, но ничего не могла сделать. И когда мы с ней начали общаться, выяснилось, что ее родители в детстве одной из эффективных форм управления ее поведением считали наказание бойкотом. С ней не разговаривали иногда до трех дней. Девочка воспринимала это как факт, доказывающий, что ее не любят, что она недостойна любви. Так, защищая свою любовь к родителям, она не научилась любить себя.

Следующая возможность — это возможность детского сада, средней школы, которые должны были бы компенсировать человеку недостаточно положительную самооценку, сформированную в семье. Но и в садике, и в школе человек больше слышит о своих недостатках, чем о достоинствах. Его с детства учат видеть себя в минусе, и никто не учит видеть в плюсе. А если он пытается здоровым человеческим инстинктом человеческой души компенсировать это самовосхвалением, то еще и ремнем могут приложить. «Что ты хвастаешься, что ты вообще зазнался»...

Я уже не говорю о том, что даже любящие родители обсуждают форму носа, ушей, роста, комплекции. Театр!.. *«Ты на эту роль — моего ребенка — не подходишь по внешним данным».* И потому человек всю жизнь мается в большей или меньшей степени невротизированности и с манией величия как компенсаторной. Это уж когда совсем хочется самого себя ненавидеть, из души вырывается: *«Нет, я хороший!.. У меня вообще!.. Учителя с Ориона! Со мной пришельцы в контакт вступили! Вот так вот!»* Или происходит обратное: развивается комплекс маленького человека: *«А что я могу сделать? Ничего я не могу сделать: и он прав, и она права, и начальник прав, и жена права (или муж), и ребенок прав, и государство — все правы. Ничего уж тут не поделаешь, уж такая тут ситуация. А я... Что я... СДЕЛАЙТЕ СО МНОЙ ЧТО-НИБУДЬ!»*

Можно ли полюбить другого, не любя себя? Нет! Это не-воз-мож-но. Можно заставить себя хорошо относиться к людям. Но любить их, не любя себя, невозможно. Значит, нужно искать такое окружение, такой микросоциум, в котором будут видеть ваши достоинства и не очень замечать недостатки — искренне, не из педагогики. Вы найдете, если поймете, что это самое главное, что нужно найти в жизни.

Некоторым сильно везет. Они это находят в семье, дома — в общем-то, для этого семья и существует, как место, где мои достоинства всегда затмевают мои недостатки.

В чем мудрость влюбленных? Великая и бесконечная мудрость влюбленного человека? Для него достоинства затмевают недостатки. Это и есть любовь, это снятие дистанции. *Как же можно снять дистанцию, если вы заняты тем, как перевоспитать, переделать, довести до совершенства?* Это же объект, а вы — субъект... Ваш любимый человек совершенен изначально — и все. И все мы совершенны, ибо созданы по образу и подобию Божьему. Это раз. И являемся образом всего человечества — два. *Разве мало основания для величия человеческого?* Более чем.

Так пусть ваши собственные достоинства для вас самих заслонят ваши недостатки. И тогда недостатки сами собой трансформироваться будут.

Самая совершенная спортивная методика в большом спорте знаете какая? Не надо заниматься подтягиванием слабых сторон, надо развивать сильные! Спортсмены додумались! А родители — не могут. Не додумались.

А вот сыграть любовь нельзя. Это лучшее доказательство, что жизнь — не театр. Как только дело касается любви, в театральном искусстве возникает масса проблем. Замечательно сказано: *граница всякой технологии — любовь.* Как только любовь — все, никаких технологий нет

и быть не может. Ибо технология предназначена для работы с объектом — это и есть проблема возраста, все труднее рискнуть вступить в живые непредсказуемые отношения с человеком как субъектом.

ТЕХНОЛОГИЯ ЖИЗНИ, ИЛИ КТО КОГО ЖИВЕТ

Попробуем человеческую жизнь рассмотреть как некоторое производство. Это, конечно, обедняет наш взгляд, делает его чрезмерно функциональным, но дает возможность подойти к знакомому материалу, может быть, с несколько неожиданной стороны.

Прежде всего я рискну предложить вам следующее утверждение: *в определенном аспекте можно рассматривать процесс жизни как некую вещь, имеющую собственный закон, как некоторый механизм, внешний по отношению к человеку*. Это не означает, что я даю жизни какое-то определение. Я предлагаю попытаться посмотреть, что нам откроется с этой позиции.

На каком основании можно занять такую позицию и попытаться ею воспользоваться? Для этого нужны два исходных осознания. Первое связано с необходимостью напомнить себе, что человек сделан из людей. Это вопрос принципиальный. Я сразу хочу поставить вас в известность, что не претендую на какую-то истину в последней инстанции типа *как оно есть на самом деле*, — все, что я здесь вам буду говорить, — это моя позиция, мой совершенно субъективный взгляд на эти вопросы, без всякой претензии на степень так называемой объективности.

Человек сделан из людей — это не просто метафора, не просто выразительный образ. Это позиция для человека, который интересуется конструктивными аспектами психологии, помогающими отвечать на вопросы: «*Что надо сделать?*», «*Как это надо сделать?*», «*В какой последовательности?*» Я убежден, для него очень важно довести это осознание до совершенно естественного состояния сознания по отношению к любым проблемам жизни.

Понятно, что человек сделан из своих предков. Понятно, что человек сделан из своей семьи. Понятно, что человек сделан из своего круга, в который входит семья в широком смысле этого слова: родители, родственники, друзья, знакомые. Потом он сделан — из компании своих сверстников. Затем туда добавляются воспитатели, учителя в школе и т. д. Дальше появляются идеальные образы людей, которые влияют на его формирование. Одним из главных элементов *тела личности* человека будет тот социально-психологический мир, в котором он прошел процесс социализации. Итак, человек сделан из людей, но мы знаем, что при всем этом в нем существует его **уникальность**.

Это то, что называется субъективностью, самосознанием, самоосознаванием, самоидентичностью, — все, что связано со словом «само». А вокруг него существует уже готовая жизнь. И когда человек впервые для себя открывает это... Хочу подчеркнуть, не просто сталкивается с этим, а открывает, потому что, когда мы сталкиваемся с этим во младенчестве, в раннем детстве, мы это воспринимаем как естественное, у нас еще нет вопросов типа: *А почему это я должен слушаться маму? А почему вообще вот эта женщина моя мама? Почему я должен жить так, как она мне велит? Почему этот мужчина мой папа? Почему я должен совершать поступки, которые он от меня требует?*

Наступает такой момент в подростковом возрасте, когда вдруг возникает осознание, что я — вот он я, и я влип в эту историю под названием «вот так надо жить». *Почему так именно жить? Зачем надо жить именно так? Почему именно в это время? Почему именно в этой стране? Почему именно в этой семье? Почему именно в этом социально-психологическом мире? А почему я не китаец? А почему я не родился в семье руководящих работников? А почему я родился в семье с маленьким или, наоборот, большим материальным достатком? А другие люди живут совсем иначе, и то, что мне нормально, для них чрезвычайное происшествие.*

Вот первый момент, связанный с попыткой осмыслить *себя как себя*, себя как нечто уникальное, как нечто субъективное. Если вы помните это переживание, то оно именно такое: *взяли и бросили во это все*. И это помнится как тяжелый, сложный, драматический момент в жизни каждого.

С этого момента либо начинается постоянное взаимодействие между человеком — *Я* — и жизнью. Либо начинается постоянное стремление адаптироваться до такой степени, чтобы эти вопросы исчезли.

Один момент: во мне нарастает противопоставление — *это я, а это жизнь*. Второй момент: во мне исчезает двойственность — *вот жизнь, и она есть я*.

Когда-то я в подростковом возрасте очень остро реагировал, а мне говорили (такая любимая была у взрослых присказка): «Ничего, жизнь тебя обломает». Само существование такого выражения уже показывает, что жизнь, о которой говорится в данной пословице, враждебна по отношению к субъекту. Потому что она его обламывает.

Почему нет таких поговорок: «Жизнь тебя будет лелеять», «Жизнь тебя наполнит радостью»? А «Жизнь тебя обломает» существует, и существует в качестве одного из серьезных родительско-воспитательских моментов. «А почему она должна меня обломать, а не я ее?» — спрашивал я всегда. Я занял такую позицию: «Еще посмотрим, кто кого!» И это была моя роковая позиция.

Почему? Потому что мы с жизнью с тех пор так и сражаемся. И, сражаясь с нею, с готовой, не мною выбранной, не мною созданной, я пришел к глубочайшему убеждению, что нет недостойных людей, а есть недостойная людей жизнь, которой они вынуждены жить.

Заметьте, в русском языке есть замечательный оборот: «Мы этой жизнью живем». *А почему мы ею или она нами? Почему, как только мы забываем про человека, уникального человека, единственного во всей Вселенной, сразу возникает этот конфликт, и что с этим делать?* Если ты хочешь остаться субъектом, ты должен понять, что можешь что-то делать с жизнью, — это и есть содержание твоего пребывания в этом мире.

Вот есть жизнь, она тебе дана. Вот есть ты, ты себе не дан, если не сделаешь соответствующей внутренней работы. Ты себе не дан, потому что все тебе напоминают: *я тебе дал жизнь, мы тебе дали жизнь*. Государство говорит: «*Мы тебе дали возможность стать человеком*». Подразумеваемая личность, функциональность: «*Мы тебе дали возможность приобщиться к святому духу*». Мы тебе... Все мне что-то дают.

Но что же они за это берут? Ведь так не бывает: дают — и ничего за это не берут. *Что они у меня берут?* Они у меня за это берут меня, отбирают меня за то, что все дали.

Я этого не выбирал. Я этого не делал. Это дано, и меня еще до конца дней будут уговаривать, что это хорошо, что это так и надо, что моя задача — адаптироваться к этому всему данному, и тогда я все получу.

Что все? Признание, карьеру, территорию, материальное благосостояние — мне все дадут, но опять же дадут, если я буду себя хорошо вести. Вот лозунг, который мы слышим с детства: «Если ты будешь себя хорошо вести, тогда я тебе дам». — «А если я себя плохо буду вести, то не дашь?» — «Не дам!»

Что же ты за мама? Что же ты за папа? Есть ли кто-нибудь, кто мне просто даст, потому что мне нужно, потому что я попросил, а не за что-то? Чтобы это выяснить, мы с вами вынуждены ввести некое разграничение, разграниченность: вот жизнь, которая дана, и либо она тебя обломает, либо ты ее, — а вот бытие, которое ты обретаешь либо не обретаешь. Но тебе его никто не дает.

Ты имеешь возможность обрести в себе самом для себя бытие. Это и есть твоя собственная, субъективная возможность. И в этом смысл всех истинных духовных традиций. Есть совершенно замечательное суфийское выражение: «*Человек создан, чтобы учиться*».

В каком смысле? Человек пришел сюда, чтобы взять, обрести, открыть для себя бытие, лично для себя, чтобы быть нужным самому себе прежде всего. Нас долго уговаривали, что если мы чувствуем свою нужность кому-то, то это значит — мы хорошо живем. Это значит — все

прекрасно, мы должны радоваться, мы должны быть счастливы. Да, это очень неплохо, когда мы кому-то нужны. Хорошо бы еще знать, кому и зачем, в каждом отдельном случае. Но ведь самый главный вопрос: *зачем я себе самому нужен?*

Не *зачем мне нужна эта жизнь*, тут меня никто не спрашивал. Уйти из нее добровольно — это вариант, конечно, проявление самости, но это не ответ на вопрос: *зачем же я здесь был, вообще я зачем был?* Низачем. Меня позвали сюда, привели, дали мне это...

А зачем я здесь был? Ведь в глубине каждому из нас хочется, хотя бы в последний день, перед тем как покинуть это все, узнать. Поэтому мы ходим ко всем этим гадалкам, астрологам, соционикам, калинаускасам всяким и спрашиваем что-то про себя. А на самом-то деле мы спрашиваем: *зачем я тут?* Я, лично я, не наше поколение, не мой народ, не человечество в целом. Здесь нужно получить некоторое субъективное переживание истины, в котором мне самому откроется моя собственная ценность, для себя самого. Может быть, неуклюжее сочетание: *в себе самом для себя бытие*, но, мне кажется, без *представленности самому себе* невозможно попасть в такое место, в котором жизнь тебя не обломает.

Все-таки не хочется, чтобы она меня обломала, потому что вроде мне ее дали для чего-то совсем другого. *Может, меня обманули во младенчестве, сказав, что мне что-то дали?* Тогда хочется примкнуть к концепции, что на самом деле эта жизнь — наказание. Потому что душа твоя еще несовершенна, и вот тебя заставляют рождаться вновь и вновь, чтобы ты отработал свою карму наконец. Тогда тебя куда-то туда в лучшие миры устроят — за это. Хорошенькая концепция! Жизнь дана для того, чтобы мучиться. Нет!

Жизнь может быть мучительной, вполне допускаю, но не для того, чтобы мучиться. Она может быть мучительной от обстоятельств, от времени, от устремлений, от претензий, притязаний. Но она не должна мучить, измучивать меня, не должна меня лишать собственности на самого себя и *нужности себе самому*.

Жизнь сама не ответит на этот вопрос, вопрос нужности самому себе, потому что она механистична. Да, я могу участвовать, я могу попытаться изменить что-то в механизме жизни своей, своих друзей, какого-то количества людей, не очень большого, — вот и все, что я могу сделать по отношению к жизни. Иллюзии по поводу того, что жизнь можно «переделать», исчезают довольно быстро. Мы видели много вариантов, знаем из истории, на себе испытали: в попытках переделать, сконструировать жизнь, по модели построить что-то не получается.

Может, и не надо... Может, нужно понять, что жизнь — это все-таки не первопричина. Есть масса людей, которые достойны сами по себе. В очень сложных и печальных обстоятельствах они не теряют своей полноты бытия. А есть масса людей, которые живут, с нашей точки зрения, в идеальных обстоятельствах, но никакой полноты бытия не имеют.

Недавно я попал в очень интересную ситуацию. Я был приглашен на семинар-конференцию, которую проводили канадские христиане. Это были исключительно богатые бизнесмены, даже по их канадским понятиям очень богатые люди. Мы с ними тесно общались два с половиной дня: с утра до вечера два дня и еще полдня. И вот что поразительно. Они пытались объяснить, причем искренне, как пришли к Богу, к вере. Сначала рассказывали историю о том, как они потратили 15—20 лет на то, чтобы стать богатыми, а когда, наконец, стали, вдруг выяснилось, что вопросы: «*Кто я?*», «*Зачем я?*» — никуда не исчезли.

Эти взрослые солидные люди, социально состоявшиеся, разговаривают и эмоционально реагируют на уровне подростков, и, естественно, им кажется, что они всех нас спасут и обратят. Им трудно представить, что у нас тоже есть вера. Поскольку они убеждены: только получив от жизни все, можно сообразить, что она у тебя все забрала.

Один замечательный человек сказал замечательную вещь: «*Я вырос в бедной (по их понятиям) семье и, когда был еще подростком, решил: все что угодно, только не быть бедным*».

Он талантливый человек, энергичный, он получил образование, пробился, стал крупным бизнесменом. За это время у него выросли дети: стали взрослыми дочери, вышли замуж. Однажды он вздохнул свободной грудью: «*Все, я уже крепко стою на ногах, самостоятельный, теперь можно иметь маленьких детей, растить их, воспитать их, дать им какую-то жизнь...*»

А дети уже выросли и мечтают о том же, о чем он сам мечтал, — обязательно быть богатыми.

Мы можем быть богаты материально, но сколько бы мы ни зарабатывали, все мы бедны душой, пока не имеем самого себя. До тех пор пока жизнь нас обламывает.

Технология жизни

После этого довольно затянувшегося вступления мы можем перейти непосредственно к рассмотрению жизни как *технологического процесса*.

Как же это все происходит? Я не знаю, есть ли такие работы (мне не попадались), в которых посчитано, сколько вообще расписаний жизни существует. Вот исходная, стартовая позиция отдельно взятого конкретного человека: сколько возможных расписаний жизни он имеет? Я думаю, что не очень много.

По разговорам с людьми, по общению — в среднем где-то три, может быть четыре варианта — обозримых, наполненных конкретикой, мотивацией, ценностными установками. Расписаны они так: *вот этот этап — в конце такой приз, потом этот этап — в конце такой приз, а потом в конце такой приз, а потом ты будешь иметь все, что надо*.

А дальше? Я еще не слышал ни одного сценария жизни, в котором было бы продолжение после момента: *«а потом ты будешь иметь все, что надо»*. Представьте себе, что у меня нет самостоятельной позиции по отношению к жизни, нет субъектной позиции. Могу ли я глубоко хотеть завершить этот сценарий: *«иметь все, что надо»*? Дальше-то ничего, никакого сценария нет.

Значит, если я отношусь к жизни как к тому, во что я «всунут», то сценарий «иметь все, что надо» будет иметь такое продолжение: *«Теперь ты будешь жить для детей. И то, что ты не доделал, они доделают, чего ты не допел, они допоят — просто будут обязаны»*.

Так, хорошо, дети уже выросли, а я все еще не умер, у меня еще не все, что надо, еще дети не дожили, внуки не доросли. Это сценарий может продолжаться бесконечно. Значит, в идеале, в глубине себя, вы бы хотели, чтобы никогда не наступил момент *«уже есть все, что надо для жизни»*. Многие люди именно так и живут. Трудно признаться, что я получил готовый сценарий жизни, который от меня не зависит, и в этом сценарии финальная сцена: *«У тебя есть все, что нужно для жизни»*...

А до этого момента в сценарии что я делаю? Ведь у меня до этого *«все, что нужно для жизни»*, ничего нет. До этого места жизнь сама по себе.

Мы все с удовольствием про сценарии жизни читаем, принимая это как данность. Но ведь если я имею позицию: *вот я, а вот жизнь*, — я могу осознать сценарий, допустим, навязанный мне в детстве. Реализацию сыграть очень просто. Нужно просто встать и сказать: *«У меня уже есть все, что надо для жизни»*. *Что теперь дальше, дорогие товарищи, родители, управляющие, начальники, воспитатели, психотерапевты? Что теперь?* Вот с этого момента начинается вызов, начинается неготовая, создаваемая вами самими жизнь.

Зачем этим интересоваться и чего можно достичь? Можно достичь осознания, что в каждый момент времени у вас есть все, что нужно для каждого момента времени. Если вы заняли такую позицию, вы можете принимать все жизненные сценарии как роль, которую можно сыграть. Многие часто спрашивают: *«А что, надо во все играть?»* В смысле притворяться, в смысле лицедействовать. Я говорю: *«Нет. Зачем?»*

Шахматист играет в шахматы. Разве кто-нибудь скажет ему: ты артист, ты играешь, изображаешь, обманываешь. Он играет в шахматы. *Человек, играющий в социальную жизнь, как шахматист, он что, притворяется?* Нет! Он просто видит доску, фигуры, противника, расстановку сил. Поскольку все сценарии построены по спортивному принципу (мы в такой цивилизации живем), ты, естественно, либо побеждаешь, либо проигрываешь. Оказывается, человека сюда забросили участвовать в бесконечных соревнованиях. Жизнь как спорт. Я не хочу такой жизни.

Я в театре 20 лет проработал и 20 лет получал одну и ту же нахлобучку. В каждом театре, где я работал, меня вызывали директор с главным режиссером или с представителем партийной организации и говорили: «Игорь Николаевич, вы хороший режиссер, но вы не живете жизнью коллектива». Я отвечал: «Я в этом коллективе работаю, а живу в другом совсем коллективе. Почему я должен жить здесь?»

Есть то, что называется частной жизнью. Частная жизнь есть, и без нее нет субъекта. Так вот, *в частной жизни играть не надо*. Потому что — это и есть вы. Это единственное место, где все ваше собственное. Тут у вас выбор был: с кем дружить, с кем общаться неформально, кого любить, кого ненавидеть и т. д.

Прекрасный частный мир

Свой частный мир вы можете организовать независимо, и никто вас не накажет за то, что вы отбором занимаетесь. Вот если вы будете отбирать, кому руководить, то тогда скажут: *нет!*

Вы там солист, в частной жизни, а вот вся остальная жизнь — она не ваша, и в нее надо играть. Чтобы вас не смущало слово «играть», давайте скажем так: *с этим надо работать*. Конечно, мой жизнерадостный оптимизм не означает, что это так легко, просто. *Нет!*

Я еще раз повторяю: жизнь может быть и мучительной. Но если *не она вас, а вы ее*, то эта тяжесть или мука не раздавливает, потому что это только сопротивление материала, сопротивление обстоятельств и прочего вашему замыслу. Ибо замысел жизни может быть только личным, персональным, интимным, субъективным.

Субъективный — еще недавно было весьма ругательное слово. Но это же самое прекрасное — субъективное, имеющее право на существование не в качестве грез, — хотя и грезы имеют право на существование, — а в качестве замысла. *Замысел — это всегда субъективное. Его нельзя доказывать логическим путем.*

Почему вы так нарисовали картину?

Почему так изваяли скульптуру?

Симфонию написали?

Раз жизнь мне дали, так почему я не могу ее сделать произведением собственного искусства?

А дальше идет вопрос, кто талантливее, кто скульптуру будет создавать, кто симфонию.

Невозможный замысел — это коллективный замысел жизни. Потому что коллективный замысел жизни — тонкое насилие, конвенция, туда частную жизнь никак не встроить. Тогда частная жизнь отпадает, мы уже говорили: человек перестает быть нужным самому себе.

Таков момент необходимого растождествления с той частью всего, что называется жизнью, которая не имеет отношения к моей субъективности, которая мне дана и которая все время почему-то хочет меня обломать.

Она все время зовет меня: «*На старт!*» — а в конце раздает призы или, наоборот, не дает призов, потому что я прибежал последним. Вот с этой жизнью надо работать, а чтобы с ней работать творчески, нужно иметь замысел.

Великий замысел жизни

Допустим, мы вспомнили свои подростковые годы, наполнили их рациональным осмыслением и, не дожидаясь, пока у нас будет «*все, что нужно для жизни*», решили начать жить, чтобы не она нами жила. Я не знаю, как это лучше по-русски сказать. *Часто не человек живет жизнью, а жизнь живет человеком.*

Понимаете? Жизнь человека переломала, раздавила, обтесала, то есть он по отношению к жизни фигура страдательная, а она — что-то мистическое, таинственное, беспощадное. А надо наоборот, чтобы это *я жил*, можно еще и с ней, с жизнью, — ну, это вопрос любви, взаимного желаний.

Давайте это все вспомним и скажем себе: *«У меня уже все есть, что нужно для жизни»*.

А что нужно для жизни? Исчерпывающий список очень простой, он из двух предметов: **Я** и **Жизнь**. Больше для жизни ничего не нужно. Я порожаю замысел, я добываю соответствующие знания, как его (замысел) реализовать.

У меня есть предмет обожания — *жизнь*. И я начинаю свою самодеятельность. Другой вопрос, что это взаимодействие тоже бывает разное, то есть вы можете всю жизнь — всю свою частную жизнь — провести в борьбе с жизнью.

Когда я говорю «прожить жизнь» — это относится к частной жизни. Другой субъективной жизни нет.

Когда я работал со спортсменами, бегунами, мне удавалось помочь некоторым получить большой приз простым приемом. Я говорил: «Ты, когда бежишь, не думай о том, сколько времени бежишь, там человек сидит и меряет, он тебе скажет после финиша. Забудь!» Они забывали — и на сотую, на две сотых улучшали результат.

Так и с той жизнью, которая не частная, — есть люди, которые специально изучают, регистрируют, объявляют результат.

Итак, замысел зависит только от вас. Никакой психоанализ, никакие родительские запечатки, никакие матрицы, никакие соционические типы, никакие астрологические прогнозы ничего вам не скажут про то, какой у вас должен быть замысел жизни и должен ли он быть вообще.

Замысел может родиться только тогда, когда вы *разорвали предопределенность*, вышли из ситуации, в которой неясно, где вы, а где ваша жизнь. Либо это любовный замысел по отношению к миру, либо это любовный замысел по отношению к себе, либо это попытка найти взаимность... Это творчество.

Когда есть замысел жизни, появляется возможность действительного саморазвития, самосовершенствования, вообще всякие истинные «само» появляются только в этом случае. Пока жизнь меня живет, какие тут «само»? Кричу: «Сам, я сам прожил свою жизнь!» *Свою? Какую свою?* Жил жизнью своего поколения, жизнью своего клана, жизнью своих товарищей по работе, своего предприятия. *Какую свою?*

Выясняется, что очень многие люди не живут даже свою семейную жизнь. Они живут жизнь образцовой семьи, жизнь советской семьи, жизнь несчастной (счастливой) семьи.

Есть люди, которые прекрасно понимают, как навязать людям под названием «жизнь» то, что нужно в данный момент государству. Если человек не вспоминает про субъекта и его достоинство, про то, что *смысл существования человека есть он сам*, и если его самого нет, — легко можно им управлять.

Нужно постоянно помнить, чувствовать, что у нас все для жизни есть сразу, ибо сразу есть *жизнь* и есть *Я*. Именно поэтому у управляющих возникает такая негативная реакция на словосочетание: *технология жизни*.

Мы часто говорим, что в экстремальных условиях нужно помочь людям разработать технологию поведения. *А разве жизнь, которая нас живет, — это не постоянная экстремальная ситуация по отношению к субъекту?* Постоянная. Даже если у субъекта четыреста миллионов годового дохода. *Богатые действительно плачут*.

Весь СНГ, не отрываясь от телевизора, смотрел «Богатые тоже плачут». Что в этом пенсионерке, всю жизнь проработавшей секретарем-машинисткой, что ей до этой Марианны? Так она же, если не узнает продолжения, ночь спать не будет.

Что это? Марианну красивая жизнь живет. А мою маму прожила другая жизнь, бедная и некрасивая, но мама Марианне сочувствует, потому что позиция-то одна и та же, технология-то одна и та же. Потому и можно сочувствовать, что они тоже свою жизнь не живут, их живет их жизнь, якобы их жизнь.

Замысел жизни нельзя присвоить как инструкцию. Нельзя сказать человеку: «Вот тебе замысел, пожалуйста, дарю». Или открыть склад замыслов жизни. «Мол, у нас на полочке пятьсот штук разных замыслов, выбирай любой, бесплатно бери замысел и осуществляй». Это не будет замысел, это будет опять же некий сценарий. *Замысел рождается!* Но, может быть, можно подсказать человеку, как быть, как решиться быть. «Давай, парень! Не трусь, девушка. Смелей! Это трудно, но прекрасно — жить свою жизнь».

Играть или не играть?

Играть — это работа. Она может быть творчеством, может быть хорошим знанием правил, может быть искусством рассчитать или искусством ухватить фортуны за хвост. А может быть искусством ждать, когда придет фарт.

Вот попробуйте играть в какую-нибудь игру на выигрыш, сознательно, искренне, желая выигрыша партнеру. Это против естественного хода вещей. И какой бы вы ни были альтруист, гуманист и прочее, это осуществить будет очень трудно. Либо ваш партнер обидится на вас и скажет: «Ну что ты в поддавки играешь? Что ты мне подставляешь? Мне неинтересно». Либо вы сами в конце концов: «Ай-яй-яй, что-то я тебе проигрываю» — и забудете про свой замысел проиграть. Игра на выигрыш — это процесс самоутверждения. Самовыражающемуся так невозможно играть, потому что: «А где же я?»

Период индивидуальности — это в основном «брачные игры». Период личности — это игры, связанные с завоеванием социальной территории, социального признания, игры самовыражения и самоутверждения. Период сущности — игры, в которые играет Я.

Конечно, быть игроком — всегда риск, потому что страшно проиграть. Но азарт, творчество, кураж! Безопаснее отказаться от игры. Но это значит — отказаться от личности. А отказаться от личности — значит либо быть инфантильным, вечно «подающим надежды», либо откатиться на окраины социума, где господствует принцип «сила есть — ума не надо», где несостоявшаяся личность торгует телом; либо превратиться в социальный винтик. В любом варианте это приводит к кризису при переходе к следующему периоду — периоду сущности. Либо ты — Игрок, либо ты фигура на доске социальных шахмат.

Так же как если в первом периоде отказаться от индивидуальности: ну, например, посвятить весь этот период жизни компьютеру, библиотеке, — то к двадцати пяти — двадцати семи годам вы не приобретете никакого опыта социальных отношений с людьми, у вас будет бедный набор социальных ролей, которые вам практически знакомы, и полное незнание правил социальных игр. И может случиться так, что к моменту, когда основной энергетический ресурс будет связан с жизнью личности, ресурс этот окажется мизерным. Подобное происшествие ждет вас, если вы отказались от игры в период личности. Может быть, это объяснение знаменитого кризиса тридцатисемилетних?

Игра — великолепный источник переживаний.

Я вам скажу, что по сравнению с переживаниями индивидуальности (хотя у меня индивидуальность была весьма достойная: достаточно бурная, красивая, на мой взгляд — и актером я был, и спортсменом я был, и романы у меня были, ну все как положено было) — такие переживания, как личностные...

Игра — ведь это не в банальном смысле — «кто кого». Игра как искусство, как звук, радость, как азарт, кураж...

Знаете, когда спрашивают: «А как стать знаменитым, красивым и т. д.?» Если поставить цель стать знаменитым, то это стопроцентное попадание в фигуры, потому что это вопрос — как продаться. Стать знаменитым, вообще-то, очень легко. Только нужно очень точно рассчитать, где больше всего за тебя заплатят. Для меня знаменитость в этом смысле — это цена, которую за тебя заплатили: чем больше, тем знаменитей. «Он стоит для нас миллионы».

Получить подписанный контракт — это одно, а вот прославиться — это совсем другое, это выигрыш. Разброс такой: либо в период индивидуальности выиграть на беговой дорожке, в прямом и переносном смысле; либо в период личности выиграть большую игру; либо в период сущности засвидетельствовать что-то бытийное.

Но есть еще одно, на мой взгляд, более интересное социальное положение, которое я бы назвал «*Стать кем-то*». Это может принести побочные последствия: славу, известность, но как задача — это действительно стоит отдельно. При такой задаче не надо продаваться ни в явном, ни в тайном виде. Но «стать кем-то» — это требует определенной внутренней устремленности и замысла. Замысла на пределе возможного в воображении, не мечты такой, знаете ли, «хорошо бы стать», а **замысла**...

Такой замысел: стать персидским шахом — я думаю, вполне осуществим. Если этот замысел возник, скажем, ну не позднее чем в тридцать лет, можно сыграть такую роль. Вот в этом смысле некоторые суфийские традиции просто отмечали какие-то вехи: сегодня — профессор, завтра — вор, послезавтра — академик. Как они жили? Они умели играть в эту игру. Это традиции управления ситуацией. Традиции игроков.

А если вы — не игрок, тогда продавайтесь.

Определить, игрок или не игрок — очень просто. Если человек ищет свой путь — значит, он игрок. А если следует указанным путем — фигура. Сложнее с детьми. Единственное, что могу посоветовать: поощряйте в детях азарт — азарт, риск, смелость играть, желание играть... Выдавайте плюс-подкрепления на этот счет. До 7 лет ребенок должен все это попробовать, все три периода жизни в миниатюре прокрутить, и желательнее с балансом плюс, понимаете. «*Эх! Сейчас поживу!*»

Есть люди, у которых все идет, как нож по маслу, — везет, скажем... И вдруг — ах, обрывается. *Почему?* Потому что на переходе сделал ошибку, не протянул этот заряд через переходный момент, и все... Эта фортуна — либо мать, когда говорят «дитя устало», либо подруга, когда говорят «поймал ее за хвост». Почему за хвост, не знаю, наверное, у нее такое платье, со шлейфом.

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Поговорим о жизни. О человеческой, естественно. *О другой какой смысл говорить?* Мы ее не знаем.

Попробуем обозначить исходные позиции нашего анализа процессов жизни человека. Первая позиция такая: **самореализация**. Мы ее можем представить в виде двух основных процессов: процесса самоутверждения и процесса самовыражения.

Если мы смотрим на жизнь с точки зрения *самоутверждения*, то у нас возникают такие проблемы, как замысел жизни, сценарий жизни, сопротивление материала жизни. Мы исследуем активные взаимоотношения между человеком и его наличной ситуацией.

Если мы смотрим на самореализацию с точки зрения *самовыражения*, тогда мы должны говорить о внутренней реальности человека, о богатстве этой реальности, о достаточной или недостаточной степени владения собой, знания и умения управлять внутренней реальностью, то есть своим субъективным миром: мыслями, чувствами, переживаниями, образами для объективации жизни субъективного мира. Все это необходимо для того, чтобы внутреннее сделать

внешним, то есть сделать доступным и максимально понятным для людей и реальности богатство своего внутреннего мира.

Дальше мы будем говорить о **публике** в различных смыслах этого слова, то есть будем говорить о жизни как о театре и о человеке как об актере. Это два разных момента в процессе самореализации. И, как показывают практика, опыт наблюдений, литература, человек очень часто не фиксирует для себя самого, что это два принципиально разных момента его желания найти и реализовать смысл своей персональной индивидуальной жизни.

Мы можем заострить эту проблему и сказать, что есть два основных способа: «**параноидальный**» замысел — цель, движение, преодоление, реализация, и «**истероидный**» — демонстрация, желание привлечь к себе внимание, жажда успеха, славы.

Но надо помнить, что разделяются эти два процесса только в анализе, в жизни они переплетаются, и важно разобраться в том, что в данный конкретный момент доминирует у человека. Это отправная точка. Давайте с нее и посмотрим на проблемы жизни и поиска смысла.

Кризисы смысла жизни в пути

Всякий кризис смысла жизни связан с проблемой *веры*. Особенно ярко это проявляется в том случае, если человек пробует решить свои духовные проблемы с помощью какой-либо традиции, так сказать, двигаясь по духовному пути.

Отрабатывая каждый этап духовного пути в любой из традиций, будь то традиции силы, управления, медитативные, трансформационные традиции, — человек попадает в определенный кризис, данному этапу соответствующий. Потому что на духовном пути главная задача, первоначальная — это *встреча с самим собой*.

Особенно тяжелый момент на духовном пути в любой традиции — это *момент встречи с собой*. Человек видит себя в развороте и видит трезво: от самого плюса до самого минуса. Он видит себя как реальность, вне себя положенную. Встреча с собой таким, каков я есть в полном объеме: со всем хорошим и плохим, правильным и неправильным, нужным и не нужным, с тем, о котором говорят и думают другие, с тем, о котором стараюсь не помнить я. Мы часто забываем, что ничего человек не знает так плохо, как самого себя. Когда человек встречается с самим собой, то есть начинает себя видеть, освобождаясь постепенно от психологической защиты, от разнообразных иллюзий по поводу самого себя, — это серьезнейшее переживание.

Не нужно забывать, что есть еще тот, кто это видит, то есть **субъект** как таковой (чистый субъект). Если бы этого не было, не было бы никаких шансов. Когда этого субъекта нет или когда человек забывает о себе как о субъекте — возникают депрессии, суицидные намерения, бегство назад из духовности. «*Зачем я с этим связался? Жил себе, и ничего, кругом люди живут, ни о чем не думают, счастливые и веселые...*»

Но есть тот, кто это видит, и ради него делается эта работа. Потому что все мы, в определенном смысле слова, имеем полный набор: все мы — лжецы, предатели, воры, убийцы в разных масштабах, и все мы — герои, гении, пророки, святые в разных масштабах. Любой человек имеет весь этот разворот в своей потенциальности.

Совершенствование недостойной жизни

Жизнь, которую *Великое Среднее* сегодня предлагает большинству людей, недостойна их. И весь прогресс (я имею в виду прогресс как рост культуры, а не цивилизации) состоит в том, чтобы *совершенствовать жизнь*. Чтобы она была все более и более достойна человека как образа и подобия Божьего. Вот это и есть истинный прогресс. Совершенствование самой жизни.

Тогда можно ставить и вопрос *о раскрытии возможностей человека как образа и подобия человечества или как образа и подобия Божьего*.

Прежде всего нужно помнить, что есть *Тот, Кто видит себя*, и именно ради него делаются все усилия самопознания и самоуправления. И *Тот, Кто видит*, имеет шанс начать с этого момента относиться к своей жизни и к себе самому, что называется, сознательно, с осознанием: *что мне дано? чего я хочу? как это реализовать?*

Проблема самовыражения

Здесь возникает проблема самовыражения.

Что выражать? Выражать всю полноту *Я*. Я должен найти для этого социально приемлемые формы.

В этом смысле мы снова можем вспомнить Шекспира, который говорил: *«Весь мир — театр, в нем женщины, мужчины — все актеры»*. Вы можете эту роль человека (роль в том смысле, что вы идете по линии самовыражения) делать объемной, так, как это делал Шекспир в своих трагедиях. А можете попытаться сочинить «образочек», который не даст вам никакого удовлетворения.

Если уж вы решили самовыражением заниматься, то идите в этом до конца. Есть тяга, есть необходимость — так идите до конца. Находите для этого формы, желательные социально приемлемые, в ситуации социальной безопасности. Внешние условия для самовыражения, которые нужно либо найти, либо создать, — это *условия социальной безопасности*. Потому что страх самого себя — это страх перед другими. Не перед собой. Страх, который начинается по отношению к родителям: *а вдруг мама узнает, что я подумал нехорошее?*

Самовыражение имеет вторую опасность, которая возникает, если нет *Того, Кто это увидел*, кто встретился, то есть чистого субъекта. В таком случае проблема самовыражения подменяется проблемой снятия социального торможения, возникают фикс идеи типа: *«Давайте нарушать все табу. И таким образом освободимся»*. Не освобождаются люди. Как известно из опыта многочисленных групп, сект и т. д., этот путь ни к какому освобождению не приводит. Потому что нет *Того, Кто это делает*. Самовыражение, творчество и работа, а не расхристанность.

Две грани самовыражения

Проблема самореализации имеет две грани: самовыражение и самоутверждение. Если она связана с тем, что произошла встреча с самим собой, и вырос *Тот, Кто имеет мужество увидеть себя во всем развороте*, тогда это творческий акт **самовыражения**. Из него может родиться литература, театр, духовный образ, из него может родиться путь, из него может родиться картина, музыка, стихи — все что угодно. Новая жизнь. Новые отношения.

Если субъекта, *Того, Кого мы назвали стабильным самосознанием*, нет, тогда проблема самовыражения всегда будет связана либо с **истерондностью**, то есть стремлением взять на себя внимание любой ценой, к месту, не к месту, либо с **экспозиционизмом душевным** — получением удовольствия от того, что *раздеваешься* перед людьми, либо с **нарушением норм во имя процесса самого нарушения**, что тоже ничего не дает.

Ну преступил один раз, ну и что? Норма же не исчезла. Социум от этого не изменился. Тогда приходится заниматься самоцензурой, возвращаться туда, откуда начал. *Какой же смысл тогда был в самопознании?* Тогда, действительно, лучше не заниматься самопознанием, а жить так, как все люди живут, и грешные и святые — все перемешано.

Образы и образы

А еще можно создать из себя образ и строго его придерживаться, и тогда будет как у Раджниша: *«Ваши святые воняют»*. Воняют вытесненным и гниющим своей неполнотой содержанием. Почитайте *«Жития святых»* — большинство из них минимум полжизни отдали самовыражению. *Из кого святые-то настоящие, как правило, получаются?* Из тех, кто уже все выразил — чистое самосознание осталось, больше ничего. Все остальное они уже выразили, выкрикнули, выплясали и т. д. Это один момент.

Можно ли прожить всю жизнь, не теряя ее смысла, только на самовыражении? Есть такие люди, которые всю жизнь остаются детьми, умудряются застрять в периоде *индивидуальности*. Вот мы говорим: *«Актеры — дети»*. Но ведь они не самовыражаются. Профессия актера — это профессия исполнительская. Актер самовыражается, значит, сам себя играет. И он интересен, потому что в силу тех или иных причин или необычен, или через него проглядывает тяжелый опыт жизни. Зрителю дается возможность идентифицироваться с ним, узнавая в нем то, что он сам от себя и от других прячет в себе. Поэтому, когда говорят про людей: *«Ну, ты артист, ну что ты играешь»*, — это неправда. В строгом смысле слова мы должны понимать, что это сравнение весьма зыбкое. Потому что *актер как профессия* и *актер в жизни* — это совершенно разные вещи.

Актер в жизни — это желание привлечь к себе внимание, стать заметным за счет своей индивидуальности, утвердиться в глазах людей не делом, не творчеством, а демонстрацией уникальности своих природных данных, манеры поведения (часто вычурной), экстравагантным имиджем, манерной речью (это все называется просто: демонстрационное поведение).

А актер как профессионал — только исполнитель, поэтому его человеческие качества могут не иметь никакого отношения к качествам исполнительским. В жизни ничего исполнять нельзя, потому что нет автора. За исключением конвенциональных ролей, у которых автор — сам социум.

Что у нас получается? Автор пьесы под названием жизнь — социум, режиссер спектакля — референтная группа (группа людей — реальных или идеальных, чье мнение человек воспринимает как авторитетное), а исполняет все это человек как набор социальных ролей. Пассивная позиция выражена в известной шутке: я — не я, и лошадь не моя, и я — не извозчик. Следовательно, я ни за что не отвечаю, потому что роли придумал не я, жизнь эту сочинил не я, режиссирую это не я. Режиссируют папа, мама, начальник, ближний социум, власти, государство, партия, народ. Вот поэтому опасно для человека, желающего стать творцом своей жизни, смотреть на нее как на театр и превращать ее в театр. Да, мир — подмостки, но если вы хотите обнаружить и реализовать смысл *своей* уникальной, единичной жизни, на этих подмостках должен идти спектакль, автором и исполнителем которого являетесь вы сами. Вот это и есть ваш театр жизни.

Но не советую превращать вашу частную жизнь, ту жизнь, что соединяет вас и ваших близких, в театр. Иначе вместо живых отношений вы получите набор ролей и лишитесь частной жизни, превратив ее в социальную. **В частной жизни ролей нет.** У каждого участника этой частной жизни только одна позиция: *вот я, и прими меня таким, каков я есть, как я принимаю тебя.*

В социальной жизни есть элемент театра. В этом смысле Шекспир прав — есть роли и есть режиссер, есть автор, есть исполнитель. Тогда возникает вопрос: *«Как правильно относиться к социальной жизни?»* Относиться ли профессионально, как хороший актер относится к исполнению роли: творчески, продумывая все, работая над этим, — или механически участвовать в предложенных извне событиях, даже не догадываясь, какую роль вы играете в каждый момент времени. Выбирайте сами. *«Своя голова есть — думай; своей головы нет — делай, что укажут».*

Определенная часть нашей жизни под названием социализация — это и есть репетиция будущего спектакля. К семи годам дети, как известно, проигрывают все, всю свою жизнь — от начала и до конца. До похорон. Сценарная часть вся складывается у человека до семи лет.

Часто человек только жить начал, а у него уже заготовлен сценарий, как он будет умирать. Как он будет заводить семью, растить детей, как он будет делать карьеру. Дети все это проигрывают в сжатые сроки, — репетиционный период очень короткий. Семь лет репетирует, потом семьдесят живет. Шестьдесят три года оставшихся играет спектакль. Долгий такой спектакль получается у некоторых. У некоторых — короткий.

Но можно играть в эту игру по другим правилам. Вот это и называется: быть в мире и одновременно вне его. Однако это возможно, только если человек принадлежит к чему-то за пределами *Великого Среднего*. Это вопрос принадлежности к *Духовной традиции*, к *Духовному сообществу*, когда правила задаются не *Великим Средним*.

Тогда вы играете эту игру. Играете по своим правилам, потому что видите режиссера, автора, текст пьесы и того, кто должен все это исполнять. А должен исполнять это тот человек, которого вы в каждый момент жизни создаете из самого себя, из той части самого себя, хозяином которой вы реально являетесь. Все в вас, чему вы не являетесь хозяином, живет неизвестно как и неизвестно по каким законам. Поэтому я и говорю иногда: если актер — профессионал и театр — место, где занимаются искусством, а не фабрика по производству спектаклей или идеологическая трибуна, тогда там больше жизни будет, чем в том, что обычно называется нормальной жизнью. Потому что там творчество, а ***творчество — это та часть жизни любого человека, которая относится к духовному, где сыграть ничего нельзя, потому что заранее ничего не предопределено.***

*Почему художник вырывается из социума? Художники живут по другим правилам. Он по определению асоциален. Он находится в той части жизни, которая не имеет сценария, которая не имеет такой конвенциональной степени жесткости. И тогда мы говорим: «А, богема». Это наша зависть. К тому, как там люди живут. У них гораздо меньше заготовленных текстов, сценарных ходов, сюжетов готовых, того, что называется обязанностью, долгом. Они должны только своему призванию и больше никому. Той божьей искре, которая им дана и которой надо не дать погаснуть, потому что не каждому сваливается на голову талант художника, или музыканта, или актера, или писателя. Это совсем другая часть жизни, пограничная по отношению к *Великому Среднему*.*

Кант был философ, и он жил строго, как бюргеру положено. По нему люди часы в Кенигсберге сверяли. Раз Кант идет в университет, значит, сейчас 7.00. И люди подводили часы. Это зафиксировано в его биографии. Он сам вел учет расходов на питание с точностью до 1/2 пфеннига. Все сам записывал. Но при этом был философом. Это нормально.

Но если бы он при таком образе жизни попытался стать художником, у него ничего бы не получилось. Потому что художник по определению — автор. Какой-то минимум ролей он все-таки должен разучить, конечно. Но у него конвенциональное сведено до минимума.

Самоутверждение

Вторая составная часть самореализации — это **самоутверждение**. Оно рождается из простой идеи о том, что человек может создать вещь ли, произведение, неважно что, которое его переживет. И это парадокс.

Вот берешь в руки книгу, которую сам написал. И. Н. Калинаускас «Хорошо сидим». И думаешь: «Я умру, а это будет. А кто это написал? Зачем? Это же моя смерть. Мною самим созданная». Я сам произвел нечто, что меня переживет, то есть если я сознающий человек, то понимаю, что это напоминание о смерти.

Так что же тут делать? То ли хвастаться, что я книгу написал, то ли вообще ее не видеть никогда, и чтобы мне не напоминал о ней никто. Потому что я же умру, а она будет.

Дети в большинстве случаев переживают своих родителей. Я умру, а он будет. Я же его на свет произвел, просто как дерево посадил. Если никакого катаклизма не случится в этом месте, оно тоже меня переживет.

Это явные вещи. А ведь мы массу вещей делаем, не подозревая, что они нас переживут.

Вот человек хочет иметь квартиру, например. Наконец она у него есть. И она его переживет. Сейчас, конечно, сомнения есть. Сейчас строят так, что, может, не переживет. Но раньше-то строили на века...

Кругом полно такого, что существовало в этом мире до меня и будет существовать после меня. Мы строим дома, пишем книги, рожаем детей, сажаем деревья: это и есть *самоутверждение, о котором заботишься или не заботишься, оно все равно происходит*. Значит, и самоутверждение может быть бессознательным. И тогда оно носит характер некоторой параноидности, в хорошем смысле слова, допатологическом, целеустремленности, скажем так.

Например, завоевать некоторую территорию при жизни. Утвердиться в качестве специалиста, утвердиться в качестве неповторимого человека, личности, утвердиться в качестве «души общества» или наоборот «бьяки», атамана-разбойника, войти в историю, выйти из истории (что труднее, кстати говоря). В пароклодах, строчках и других долгих делах. У каждого множество долгих дел, в которых он участвует. И нас иногда никто не спрашивает, согласны ли мы в этом участвовать, как не спрашивают нашего согласия участвовать в последствиях природных или политических катаклизмов.

В самоутверждении есть оборотный момент. Я знаю людей, которые сознательно не делают ничего такого, что может их пережить. Хотя, казалось бы, в смысле социализации, социального программирования, социального наследования нас все время ориентируют на то, что нужно оставить свой след в истории. *Пришел, наследил, ушел*. И это прекрасно — такой знаменитый, прославился! Материальный носитель уже давно сгниет, а тебя вспоминают, неважно какими словами, но вспоминают. И там, на небесах, тревожат, тревожат...

Как-то видел такую передачу. Новосибирские математики использовали «И-цзин» не как гадательную книжку, а как алгоритм мышления. Назвали «бинарная математика». В вирусологии, например, с ее помощью предсказали новые формы вирусов. Оказалось, это великолепная методология научная, познавательная. Так вот, с точки зрения методологии «И-цзин», человек на земле — это накопитель информации. Потом он освобождается от материального носителя и существует в качестве информационно-энергетической системы — просто переносчик информации.

Тоже интересная модель. Но это опять же означает, что мы все самоутверждаемся — и хоть убейся — не сможем не самоутверждаться. Потому что человек предназначен для того, чтобы учиться, как говорят космические существа, а для чего, оказывается, учиться, — чтобы в космосе это куда-то разносить. Если с этой точки зрения посмотреть на смысл жизни, то надо «учиться, учиться и еще раз учиться».

Человек не может отказаться от самоутверждения, потому что в него, как и во все живое, вложено стремление занимать свою территорию. Человек не может существовать без своей территории в физическом, социальном, мировоззренческом смысле. Пока он человек, он не может жить *в нигде*. Он всегда где-то. Ибо ограниченность (сознание есть ограниченность, помните?) он воспринимает только на уровне материальном, на уровне социальном и на уровне идеальном.

Если человеку мало территории, он, естественно, находится в негативной ситуации. Если ему чересчур много территории, он опять в негативной ситуации. Хотя каждому из нас кажется, дайте нам десятикомнатную квартиру, мы все будем себя хорошо чувствовать. Не уверен. Кто-то — да, а кто-то — вовсе нет.

Когда я снимал трехкомнатную квартиру, я думал: «Ну, подвернулась, ну, судьба послала, ну, дешево. Но что я буду делать в трех комнатах один?» Оказалось, ничего, нормально.

Не знаю, смогу ли заполнить еще пять. А для кого-то и сорок нормально.

Мне знакомы очень богатые люди. Живут в двухкомнатной квартире, в жуткой тесноте, грязи. И уже лет десять назад могли шестикомнатную купить — не покупают. Все время причины находят. Ну, не могут. Им страшно. Другого состояния: то ли идеального, то ли территориального вроде мало, а социального вдруг будет много. Это все взаимосвязано.

Приобретение материальной территории мгновенно меняет социальную территорию. Приобретение социальной территории меняет идеальную территорию, и в обратную сторону тоже бывает. Потому что все это есть выражение одной и той же позиции: *все живое стремится занимать территорию*. Мы знаем, что одни растения любят расти на открытом поле — только там они себя ощущают хорошо, другие цветочки хорошо развиваются на лугу среди других цветочков, а третьи — только на клумбе.

Таким образом, мы можем с вами свести проблему самоутверждения к двум аспектам: аспект первый — выход за пределы индивидуальной истории (*что-то должно меня пережить*), за рамки своей индивидуальной жизни, и второй аспект — территориальный (*занять и освоить территорию*: мой дом, моя семья, мои друзья, мое значение в социуме, мое место на кладбище).

Территория самоутверждения

Территориальный аспект — это сложное дело.

У всех нас разные стартовые условия, разные социально-психологические миры. Борьба за свою социальную территорию имеет большое количество уровней взаимодействия между человеком и социумом, в силу того что мы в первую очередь осознаем себя существами социальными, а не духовными или материальными.

Мы даже забываем о своих детях, о том, что уже младенец должен иметь индивидуальное пространство. Эксперименты показывают, что лишение человека возможности иметь личное пространство даже в условиях абсолютно комфортного общего пространства приводит к невротическому развитию психики. Потребность в одиночестве учитывалась испокон веков в монастырях. У каждого была маленькая, но своя келья. А в нашем социалистическом обществе вообще пропагандировалось, что все должны жить в коммуналках и это очень хорошо. Чем больше в одной комнате людей, тем больше надзор. Друг за другом. Тем выше социальное давление.

Но социальное давление тоже должно иметь предел даже с точки зрения управления. Потому что, если давление слишком большое, человека раздавит на этом уровне, и отсюда происходит всякое — одни бунтуют, другие ломаются.

Почему на Западе огромные проблемы с эмоциональным миром? Потому что социальное давление гораздо выше, чем у нас. Потому что там работа занимает гораздо более важное место, чем у нас. А на работе театр: подчиненные, исполнительская деятельность и сверхжесткая конкуренция — роли, жесткие роли.

Проблемы самоутверждения

Проблемы самоутверждения — это и проблемы сопротивления материала. Берем простой акт самоутверждения: я взял кусок глины и вылепил из него чашку. Я преодолел сопротивление материала. Сделал что-то из необработанной глины. Это самый податливый материал. Или такой простой способ самоутверждения: я выпачкал ладонь, приставил к стене пещеры. Ее от-

печаток там тысячелетия будет. Археологи будут изучать. Моя ладонь там. Переживет меня на три с половиной тысячи лет.

Но самоутверждением может быть и вся ваша жизнь, если у вас такой замысел, если вы хотите прожить абсолютно оригинальную жизнь, по собственному сценарию или по сценарию редкому, худсоветом данного социума не утвержденному и к постановке не разрешенному. Вы должны также получить или взять право на авторство своей жизни.

В этом смысле модель кино или театра очень близка к той ситуации, в которую попадает человек, желающий быть автором собственной жизни. В этом театре — неизвестно сколько понадобится времени, чтобы поставить задуманный спектакль и сыграть его.

Другое дело — «в духовном плане». На втором, третьем уровне реальности, где человек может существовать без физического тела, — минимум сопротивления. Так людям кажется. Вот почему соблазн такой — в других планах жить. Вот там они чувствуют себя авторами. Сел, «замедитнул», сочинил все что угодно. Все так легко, изящно. Сопротивление материала почти нулевое в большинстве случаев. Хотя и во снах, мы знаем, есть сопротивление.

Другая возможность уйти от сопротивления материала — это так называемая *«максимально простая жизнь»*. *«Назад, к природе»*. Только когда человеку удастся это осуществить, он выясняет, что там тоже сопротивление будь здоров: горячей воды нет, и холодная иногда с неба льется в слишком больших количествах. И звери бегают, и то, и се, и третье, и десятое. То есть надо начинать все сначала. Всю цивилизацию. Не проживешь, просто бегая по лесу. Под кустом не заснешь. Раньше там были только животные-хищники, а теперь и двуногие хищники бегают. Также звери опасные.

Я помню, как в детстве ездил на рыбалку в Литве. Когда надо было заночевать на природе, я просто заворачивался в плащ, ложился под любое дерево и спал спокойно. Зверей я не боялся, а людей опасных просто не было. А потом с каждым годом это чувство безопасности в лесу начало исчезать, потому что там все больше и больше людей, а среди них больше и больше таких, которые не контролируют свое поведение и свою агрессивность. Тогда уже нужно на дерево забираться. Под деревом не заснешь. В Литве в этом смысле природа райская, хищников практически нет. Волк если забредет один на всю Литву, авось на тебя не наступит. Если не под дубом, то и кабан не придет. Змей тоже там в песчаных почвах нет. А вот люди...

Человек инстинктивно ощущает, что самоутверждение — это более сложное, более рискованное занятие, требующее больших усилий, концентрации, знаний, терпения, выдержки и понимания. Это в любом случае не стометровка. Это стайерское дело. Поэтому соблазн уйти от самоутверждения и жить только за счет самовыражения существует у всех.

В силу того что в самовыражении преодолевать нужно только свой стыд и свой страх. Страх увидеть себя во всей полноте и стыд, что вдруг кто-то меня не поймет и осудит. Хотя я искренен, но искренность, как известно, не всем и не всегда нужна. *«Хор многоголовый, все ему известно. Одному, как голому, совестно»*.

Риск при ситуации самовыражения — это риск не попасть в нужный тебе социум, — потерять ситуацию социальной безопасности.

Поэтому, собрав свою компанию, в которой мы самовыражаемся по очереди или все вместе, мы обеспечиваем себе социальную безопасность для самовыражения. Если здесь кто-то начинает говорить о третьем уровне реальности или о том, что он вчера ощутил энергетический поток в сердечной чакре, то все отнесутся к этому нормально. Ну, некоторые немного поспрячут: *«Может, тебе показалось?»* И никто не будет хохотать, тыкать в человека пальцем, говорить, что он сумасшедший.

Но если вы это же самое сделаете у себя на работе, то такое самовыражение вызовет некоторое напряжение и, скорее всего, нежелательные для вас последствия в дальнейшем. ***Самовыражение, в зависимости от потребности человека, может удовлетворяться и небольшой группой, небольшой социальной территорией.***

Сценарий жизни

Идея создать замысел жизни возникает в том случае, если наступил *кризис смысла жизни*. Это условие необходимое, но недостаточное. Второе условие для этого — *сценарий*.

Я уже говорил, что до семи лет человек, совершенно этого не осознавая, проигрывает всю свою жизнь. У него в подсознании формируется весь сценарий. Это может быть сценарий неудачника, победителя, это может быть сценарий гадкого утенка или Красной Шапочки.

Дальше самое главное — насколько человек в своих сознательных устремлениях совпадает или не совпадает со своим подсознательным сценарием. Вся психологическая динамика, конфликтная динамика построена на столкновении внутреннего сценария, который, как правило, не осознан, и сознательной устремленности.

Человек занимается спортом. Он мечтает стать чемпионом, а подсознательный сценарий у него в том, что он всегда будет проигрывать и, как проигравший, будет обыгрывать свой проигрыш и на этом получать всю свою психологическую зарплату. Например, потому, что в раннем детстве он, только проигрывая, получал плюс-подкрепления эмоционального характера от родителей. Такие случаи известны. Значит, в человеке заранее возникает противоречие между нормальной установкой сознания на то, чтобы стать победителем, и установкой подсознания, что ни в коем случае нельзя становиться победителем, потому что накажут. Сам человек этого не осознает. Но эта динамика взаимоотношений между установкой сознания и подсознательным стремлением начинает действовать. И наш спортсмен то ли в результате интриг, то ли в результате травмы, то ли по какой-нибудь иной причине — не становится чемпионом. Хотя ему кажется, что он делает все, чтобы им стать.

Если вам каким-то образом удалось вытащить из подсознания сценарий — тот, который формировался до семи лет, — вы можете увидеть почти все драмы своей жизни. То, что для вас субъективно было драмой, неудачей, конфликтом. Это все будет лежать в разрыве между сценарием и сознательной установкой.

Самые счастливые люди — те, у кого нет этого разрыва. У кого сценарий и сознательные установки совпадают. Вот у них все идет как по маслу. У них внутренний мир максимально разгружен. Поскольку то, чего хочет их *сознание, личность*, и то, чего хочет их *натура* (то есть подсознательный сценарий), совпадает. Есть такие счастливицы. Наблюдал лично. Фантастика! Пока сценарий не кончился...

Но уж если у этих людей сценарий исчерпывается, то для них кризис смысла жизни — это суперкатастрофа. Потому что исчерпанный сценарий — это конец всей жизни. Жить нечем. Нет автоматизма, который мы привыкли называть естественным. Нет того, что определяется не сознанием, даже не обстоятельствами жизни, а подсознательной энергетикой, подсознательным направлением, то есть *натурой*. Как только этот сценарий подсознательный исчерпывается, человек оказывается в глупом положении. *А что делать теперь?* Кризис смысла жизни. Второй вариант, когда противоречие между сознательными установками и сценарием так велико, что надо или стреляться, или садиться и что-то делать...

Сценарий и нужность самому себе

Именно в такие моменты человек говорит: *«Я сам себе как бы не нужен»*. Сам себе. Потому что кому-то мы всегда объективно или субъективно нужны: государству, родителям, детям, друзьям, на работе как специалисты. Но самому себе я нужен до тех пор, пока движим вот этой внутренней энергией. Тогда я могу преодолевать препятствия, могу сражаться, все что угодно. Как только изнутри это перестало действовать, никакие рациональные уговоры почему-то не помогают. Все понимаю, а действовать нечем. Энергетика не работает. Либо это кризис по расписанию, то есть кризис, связанный с переходом от детства к периоду индивидуальности, или из периода индивидуальности в период личности, или от периода личности к периоду сущно-

сти*. Кризисы «по расписанию» могут протекать менее или более тяжело в зависимости от того, насколько это совпадает с энергией сценария.

Возьмем предельный случай. Он состоит в том, что человек *«решил заняться духовностью»*. То ли это в сценарий у него входило, то ли он придумал так, то ли это на него просто что-то нашло. Такое влияние, идущее из-за пределов Великого Среднего, проникает в личность человека в момент поломки «машины». Потом оно трансформируется с помощью системы мотиваций, связанной с какой-то актуальной потребностью, и пошло-поехало — человеку уже хочется действовать в направлении, заданном данным влиянием. Он серьезно начал этим заниматься. Ему повезло, скажем, у него хорошие данные.

К чему это приводит? Интенсивность проживания увеличивается. Подсознательный сценарий жизни исчерпывается быстрее, то есть человек в темпе, близком к детскому, реализует свой сценарий вместе со всеми его событиями и переживаниями. Дальше — обрыв пленки... заготовленного сценария жизни больше нет. Человек как бы повисает в пустоте. Дальше надо жить сознательным творчеством или чужими сценариями. То же самое, кстати, происходит с художниками. С художниками по призванию. Любой профессии. Они тоже очень быстро исчерпывают подсознательный сценарий. И тут начинается кризис...

Почему среди художников так много, как мы говорим, «вывертов» жизненных? Сценарий-то кончается из-за усиления интенсивности проживания. Искусство использовать данность более гибко, с большей степенью социальной свободы, искусство преодоления сопротивления материала данной жизни дает возможность быстро реализовать все то, что в сценарии. Есть шанс прийти, казалось бы, к полному счастью. Достигнуть финала своего сценария. Но мы с вами знаем, что в финале сценария может быть и несчастье, и страдание, и полная неудача. Все зависит от того, какой сценарий запечатан в подсознании, то есть закреплен субъективным переживанием истинности.

Внутриутробные переживания и впечатления, переживания, происходящие во время родов, — вот начало сценария, от этого во многом зависит, как он сложится, а затем от динамики взаимоотношений с матерью. Потом динамика взаимоотношений с самим собой, управление организмом. Потом динамика отношений с отцом. Потом динамика отношений с семьей, включая всех родственников. Потом динамика отношений с микросоциумом: двором, улицей, яслями, детским садиком. И к семи годам, когда ребенок идет в первый класс, он уже готовый человек, остается десять процентов на социальную адаптацию.

Вытащить этот сценарий, осознать его очень сложно. Но вы можете, посмотрев на свою жизнь, заметить, что ходите по кругу. Некоторые ситуации в вашей жизни все время повторяются. Вы вроде ушли из этой ситуации, а потом — бах! — и опять к ней вернулись. ***Ситуации, которые в жизни повторяются, и есть ситуации сценария.*** Они заложены в ваш сценарий. Это очень важно понять. Потому что, в принципе, условно говоря — в норме, взрослый в вас должен увидеть и осознать влияния и родителя и ребенка в себе, и давление требований родителя, и свою детскую историю беспомощности. Если это удастся увидеть полностью и осознать, получается гармоничный взрослый человек.

Значит, **первый элемент реального замысла жизни**, психологически конкретного, — это замысел по присоединению к себе взрослому только тех элементов родителя и ребенка, которые не разрушают целостность вашей взрослой личности.

Цели сценария

Второй момент формирования замысла связан с целями. Цель опасна тем, что не дает автоматически смысла. То есть достижение как смысл — вещь слишком сомнительная. Достигнув цели, вы ее теряете, потому что она уже достигнута, она уже исчезла. Если вы никак не можете достичь цели, значит, происходит слом от бессилия и невозможности. И опять смысл достиже-

ния теряется и начинается снижение планки, снижение уровня притязаний, но уровень ожиданий от этого не снизится.

А ведь соотношение между тем, чего я жду от себя реально, и тем, на что я притязую, в идеале должно совпадать, но так почти никогда не бывает. Зазор должен быть, хотя бы небольшой. Потому что если уровень ожиданий выше уровня притязаний — это тоже некомфортная ситуация по той простой причине, что человек надрывается там, где можно сделать все одним движением. Он не может увидеть, что это просто.

Если притязание выше ожидания, тогда другой вопрос. Тогда я просто ничего не делаю. Нахожу массу объяснений тому, почему я не могу достигнуть этого. Потому что то, се, третье, десятое... Тогда ситуация непризнанного гения. *«Я вообще-то гений, но не создали условий, не те стартовые условия, не тот социально-психологический мир, не то материальное благосостояние, не то государство, не в то время родился...»* Когда притязание превышает уровень ожиданий, с ним как-то легче «бороться».

А если оно ниже уровня ожиданий? Тогда получается стрельба из пушки по воробьям. Тогда человек делает массу усилий на пустом месте... Чего он так надрывается?

Это как на восточном базаре. Подходишь к человеку, у него гора арбузов. «Давай я все сразу заберу. По твоей цене». А в ответ: «А что я делать тогда буду? Что мне, домой возвращаться? В деревню?» Он же специально приехал пожить на базаре месяц-другой, в городе. Пообщаться с друзьями.

Вот это и есть тот случай, когда уровень притязаний ниже уровня ожиданий. *«Давай я тебе сделаю это сразу».* — *«Нет, нет. На это три года минимум. Ты что — сразу. Это неправильно, это не то будет».* Человек все объяснил: *«То, что легко дается, легко теряется».* Масса просветленных учителей говорили: *«Да что вы ерундой занимаетесь? Один шаг — и просветлел!»* Но почти никому это не удается, потому что: *«Так нельзя, так слишком просто».*

Итак, **второй элемент замысла жизни** — это анализ соотношения ожиданий и притязаний. Если вы притязаете на вещь, которая требует действительно энного количества лет непрерывных усилий, то тогда и нужно настраиваться на стайерскую дистанцию, а не думать, что она вот — бах! трах! — и упадет. Невозможно сразу взять скрипку и начать играть, как Паганини. Невозможно. Даже при абсолютном слухе: пальцы, инструмент... Невозможно сразу взять с места и станцевать классический балет.

Нужно знать себя. Свои ожидания. И не устраивать себе замысла на двадцать лет работы, если вы не в состоянии ждать больше полугода. Замысел надо такой, который действительно за полгода можно осуществить. Либо нужно создавать суперинтенсивную технологию. Чтобы выиграть время. Но для этого нужно иметь соответствующие навыки, силы, здоровье, умение концентрироваться, выдерживать психологические нагрузки.

В погоне за смыслом

Есть процессы, которые нельзя ускорить, есть процессы, которые можно ускорить за счет более прогрессивной психотехнологии. Но даже ставя перед собой какую-то цель, формируя замысел на цель, нужно не забыть *обеспечить эту цель смыслом, уходящим за ее достижение.* Чтобы не получилось, как в том классическом примере, когда люди живут в бараке, в тесноте, в страшных условиях, мечтают, когда наконец получают отдельную квартиру и заживут счастливо. Получают отдельную квартиру — и семья рассыпается. Потому что цель достигнута. Смысл совместного существования исчез. Ибо смысл держался, оказывается, не на том, чтобы получить квартиру, а на том, что мы плечом к плечу сражаемся, чтобы получить эту квартиру.

Вот более широкий пример. Когда люди молодыми попадали на войну, приходили с войны победителями, а потом жить надо было нормально. Или то, что я наблюдал, работая с чернобыльцами. Он в течение трех, четырех, шести месяцев герой, он в центре внимания. Потом все кончилось. Авария ликвидирована. *Что теперь делать? Как вернуться к обычной жизни?*

Значит, какую бы цель вы перед собой ни ставили, вы должны заранее обеспечить ее смыслом, превосходящим эту цель. Иначе вы себя развлечете, но проблему смысла не решите. Движение, стремление к цели, карабкание на гору само по себе — увлекательная вещь. Это пример работы ради работы. Я вот заберусь, а тогда уже... Ну, забрался. Все равно надо все сначала. Что у подножия горы, что на вершине. Смысл все равно нужно формировать. Порождать. Либо присваивать.

Как можно присвоить смысл? Через принадлежность к традиции. Через веру, надежду и любовь. Другого пути к приобретению вечных ценностей, вечного смысла, помимо пути любви, веры — нет.

Вообще движение к смыслу, к смыслопорождению начинается с момента любви и веры. Потому что страх, из которого порождаются такие понятия, как долг, самоконтроль, самоограничение, и тот детский страх — первый момент с начала схваток и кончая грозными фигурами матери и отца, от которых все на свете зависит (имеется в виду первый период жизни), не может быть источником смысла. Только когда страх вытесняется любовью, в идеале со стороны тех же родителей, со стороны того же мира, в который ты из прекрасной материнской утробы вдруг почему-то выпихнут, — только тогда любовь к тебе трансформируется в твою способность любить себя и других.

Любовь порождает веру, порождает смысло-творческую функцию. Поэтому религия есть величайшее порождение человеческого бытия. Ибо Бог всемилостив и любит по определению всех изначально. Поэтому христианство так привлекательно, ибо Иисус уже тогда искупил все наши грехи. Тех, кто жил тогда, тех, кто жил до того, тех, кто живет сейчас. Сама идея освобождения через Сына Божьего от греха есть идея породить любовь к человеку. Дабы он мог возлюбить себя. Это и есть религия. Это и есть сокровеннейший пласт религиозного сознания. Это и есть возможность породить смысл персонально. В себе самом. В сердце своем, как говорят в духовной традиции.

Религиозное и духовное сознание. То, что называется у Флоренского — сакральная деятельность, есть деятельность по порождению смысла. Ибо эта деятельность первоначально в любви. Как только Бог перестал быть проекцией грозного отца и грозной матери, наказующих, и стал возлюбленным или возлюбленной как Истина, как Иисус, как Богоматерь, произошла самая большая революция в истории человечества. **Любовь победила страх.** И смысл стал доступен любому уверовавшему. Как вечная жизнь. Ибо вечная жизнь — это смысл. И Царство Божие есть царство нескончаемого смысла. Нескончаемой глубины, объема и нескончаемого бессмертного движения, безграничного движения жизни. Жизнь вечна. Жизнь во смысле, в любви. И никаких других источников смыслопорождения, кроме любви, нет и быть не может.

Это и есть сокровеннейшее зерно духовности. Это и есть причина, по которой духовное общество существовало, существует и будет существовать. Оно необходимо человечеству как источник смыслов, превосходящих любую цель. И в минуты кризиса, вызванного той или иной причиной, прежде всего надо обратиться к *источнику любви*. К тому, в котором ваши достоинства всегда и без всяких условий заслоняют все ваши недостатки. Предпочитаются вашим недостаткам. В этом смысл обращения к религии. К религии любви, а не к религии страха. В этом смысл обращения к духовности, в этом смысл обращения к любящим нас. Ибо только любящие нас спасают нас от бессмысленности. Никто другой нас спасти от этого не может. Поэтому он и есть Спаситель Иисус. Ибо Он спас человечество от бессмысленности.

Вспомните закат Римской империи. Когда все цели империи были достигнуты. Когда все были поделены на животных, нелюдей и людей, которые имели все, которые извращались как только могли в удовлетворении своих потребностей, ибо все было возможно, все цели были достигнуты.

Только любовь и смысл помогают решить задачу интеграции в себе ребенка и родителя и рождения взрослого человека, несущего в себе самом смысл своей собственной жизни. Ведь если мы не имеем смысла в себе самом, то есть Храма в душе своей, в сердце своем, то ничто

нас от бессмысленности не спасет. Никакие общественные организации, никакие благородные призывы, никакая трудоспособность или, наоборот, лень, никакие медитации — ничто.

Впусти веру в сердце свое. Дай ей осуществиться в сердце твоём то, ради чего она существует. И тогда ты возлюбишь сам себя и обретешь смысл в себе самом, в своём сердце, в своей душе.

Любовь без страха

Суть в том, что это главный водораздел в истории человечества. И в истории каждого человека. Каждой человеческой жизни. Водораздел, за которым страх перестает, должен перестать быть главным регулятором. Если этого не случается, человек не становится взрослым. Он то родитель, то ребенок. Как родитель он себя мучит, пытаясь осуществить заветы, которые совершенно не совпадают с его взрослой жизнью. Как ребенок он все время бунтует вплоть до саморазрушения, пытаясь осуществить абстрактную «свободу от» по принципу: *«Дайте! Я это заслужил. Дайте! Дайте!»*

Невозможно никаким социальным контролем заменить эту любовь, невозможно никаким социальным давлением дать человеку смысл жизни. Никакие социальные прожекты не работают, самые благородные цели при достижении обернутся совершенно противоположными, если не происходит главное: *обретение смысла в себе самом и через это освобождение человека от принуждения страхом*. Обретение любящего тебя и любимого тобой Господа твоего, Мира твоего, когда радостно и глубоко можно выдохнуть: *«Да будет воля Твоя!»*

Часть третья РОЖДЕННЫЕ ДЛЯ СЧАСТЬЯ

СУБЪЕКТ И «ЗАКОНЫ ЖИЗНИ»

Каноны лидерства

У меня ощущение, что наиболее актуальной проблемой на сегодняшний день является переживание реальности духовного мира.

Почему мне эта проблема кажется актуальной? В нашей традиции, которая относится к группе трансформационных традиций, как во всех трансформационных традициях, существует такая сложность — отсутствие какого-то канонического описания *ученика, учителя, Пути*.

В этом отрезке исторического времени я выступаю как бы лидером, якобы лидером, выполняю ту работу, которая мне была поручена, — реализацию традиции на первом уровне, очень условно говоря. То есть воплощение традиции в живых людях, современниках, на этой территории, в это время. Из-за этого возникает психологически сложная ситуация, потому что, с одной стороны, вот, казалось бы, живой лидер, а с другой стороны — его проявления как человека никак не вписываются в какой-то замкнутый объяснительный цикл. В силу законов групповой психологии происходит попытка переноса, попытка канонизирования личности лидера для того, чтобы получить этот самый канон, которого нет в традиции. И поскольку все эти попытки мною большей частью сознательно разбиваются, как только возникает устойчивый образ (я считаю, что это одна из существенных частей моей работы), — возникают всевозможные негативные реакции, оценки, попытки создать канонического лидера, канон из образа другого лидера, тем более что лидеров постепенно становится больше.

Но вся проблема состоит в том, что отсутствие канона не есть случайность, ибо мы знаем, что человеческое сознание в своих архаических пластах настроено все-таки ориентироваться на центр, на голос вожака, на образ вожака, на лидера. Принцип лидерства пронизывает насквозь всю природу.

Б. В. Болотов свое открытие закона лидера сделал очень замечательно. Он сидел, смотрел, как мальки плавают, и простая мысль его посетила: «Как так получается, такие вот малявки, а плавают все синхронно? Раз — и направо, раз...» Вы же все видели, да? И он выловил стайку мальков, поместил их в большой аквариум, разделил пополам. Половина по-прежнему шныряла, а вторая половина стала вялой и всплыла брюхом вверх. Тех рыбок, которые остались в живых, он опять поделил пополам. Опять пополам, опять пополам, пока не остался один малек. Вот он не умирал, оставшись один. Потом Болотов поместил его в стеклянную капсулу, потом

в металлическую и т. д. И помещал его в произвольно взятую стайку мальков, и все мальки двигались за этой капсулой.

Любое живое и целое имеет клетку лидера. Будь то группа людей, стая птиц, клетки одного из органов, сердца, скажем, или печени, организма в целом, человеческого организма или организма собаки — *есть принцип лидирующей клетки*.

В социальной психологии давно описано, что в любой группе есть лидер. Из этого закона возникает грандиозная духовная проблема. По самому базовому принципу, первому нравственному постулату многих духовных учений, каждая душа потенциально божественна. *Как же быть с этим постулатом в ситуации наличия лидера?*

Вот был Будда, и у него было огромное количество учеников, но он такой был один. Был Бодхидхарма, у него было огромное количество учеников. Но Будда, во всяком случае, как донесли до нас тексты, был более или менее благообразный мужчина и соответствовал каким-то каноническим представлениям о святости. А Бодхидхарма был вообще ужасный человек. Мало того что он был страшным, внешне диким по манерам поведения, — ведь если бы к вам явился Бодхидхарма, я думаю, вряд ли вы его опознали бы как духовного лидера. Был Иисус. Толпы ходили за ним, он из этих толп выбрал тринадцать ближних учеников. И куда мы ни кинем взгляд, нигде не было компании. Был Ошо — один, Гурджиев — один. Все время есть один, есть лидер.

Это колоссальная проблема.

Один из близких учеников Будды — Ананда, который тридцать лет был около него, не мог просветлеть. Только тогда, когда Будда ушел и когда все рыдали, Ананда начал смеяться и просветлел, — он так был привязан к Будде...

И это я беру примеры более или менее канонических учений, таких, где есть явная очерченность, ограниченность внутри социума, ограниченность самой формы существования традиции. А ведь есть традиции, живущие на «базаре жизни», живущие без фиксированного канона.

Проблемы общения с реальностью

В силу того что мы с вами как западная цивилизация существуем последние триста лет в «*cogito, ergo sum*», мы с неизбежностью тот материал, который идет к нам из духовного сообщества, превращаем в материал нашего сознания (иногда воображения, но это больше женщины). То есть в материал своей субъективной реальности. А вот когда встречаешься с людьми, выросшими в восточной культуре, видишь, что у них все начинается с образа и только потом идет словесно-логическая форма, понятийная форма. А у нас все начинается с понятия, и только потом идет образ.

В Петербурге я работал с Мастером Тыном. Он говорит:

— Ну, представь себе, что ты змея.

— Представил. И что?

Ничего. А для него представить, что он змея, — это огромное количество последствий. Точно так же, как я ему говорю:

— Представь себе, что ты погружаешь свое «точное Я» в бесконечность.

— Ну и что? — говорит Мастер Тын.

— Как что?

А он говорит:

— А ты представь себе, что ты змея.

Это вопрос о взаимоотношениях, о способе включенности в реальность. Мы включены другим местом. И поэтому для нас проблема — серьезно относиться к образу.

Да, у нас образ — вещь хорошая, но для кого? Для художников, артистов, музыкантов и т. д.

«Представь себе, что ты петух». Сразу тебе кажется, что оскорбить хотят, в артиста превратить. «А теперь представь, что твое тело протянулось в бесконечность» — уже нормальная реакция.

Мы несерьезно относимся к образу. Даже профессиональные художники, поэты, композиторы, несмотря на то что они люди художественно одаренные, все равно испытывают в жизни, вне моментов творческого вдохновения, некоторое смущение от своей якобы «неполноценности», поэтому все очень любят теоретизировать, чтобы доказать, что и они могут логически и абстрактно мыслить. Почему-то кажется им, что образ — это какая-то недостаточность.

Но разве реальность как таковая говорит с нами языком понятий (если исключить тексты)? Вот реальность такая: вот цветок, вот еще цветок. Вот магнитофон. Вот рояль. Это же все предметно-наглядные вещи или картинки. И мир с нами говорит чаще всего этим языком, а мы его не слышим. Мы его видим, как бы даже ощущаем, но как текст, высказанный языком образов, мы его не воспринимаем.

Посмотрите, какая уникальная страна — Япония. У японцев сначала образ, а потом понятие. Наша несерьезность по отношению к образу вынуждает нас провести резкую разграничительную линию между всем тем, что мы называем духовностью, каждый по-своему, и всем тем, что мы называем обычной жизнью. И таким образом наша духовность личная, персональная выпадает из жизни.

Духовность не растворяется в жизни, не пронизывает ее, происходит не взаимная трансформация, а насилие над живой тканью жизни, подгонка ее под понятийный аппарат «духовности». Либо рациональное «разоблачение» духовности. Тогда среди тридцатипятилетних духовных искателей не остается.

В книжке «Океан удовольствия для мудрого», которую я часто вспоминаю по разным поводам, среди всего прочего написано: *«Богатства и изобилия, служащих пищей и удобрением для духовного роста, не следует избегать».*

Немного напряжемся и воспримем это не как понятийную формулу, а как текст, составленный из образов.

Не понятие «богатство» — а образ «богатство». Богатство как образ — это всегда избыток: богатство цветов, красок, переживаний, чувств.

«Богатства и изобилия...» Образ изобилия? Что такое изобилие, мы просто не знаем. Что-то читали в книжках, в основном в сказках. Кто может себе представить изобилие? Что это такое как образ? То, что уже не нужно? Действительно так. Богатство — это избыток, когда все есть и этого так много, что я могу поделиться. А изобилие — это состояние, похожее на то, которое мы испытывали, будучи в утробе матери. Только захотел — уже все есть.

«Богатство и изобилие, служащие вам», — заметьте, не принадлежащие вам, а служащие, то есть средство, прислуга, «служащие пищей и удобрением» — как навоз.

Всего этого не следует избегать, занимаясь проблемами собственного духовного роста.

*Где же объективная причина, по которой мы позволяем себе увильнуть от живой ткани жизни? Она в очень простой вещи. Что нужно для жизни? Перечень необходимого и достаточного: **ты и жизнь**.*

О ткани жизни

Если нет вас, а есть только жизнь, то она вас живет, значит, вы сами есть пища и удобрение для жизни — больше ничего. Жизнь вас живет, она вами питается, как пушечным мясом война. Человек, который как субъект не существует, не противостоит жизни, такой человек есть пища и удобрение, жизненное мясо. Для самой жизни.

Если есть только вы и нет жизни, тогда все явленное мешает. Тело мешает брэнное, одежды эти, то, что надо кушать. *Зачем эти правила движения, эти газы выхлопные, эти города ужасные, эти деревья чахлые?* И пещера не так вырыта, и монастырь не так построен. Все не так. Тогда один выход: уйти в себя, в себя, в себя... Такой выход всегда предоставляется, точнее, иллюзия такого выхода. И вы погружаетесь, погружаетесь... в *умствование фантастическо-мистическое*.

Вы — субъект, и жизнь — это все, что нужно. Необходимое и достаточное. Жизнь во всем вам противостоит. Психологически. Ибо вы не принимали такого решения — жить. Вы не определяли, какую жизнь встретите. Кроме того, у нее есть масса своих так называемых объективных закономерностей, космической предопределенности и прочего, а вы есть уникальность, как субъект.

Почему всякие знания о развитии в себе субъекта, то есть активного действенного личного начала, уничтожаются государством или доступ к ним затрудняется в первую очередь? Понятно почему? Но жизнь все равно вам противостоит. «Жизнь тебя обломает» или «жизнь тебя научит», «жизнь тебя заставит». Ну почему нет таких поговорок: «Жизнь тебя обласкает», «жизнь тебя пригреет», «жизнь тебя полюбит»? Увы, нет.

Вспомните кризис подростковый, весь этот подростковый бунт. Когда появляется впервые переживание собственной субъектности.

— У меня все есть, что же вы мне голову морочите, взрослые. Что же вы начали меня обламывать. У меня все есть!

— Нет, ты еще не стал человеком. Ты еще должен то, должен это... Все время должен, должен, должен... И помереть еще должен достойно.

Что же это за занятие такое — жить, если я все время кому-то должен? А тут приходят духовные какие-то люди и начинают говорить: «*Радуйтесь жизни, прославляйте жизнь, смейтесь, танцуйте, пойте*». И я попадаю в очень сложную ситуацию: мне нужно увидеть через все «должно» и «невозможно» то, что видят и во что веруют те свободные для радости люди.

Как жить духовностью

Духовность? Это как? Как ею жить?

У меня есть молодой друг Женя. Он замечательный человек — постоянно находится в состоянии медитации, но при этом занимается бизнесом. И у него все получается.

У партнеров полное ощущение — человек не от мира сего: «Ну, этого сейчас быстренько наколю, обману, разорю, всучу ему плохой товар. Он же отморозенный». А объективно он — просто уникальный коммерческий директор. Но совершенно полная медитация. Такое ощущение, что он наркоман, все время на игле. При этом очень толковый в делах.

Кажется, что он должен всегда опаздывать. А он никуда никогда не опаздывает.

У него произошло в силу какого-то стечения обстоятельств **взаимопроникновение**, то есть не получилось изначально разделения: *там где-то духовность, а здесь вот эта жуткая жизнь, которую я должен прожить*.

У него получилось: *вот эта жуткая жизнь, которую я должен, и тут же то, что не должен*. Очень красиво. Хотя, когда я с ним познакомился, он тоже вместе с друзьями мечтал построить скит в лесах, то есть тоже была проблема разделения. Но теперь он начинает ее постепенно решать.

Духовность есть везде. Это же реальность. Это не вымысел, не выдумки, не фантазии, хотя и фантазия что-то такое производит.

Мы настолько привыкли, что субъективное означает несуществующее, недостоверное, нереальное в конечном счете, что вместе с этой всей водой «поповского идеализма», как говорили «товарищи», выплеснули самих себя, то бишь субъект.

И осталась только жизнь, которая нас живет. Но если мы существуем как сущее (простите мне этот каламбур), значит, *субъективное есть реальность*. Оно есть достоверное и обладающее всеми свойствами реальности. Если субъективное нереально, то тогда реальность не единая. И любое описание мира разрушается, выводя человека с его внутренним миром за пределы реальности.

Что есть знание

Когда мы говорим о знании, что мы имеем в виду?

Как-то видел замечательный сюжетик, совершенно случайно, по телевизору.

Был такой князь, Трубецкой. Он был князь и еще при этом скульптор. Многим он не нравился. Стасов на него напал вместе с Антокольским. Но он получил заказ на изготовление памятника Александру III и построил этот гигантский памятник. Конную статую, уникальную совершенно.

Трубецкой принципиально не читал никаких книжек. Правда, уже после того, как получил дворянское образование... Но потом сказал: «Я этих книжек больше не читаю». Он говорил, что все самые тонкие знания — в людях, в природе, в жизни. Очень интересный человек.

Когда мы говорим, что с точки зрения нашей традиции (не только нашей, но и многих других традиций) знание существует только в форме людей, а книжка — лишь повод для размышления, — это надо понимать буквально.

Принципиальная установка духовного знания на уникальность и единичность каждого человека — это и есть подсказка для постижения того, как существует духовное знание и в чем такое знание заключено.

Живое знание существует только в форме людей, и это не метафора. И при этом знание не как метафора, ведь сразу хочется защититься: «*Это он образно говорит*». Нет, я говорю буквально. Поэтому духовное знание есть всегда уникальное знание, единичное, сохраняющее при всей своей объективности аромат субъекта, аромат того человека, который это знание воплотил.

Поэтому знание духовное нельзя получить. Я могу подарить кому-то розу. Но чтобы принимающий эту розу принял ее как знание — он должен представлять себя не только живущего, но и бытийствующего, то есть осознавать в себе самом бытие.

Поэтому жизнь, которая «*вот жизнь, а вот мы*», можно изобразить в виде некоторой траектории движения. Получится линейно: тогда-то тут родился, тогда-то там умер. Как на надгробном камне: такого-то числа, такого-то года. «*Его жизнь как прямая линия пролегла!*»

Но с точки зрения духовного наше пребывание в мире есть цепь событий, ни в какую линию не выстраивающихся. Это — некоторая совокупность ситуаций, каждая из которых порождена событием. События имеют между собой некоторое сцепление. Но выложить линию невозможно. Можно выложить узор — но не линию. Потому что жизнь — это не совокупность точек, это взрыв. Так происходит в духовном.

Такая эта штукавина под общим названием — пребывание в мире. Некоторая часть этого пребывания называется жизнью. А жизнь делится на частную, социальную, внутреннюю и т. д. и т. п.

Все явленное есть знание, все наше пребывание в мире есть некоторый узор событий. И никакой биографии, в том смысле, как мы приняли, — родился, учился, женился, родил, помер, — не получится с этой точки зрения никак.

Как делаются биографии? Посторонний наблюдатель «объективно» проанализировал жизнь Родена, обрезав все, что «торчит», и сделал из Родена биографию Родена. *И что получается?* Роден отдельно и Роден, представленный в биографии, — отдельно. Все начинает распадаться, перестает быть живым, разваливается, сцепление нарушено.

Родиться по отношению к жизни

Только тогда, когда вы начинаете пребывать в мире в качестве активного действующего лица, у вас появляется ясновидение. Но не то ясновидение, которое сиддха, уникальная способность, а то ясновидение, которое дает возможность просто ясно видеть все вокруг себя, в себе, над собой, под собой, видеть события, ситуации, их сцепление, место жизни в этом всем.

Тогда возникает огромное удовольствие: *«Молодцы мои родители, вот какое замечательное сделали, родили меня»*. Конечно, они пытались в силу социальной обреченности обмануть меня и сказать, что вообще вся эта жизнь сводится к набору правил, конвенций. Родители как родители. Отец, мать, социальные родители — воспитатели, обучатели, управлятели, указатели, ограничители. Они пытаются загнать меня в свою пещеру, но каждая душа потенциально божественна и может в один прекрасный день, один раз в жизни, раскрыться, взорваться.

У всех у нас был один раз, в подростковом возрасте, у нас у всех был такой момент, и мы все действовали. Чувствовали, что нам что-то не то подсовывают, вместо *всего* — что-то маленькое.

В один прекрасный день вы можете открыться... Но первое, что для этого нужно сделать, — еще раз родиться, родиться по отношению к жизни. Понять, что *жизнь — это жизнь, а вы — это вы*. И тогда, выделившись из жизни, как из утробы, вы можете обрести всю полноту бытия. Для этого не надо отказываться от жизни, для этого из жизни надо вылезти и увидеть, что пребывание в мире — это увлекательнейшее приключение.

И тогда нам станут понятны многие до сих пор непонятные вещи: *почему можно пить водку и при этом духовно развиваться и почему можно не пить, не есть, не любить, а только медитировать и при этом духовно регрессировать*. И почему не обязательно ни то, ни другое, ни двадцать третье, ни сто пятидесятое, и вообще ничего не обязательно.

Ибо необходимы и достаточны только два компонента — *ты и мир для бытия, ты и жизнь для жизни*. А все остальное — это совершенно персональное, замечательное полотно, но не линия. Ведь образ жизни как линии порожден идеей *достижения*, а не *постижения*. Он порожден идеей, что знание существует как отдельная, выделенная, вычисленная, сепарированная от мироздания вещь. Тогда единственное знание — это библиотека.

Все есть в тебе для жизни

Я не отрицаю всяких там телепатий, телекинезов, биолечений, диагностики, проскопии и др. Нет. Я всем этим занимался. Но я понимаю, что, как только мы поместим все это отдельно от жизни, мы попадаем в ту же историю, что с духовностью.

Так появились люди, у которых в документах профессия — экстрасенс. И этим людям с жизнью хуже всех, потому что они столько должны, что никогда не рассчитаются. Поэтому у них неприятности: вы

представляете себе, профессия — хуже, чем летчик-испытатель, профессия в социальном смысле слова, на работу надо ходить по часам. Ведомости расписывать, налоги платить. *Источник дохода?* Биокоррекция.

А вот если мы не будем это никуда изымать, оставим там, где оно есть, тогда все экстрасенсорно, тогда все коррекция, тогда все что хотите: левитация, телекинез. Это все здесь. Для этого нужны вы как субъект деятельности и вы как инструмент деятельности. Одновременно тот, кто играет, и то, на чем играют.

Если вас как активного субъекта нет, то остается, образно говоря, рояль, на котором некому играть. И тогда он канючит: *«Сделайте со мной что-нибудь! Потому что я сам не могу. Сделайте мне тело хорошее, сделайте мне сознание хорошее, сделайте мне энергетику, сделайте мне психоэмоциональную сферу. Настройте меня, поиграйте на мне. Ну сделайте из меня что-нибудь, товарищ экстрасенс! Я банку воды с собой принес»*. Но если есть вы как Я и вы как Он, тогда есть кому делать и чем делать, соблюдено правило необходимого и достаточного. Какой телевизор с вами сравнится, какие антенны — лучше даже, чем спутниковое телевидение. И это не где-то «там», это здесь все дано, здесь все есть, в вашей жизни.

Но если вы не хозяин себя, то вами пользуется кто хочет, кто может. «Злобные манипуляторы, сатанисты, вампиры». Вампир — образ, конечно, художественный, гораздо страшнее механическое существование не осознающего себя человека, почти биоробота. Который не ведает, что творит, и потому не хочет ни за что отвечать.

Господь дал нам жизнь, бытие, прекрасный мир и великолепный инструментарий — бесплатно. Мы для этого ничего не сделали, ну, наши родители потрудились, а мы? И возможностей-способностей так много, что нам в голову не приходит этим заниматься. Этого так много, что мы не храним, а потерявши, плачем на могилке.

«Храм Божий в тебе», — сказал Иисус. Он был абсолютно прав. В буквальном смысле слова. Он, как все духовные люди, говорил буквально. Но нас приучили, что знание в книжках. И еще у некоторых «особо просвещенных людей».

Эта книжка — только повод для вашего размышления. ***Что не явлено, то не явлено, что не высказано, то не высказано.*** Есть такое знаменитое высказывание, оно раньше во всех советских библиотеках висело: *«Любите книгу — источник знаний»*. ***Любите себя — источник знания.***

И поэтому есть только одно ограничивающее условие для духовной самореализации — качество инструментов. Одним нужен ретранслятор под названием учитель, наставник, гуру, видение, голос, небесный жених и т. д. Другим нужен механик, специалист, который скажет: *у тебя так, так, так, вот тут проводочки надо припаять, потому что в детстве забыли это сделать*. Таким людям нужна техническая, технологическая духовная практика. *Как сделать это все так, чтобы оно хорошо работало?* Их не интересуют трансляторы, их интересует, «как» использовать то, что дано. Поэтому одни ищут мастера по ремонту аппаратуры, а другие — папу или маму, которые утешат, скажут: *«В следующий раз, а пока отдыхай, все хорошо будет потом»*.

Как сказал Абу Силг: *«Все люди от Бога, но не все люди к Богу»*.

ПРОСТРАНСТВО В ПРОСТРАНСТВЕ

Большинство людей даже на самом простом бытовом уровне не воспринимают пространство.

Что это значит? Это значит, что мы все в силу особенностей нашей культуры, в силу процесса социализации получаем в качестве основы восприятия *рациональное сознание*. Мы воспринимаем мир состоящим из вещей. И самих себя мы воспринимаем как вещь.

Некоторые люди умеют воспринимать процесс, но лишь процесс движения во времени.

Такой способ восприятия жизни не вызывает напряжения и конфликта до тех пор, пока мы не начинаем заниматься тем, что называется психоэнергетикой, биополем, управлением энергией и т. д. Психоэнергетика имеет свой язык, свой способ восприятия, способ отношений с миром — принципиально отличный от того, который мы освоили в процессе жизни и к которому привыкли. Для того чтобы адекватно рационализировать информацию, получаемую от психоэнергетики, человеку необходимо сделать усилие для перехода к другому принципу восприятия себя в мире.

Если такого перехода не происходит, сознание продолжает работать по-прежнему и не в состоянии адекватно использовать информацию, получаемую через психоэнергетику.

Переориентировка сознания

Как же помочь сознанию? Сначала необходимо осознать, в какую сторону его трансформировать. Необходимо перейти к другой картине мира — *пространственной*, то есть представить весь мир как пространство и увидеть, что оно едино. И мы в нем пребываем.

Что же при такой картине мира «вещь»? Это сгущенное пространство. Всякую вещь можно рассматривать с этой точки зрения как результат давления, как сжатое пространство. Уберите силы сцепления, давления, и она рассыплется и превратится в электронное облако или еще во что-нибудь в этом роде. Когда древние говорили, что весь мир вещей — это иллюзия, создаваемая нашим сознанием, они очень близки были к истине.

Наше сознание — это тоже результат социального давления. Мы в социальном пространстве тоже пребываем в качестве чего-то отграниченного, то есть в качестве объектов, сформированных за счет давления. Для того чтобы реально перейти на пространственный способ пребывания в мире, категорически необходимо перестать смотреть на себя извне, то есть смотреть на себя как на вещь, куклу.

Что начинает происходить при такой смене взгляда на себя? Начинают активизироваться страхи: *страх исчезнуть, страх раствориться* (раствориться физически, интеллектуально). Ведь психоэнергетика отчетливых границ не имеет. А не иметь границ — это самое страшное, что может представить себе сознание.

Для того чтобы психоэнергетическое восприятие не разрушало целостность внутреннего субъективного пространства, необходима большая работа по формированию в нем стабильного осознания себя (стабильного самосознания). И если мы начинаем воспринимать себя как пространство в пространстве, а не как вещь в пространстве, то начинаем ощущать границы себя в различных контекстах как результат различных давлений, идущих извне. Тогда мы можем управлять этим давлением, можем полностью снять его, тогда мы можем менять конфигурацию этого давления и менять форму, потому что форма — как раз результат этого давления.

Что такое простая картина реальности? Это пространство, в котором происходит событие, пребывание. Более сложную модель сформулировал Тартанг Тулку: *«Время разворачивает знание в пространстве»*. У нас получается совершенно замечательное произведение: если мы вошли в такое состояние, такое качество бытия, такую картину мира, то тогда действительно возможно то, что я видел собственными глазами: как человек вставил руку в стену, а потом ее оттуда вынул. Тогда возможно изменить форму своего тела. Тогда понятно, почему люди, которые находятся в таком качестве, себя в зеркале видят совсем иначе, чем видят их все окружающие.

Если человек хоть сколько-то прорвался сквозь свою оболочку и хоть сколько-то излучает, резонирует с пространством, то при желании может добиться того качества, при котором его все будут видеть так, как ему хочется. Или просто по-разному. Или так, как надо для данного момента реальности, для данного события.

И тогда нам открывается, что каждый человек может вступить в резонанс с пространством, раствориться без потери субъективности, а наоборот, при предельной ее реализации.

И тогда все чудесные видения приобретают нормальное рациональное объяснение — если мы примем как отправную точку то, что *каждый из нас — пространство в пространстве*, а не вещь в пространстве. Вещь конечна, ограничена, вещь теряется в бесконечности, теряется среди других вещей, пытаются создать себе иллюзию, что если тут стены, то это уже отдельное пространство. Вещь отдельна, а значит, обречена на разрушение, на распад. Это **закон вещи**.

Но пространство-то ведь не распадается, ибо оно едино и вездесуще. И если вы делаете тот факт, что являетесь пространством в пространстве, частью своей картины мира — сначала как интеллектуальное усилие, потом как осознание, переживание, как самочувствие, вплоть до качества бытия, до пребывания, — то у вас появляются совсем другие мысли, чувства и переживания. Тогда вам психоэнергетика действительно нужна. Ибо именно она обеспечивает этот резонанс.

И тогда вам не нужно никаких мистификаций, вам не нужно проекций сознания, которые бы лепили вещи из бесконечного потока знания (в истинном смысле слова). Вам не нужны проекции, чтобы выхватывать куски, сжимать, придавать им форму и сочинять по этому поводу какие-либо интерпретации. Можно этим баловаться, но это не становится единственным способом отношений с миром.

Как минимум, вы понимаете, что это не единственный способ пребывания в мире — пребывание в качестве вещи. Можно еще пребывать в мире в качестве пространства, то есть просто в резонансе. Пространственное ощущение себя — это ощущение подлинного слияния с реальностью.

Резонанс пространства

Психоэнергетика — это не иллюзия, это реальная штукавина. С ее помощью можно выйти на резонансные отношения между субъективной и объективной реальностями, то есть любое изменение в одной из них отзывается в другой, как отзываются струны рояля на вибрацию одной струны.

Конечно, для того, чтобы адекватно интерпретировать такие отношения, чтобы внутренний мир не разлетелся на осколки, как разбитое зеркало, сознание должно быть очень крепким и очень структурированным.

Если сознание подготовлено, если оно в достаточной степени структурировано, то появляется возможность извлекать информацию из внешнего и внутреннего миров, образно говоря, прямым усмотрением. *«Для усмотрения истины слова не нужны. Слова нужны для того, чтобы этой истиной поделиться с другими».*

Как увидеть пространство? Как субъект я понимаю, что все время меняюсь, все время выгляжу иначе, каждую секунду своего бытия, потому что дышит бесконечность, с которой я резонирую. И, собственно говоря, такого понятия, как «выгляжу», в этом месте нет; в этом месте есть только вопрос, с каким событием реальности я сейчас резонирую, во что я вовлечен, как не потерять резонанс, как правильно осуществить действия на основе полученной через резонанс информации. Доверие к пространству, внимание к нему помогает нам «вылупиться» из самого себя, из себя как вещи; перестать быть вещью.

А начинается все с мелочей. Большинство людей совершенно невнимательны к пространству и поэтому не реагируют на изменение ситуации, на динамику энергии в пространстве, не заботятся о развитии чувства пространства и могут жить в хаосе, грязи, шуме, совершенно не понимая, что пространство, в котором они живут, очень многое определяет в состоянии их психоэмоциональной сферы и качестве сознания.

Внимание к пространству надо воспитывать. Когда человек этого не воспринимает, ему все равно, где он, как он и что он, в каком хлеву живет. Если он это воспринимает — он понимает,

что первое, на что он должен тратиться (материально, психологически, интеллектуально), — это пространство.

В гениальных стихах Б. Пастернака заключена абсолютно точная формула:

Привлечь к себе любовь пространства,
услышать будущего зов.

«Любовь пространства» — это и есть резонанс с реальностью; это художественно-образная формула резонанса. Это и есть мир любви — тот, о котором говорили выдающиеся люди всех времен и народов и вероисповеданий, и философы, и религиозные мыслители, и светские, и просветленные. Все они говорили об одном и том же: что человек — событие во Вселенной. Событие. И все они говорили о том, что все дело в пространстве.

Все слышали о пране. *Что такое прана?* Сколько версий есть о том, что такое прана, почему там праны много, а там мало. Если мы еще находимся в плену понимания себя как вещи в пространстве, то прана для нас — это только извне действующая на нас сила. Делаем следующий шаг: просто пространство. Тут все ясно: мы все в пространстве. Теперь делаем следующий: мы сами есть пространство.

Зачем нам строить иллюзию о бесконечности пространства сознания (по принципу зеркала, отражающего зеркало), когда мы можем просто вспомнить, что у нас есть психоэнергетика, и начать ею грамотно пользоваться. *В чем сложность?* В давлении. Давлении сил притяжения, отталкивания, давлении социальных сил, интеллектуальных... Но эта ситуация безысходна до тех пор, пока мы реально не вошли в резонанс, не стали воспринимать себя прежде всего как пространство в пространстве. Тогда давление остается, но наши отношения с ним совершенно иные.

Тогда мы можем говорить о самосознании в полной мере, потому что самосознание — не результат давления, а результат взаимодействия с пространством. И чем выше уровень резонанса с пространством, тем выше уровень самосознания.

Прежде чем перестать быть вещью, надо ею быть (человек не может сразу родиться пространством, это бывает, но таких людей единицы). В свете этой необходимости многие тексты, которыми мы так увлекаемся, многие мифы, легенды, мистификации приобретают совершенно спокойное (не экзальтированное, а спокойное) реальное содержание.

Вспоминаю свою любимую притчу про человека, который думал, что он пшеничное зерно. Когда он понял, что он не пшеничное зерно, то все равно остался не уверен, знает ли об этом петух...

Совершенно неважно, соглашаются ли с формой вашего пребывания, с вашим образом окружающие вас люди. Ведь что такое взаимодействие с людьми? Это процесс вручения им описания себя так, чтоб они действовали в соответствии с вашим описанием себя.

Большинство взаимодействий и есть обмен описаниями. Если вы перейдете к пространственному пребыванию, то у вас появится желание узнавать не свое описание себя, потому что своего описания просто нет, а то, как вас видят другие, и у вас появится возможность приобрести массу разнообразной и очень ценной информации, откровений, знаний. *«Время разворачивает знания в пространстве»*, — говорил Тартанг Тулку.

Существование как пространство в пространстве — это возможность избавиться от необходимости мистификаций, экзальтаций, видений и прочего подобного и понять, что все то, что мы принимали за информацию о том, «как есть на самом деле», есть лишь подсказка про другой способ пребывания, про то, что можно и нужно, чтобы реализовать свою человеческую, глубинную духовную сущность.

Что больше всего мешает этому? Конечно, самость; самость как взгляд на самого себя со стороны; как взгляд на того, над кем нет никакой воли. Помните, мы говорили, что религиозность есть только тогда религиозность, когда мы говорим: да будет воля Твоя!

Когда мы существуем как пространство в пространстве, мы существуем в резонансе с реальностью. Это означает, что у вас больше нет личной воли, ибо любая ваша воля вызывает

ет ответную волю реальности, собственно резонанс. Нет больше такого понятия — «воля», понимаете, нет. Можно говорить, что происходит событие. Я могу быть включенным в его пространство, могу быть не включенным — все.

Сознание и целостность человека

Все мы находимся в пространстве. Но нас, во всяком случае подавляющее большинство, никогда не учили относиться к этому как к целому. Кроме одного случая: когда личного пространства не хватает. Потому что, когда живешь в коммуналке или когда тебя давят в автобусе, там одно можно сказать: «Простору мне не хватает».

Ведь ощущение себя как пространства в пространстве — это покушение на представление сознания о самом себе. Ведь несмотря на то, что мы уже долго работаем над проблемой взаимоотношений с собственным сознанием, сказать, что оно у вас не командир, что вы — командир своего сознания, — было бы большой дерзостью.

И поэтому когда поступает информация, которая не может быть отторгнута сознанием, потому что она рациональна, она естественна и по существу, то все ваши структуры подсознательной самозащиты естественно включаются. Человек не может говорить о Пути, о трансформации, пока не одерживает первую реальную победу, не становится хозяином своего сознания, до тех пор он не может реально трансформировать себя. До тех пор все, что он потребляет (на уровне переживаний, осознаний, впечатлений, информации, жизненного опыта и т. д. и т. п.), — все это идет в подсознание. Если бы не пространственные взаимодействия, то у нас вообще не было бы никаких шансов проснуться. Когда Гурджиев и другие говорят, что человек спит, возразить нечего. Естественно, он спит. Сознание — не спит. (В этом тексте я употребляю термин «сознание» с ограничением, имея в виду рациональную часть сознания.) Он спит, человек, субъект, событие во Вселенной.

Сознание — результат в основном социального давления, и все социальное воздействие усыпляет нас каждый момент времени все больше и больше. Так называемые «простые люди» очень часто намного духовнее, намного субъектнее, потому что их сознание сделано лучше, менее противоречиво, менее раздроблено, и они ближе к реальности, к пространственному пребыванию в мире. Не зря «дурачок» — двусмысленное понятие. Так было всегда: вроде дурачок, а вроде он такое знает, чего мы не знаем. И сумасшедший тоже: с одной стороны, страшно, а с другой — есть такие сумасшедшие, которые больше похожи на мудрецов, чем на сумасшедших. У них в системе опора на пространственное пребывание в мире — компенсация — просто сильнее. В силу необходимости.

Проблема еще в том, чтобы это стало необходимо не как игра, а реально. Где найти эту мотивацию, чтобы мне стало необходимо быть пространством в пространстве? Если кругом все сделано так, чтобы я стал вещью.

Классический пример. Человек в силу какой-то одаренности, работоспособности, еще каких-то причин делает резкий рывок в области психоэнергетики, получает всякие эзотерические видения и выдает их за реальные. Но можно спать и под руководством психоэнергетики. Можно спать и под руководством тела. Тем более что оно изнурено вообще нашими безобразиями (нашего сознания по отношению к нашему же телу). Все равно изначальное требование не снимается, не отменяется: чтобы был *ты*. И вот когда ты есть, тогда ты можешь совершить эту качественную смену бытия. Но если тебя нет, об этом можно только поговорить, и то не очень, потому что опасный это разговор с точки зрения сознания: конкурирующий инструмент перехватит власть, а что будет делать само сознание — пугать призраком сумасшествия? Тело вдруг перестанет иметь ту плотную опору извне, к которой оно привыкло, и начнет пугать страхом смерти.

Пространственный способ бытия, о котором мы говорим, — есть завершающий этап развития психоэнергетики. Воспитывать в себе любовь к пространству, чувство пространства и т. д.,

опираясь на те психоэнергетические возможности, которые есть, — это задача действительно необходимая, а вот останавливать часы на расстоянии и прочие опыты показывать — без этого прожить можно. А без пространства прожить нельзя, потому что мы все в нем находимся. И наши отношения с пространством (хотим мы того — не хотим, понимаем — не понимаем, осознаем — не осознаем) — это как наши отношения с водой, хлебом, воздухом; мы все в этом. Поэтому, какие бы концепции мы ни строили, воздуха хочется свежего. Мы все эту воду пьем, хочется, чтобы она была вкусной, безвредной, содержала в себе что положено.

Знаете, как всегда, есть вещи, которые мы понастоящему осознаем, только когда теряем их, когда их нет... или когда они портятся: воздух, вода, пространство.

Пространство, кроме того, — это еще и место, где мы живем — мы как субъекты; это место, где живет Бог. Но мы пространство тоже превратили в свалку (условно), мы его тоже расчленили по вертикали; как мы земное пространство делим (границами, помещениями, стенами, улицами и т. д.), так мы и все пространство делим — у нас есть верхнее пространство, нижнее, астрал-ментал. Сознание не может обращаться с этим иначе; оно должно делить, членить, ставить загородочки — превращать пространство в набор вещей, хотя бы в виде ящиков комода. Вот тут у меня ищите это, а в этом ящике — то. Но пространство едино. Пространство не есть вещь отграниченная; можно создать *иллюзию* отграниченного пространства, но пространство как таковое едино. Это и есть ключ ко всем возможностям, о которых вы читали в каких-либо книгах. Но чтобы получить этот ключ, нужно войти в резонанс. Нужно, во-первых, быть, а во-вторых — быть пространством.

Процесс формирования пространства Я

Пока вы смотрите на себя как на вещь, вы на мир смотрите сквозь поверхность этой вещи. Смотрите на себя, воспринимаете себя как вещь, образуете пленку. Мы как в целлофановых пакетах и на мир смотрим через целлофан.

Процесс потери упаковки, конечно, идет эволюционно: у тех, кто тренирует психоэнергетику, в оболочке все больше и больше *«дырок»*, через которые они пробиваются к пространству. Ведь развитая психоэнергетика в упаковке существовать не может...

Но если развивать этот образ, можно сказать, что есть люди, которые тренируют психоэнергетику, а упаковка прочна и начинает надуваться. Люди — шары воздушные. Человек внутри болтается, а шар растет, у него видения начинаются... *«Я объем поймал!»* — это объем его поймал.

Это, конечно, образ, но он выражает главную идею пространственного бытия: ***все есть результат давления, все явленное, все оформленное.***

Если вы попытаетесь воспринимать ситуации и мир, себя самих и все вокруг себя как игру различного давления в пространстве, то, может быть, вам удастся узнать, откуда каждый раз исходит это давление. И как получается форма. И может быть, вам удастся эти формы творчески использовать. Тогда может произойти такое событие: сознание не будет претендовать все время заниматься маниакальной деятельностью по упрочению своей власти над человеком, а будет радоваться, создавая формы на основе резонанса с пространством.

Человеческие отношения, даже очень близкие, выглядят с точки зрения пространства следующим образом: *две вещи стучатся друг о друга*. Но, к счастью, есть другие возможности отношений. *И душа с душой говорит*. И эта возможность: души с душой — приобретает для человека с развитым чувством пространства бесценное значение.

Чем забито пространство сознания? Это же склад. Полная голова книг. Чего там только нет. *Но зачем?* Только для одного — чтобы было заполнено. Не дай Бог там окажется пустота. Она сразу резонирует с пространством. Прокол. *«Дырочка»*.

Когда я — пространство и ты — пространство, возникает резонанс, ***взаимопроницаемость***. И это все еще в большем пространстве.

Это совсем другая жизнь. Когда вы выходите к такому способу жить, вам не надо таскать с собой все эти библиотеки, справочники. У вас в каждый момент времени будет все, что нужно для данного момента времени.

Но мы привыкли к тому, что у нас сразу все есть (даже то, что никогда не понадобится), и предпочитаем *«охать, кряхтеть и стонать под ношей нудной жизни»*, вместо того чтобы стать свободными, пустыми и наполниться жизнью, реальностью — и видеть друг друга глазами наших душ.

Человек не получится, если он сначала не подвергнется давлению, не сформируется. Он должен быть сделан, а потом может раскрыться и стать пространством.

А делается человек вот как. Стучатся друг о друга вещи. Чтобы сделать любую вещь, нужно с помощью инструмента воздействовать на материю и придать ей соответствующую форму. Чтобы сделать человека, социуму тоже нужно воздействовать на этот растущий организм и придать ему форму человека.

Но эта форма великолепна. В ней есть все, чтобы совершить шаг к полному бытию. И если отбросить различные параноидальные идеи: о новом человеке, о совершенном человеке, о переделанном человеке — и увидеть, «какое потрясающее изделие человек», то открывается величие человека. И жизнь открывается. Она перестает быть вещью, над которой нужно постоянно мучиться.

Вообще не надо жизнь делать. Делая ее, мы умираем. А не делая — живем. Когда мой Мастер говорил: чистый — мертвый, грязный — живой, он же не имел в виду, что не надо мыться. Когда мы говорим: *«совершенство — это смерть»*, с точки зрения вещи — это один смысл, с точки зрения пространства смерть — это и есть совершенство, когда ты умираешь как вещь и рождаешься как пространство. На языке вещей говорить об этом очень опасно. Тут нужно сочинять притчи и писать стихи.

Несравненный и единственный Насреддин жил так. Не зря все серьезные эзотерики всего мира признают его духовный подвиг самым высоким. Высочайшим. Даже если реального такого воплощения не было, то само создание этого образа — величайшее прозрение, глубочайшая истина.

Он был веселым человеком. Он играл в этом мире вещей как хотел. Он был Богом, играющим Богом, смеющимся Богом. Он был Богом — не вещью.

Каждый из нас может быть Богом, в каждом из нас есть Бог, но его нужно выпустить. Для этого надо просто перестать быть вещью. Это очень трудно осуществить, потому что прежде необходимо выиграть поединок с сознанием. Не уничтожить сознание, а стать его хозяином. У него же есть хозяин — это вы.

Хозяин своего сознания

Вы представляете — такая потрясающая штукавина, как человеческая форма, не имеет хозяина. Если пользоваться образом Гурджиева: великолепная лошадь, великолепная повозка, и несется неизвестно куда, неизвестно почему. Быстро найдется тот, кто приберет это к рукам. Или лошадь решит, что она главная. И начнет тащить повозку куда-нибудь на луга, на травке поиграть. От повозки-то она отцепиться не может. Хорошо все сделано.

Если бы сознание могло отдделиться... Это фикс идея сознания — отдделиться и жить самостоятельно, вне тела и без всякой психоэнергетики. Почитайте, сколько заумных, мудрых и умных книг написано о мечте сознания. Если бы их авторы понимали, о чем они пишут. О мечте сознания существовать отдельно, потому что все ему мешает. Конечно, мешает. Ведь когда часть целого возомнила себя целым, естественно, все остальное начинает мешать. Когда форма возомнила себя содержанием... то кувшин станет возмущаться, когда в него что-то будут наливать.

В любви к пространству и открывается реальность как таковая. Конечно, с точки зрения мира вещей вы становитесь более уязвимым, более каким-то *не таким*. Не таким сильным, не таким волевым... И холод, и давление, и тыкать вас начинают. Но если вы укрепились в своем пребывании, тогда решается этот фундаментальный момент — **момент радости бытия**. Радости оттого, что я есть, что я живой, что я родился.

Если этой радости нет, никаких радостей нет. Есть только «размышлизмы» по поводу радости. **Радость — в том факте, что я живой.** Если этой радости нет — нет фундамента для здоровой психики. А ее нет, потому что человек между собой и миром ставит умственные конструкции с надеждой, что они обеспечат ему абсолютно гарантированное будущее.

Вот перед человеком лежит прекрасный апельсин. Он может любоваться, нюхать его, разрезать, съесть. Бесконечный источник радости, наслаждения эстетического, сенсорного. Можно еще философски осмыслить, раскрыть его: вот вам огненный цветок, вот вам образ солнца. Да что хотите. Любой поэт может извлечь цикл сонетов. А человек ест апельсин и думает: «Боже, какая ужасная жизнь, что я буду есть завтра?» А ведь *«птичка божия не знает ни заботы, ни труда»*...

Жизнь в пространственном бытии

Кроме «кайфа», в пространственном бытии есть все, чему положено быть в жизни. Но одно то, что это пространство любви, одна возможность свидетельствовать это — уже прекрасна. Это радость открывания мира заново, радость видеть и слышать без пленок, без интерпретаций, без масляных пятен — сочно, ясно.

Интимные отношения между различными частями воплощенного человека, между его плотью и душой, между душой и духом, между мыслями и эмоциями возникают тогда, когда эти инструменты пропитываются пространством, музыкой пространства. Тогда в них возникает другое ощущение бытия. Другое ощущение тела, другое ощущение психоэнергетики, сознания — другая система отношений. У них появляется общее — жизнь в пространстве.

Напомню вам знаменитую притчу о мастерстве без мастерства. Мастер стрельбы из лука стреляет в глиняные горшки и раскалывает их точно пополам. Мимо идет дзенский монах. Мастер стрельбы из лука над ним подсмеивается: ну что ты, бездельник, тунеядец, попрошайка, ничего не умеешь. «Ты посмотри, как это красиво». И действительно, красиво видеть, как Мастер раскалывает стрелой кувшин. «Хоть бы ты этому научился».

Монах отвечает: «Ты извини, я никогда не пробовал, мне очень трудно, поэтому я встану на край пропасти, — и встает над обрывом так, что пятки висят над пропастью. — Извини, я никогда не стрелял, мне очень трудно, поэтому я закрою глаза».

И стрелой горшочек точно пополам.

Это притча, но и в реальности такие **настоящие жизненные возможности** открываются человеку, когда он пребывает в пространстве! Какого нового себя и какие потрясающие свои возможности он обнаруживает!

Что делать с реальностью?

Манипуляции с реальностью — вопрос сложный. А интерпретация реальности... Сколько книжек написано, еще напишут — тоже занятие хорошее.

Для человека, который хочет прийти к реальности, необходимо сочетание в нем знания *рационального, логического*, и знания *художественного*.

Знать искусство необходимо. Необходимо, если вы хотите пройти духовный путь. Только зная искусство, то есть имея в голове сочетание знания по эзотерической психологии, философии со знанием, чувствованием искусства, — вы можете более или менее адекватно прочесть те тексты, которые вы называете эзотерическими, духовными. Они так сделаны.

Я читал, будто с помощью компьютера выяснили, что какой-то тибетский текст сделан так, что можно читать через одно слово — будет осмысленный, пропуская два слова — будет осмысленный, справа налево — будет осмысленный. У человека, который писал, не было компьютера. Он же воплотил. Он не разрывал мысль и образ, понятие и переживание.

Это и есть тотальность. В тотальности ничего страшного нет. *Что вас все время этим пугают?*

Я — пространство, он — вещь...

Дело еще в чем? Если бы все люди такими были. А когда ты как бы пространство, а вокруг тебя вещи, а ты знаешь, что они не вещи, — не просто знаешь, ты видишь... Тебе, как всякому нормальному любящему существу (любая сущность — любящее существо), хочется помочь, поделиться. А они говорят: *что ты лезешь в мою личную жизнь? Не буди меня!*

Вот Ходжа Насреддин сумел. Каким образом?

Если вы вспомните его жизнь, хотя бы в описании Соловьева, — это бесконечные странствия, бесконечные выполнения заданий. Но так хорошо, весело написано, что большинство людей прочитали эту книгу с удовольствием. Причем люди, которые эзотерически подкованы, пропускают, что вообще-то он всю свою жизнь выполнял задания. То дервиш странствующий его попросил, потому что уже бестелесный совсем, то еще кто-то. То падишах попросил его съездить в Индию. Он же все время на работе...

А жена с кучей детей вечно одна. Она их растит, растит. А потом говорят: «Почему у него такая сварливая жена?» Почему у Сократа была сварливая жена? Конечно, будешь сварливой — мужа все время дома нет.

Когда читаете такие книжки, нужно быть очень внимательными. Поразительный пример — «Таис Афинская» Ефремова, которую невнимательные люди считают развлекательным чтением, а ведь в ней содержится уникальная информация об эзотерических женских учениях. Есть масса прекрасных знаний, замаскированных занятными текстами. Но люди очень невнимательны.

А почему? Потому что этого не хочется. Хочется чего-то легкого, красивого. Но как говорил К. С. Станиславский: *«Чтобы достичь в чем-то хотя бы относительного совершенства, нужно трудное сделать привычным, привычное легким, легкое красивым».*

Вместо того чтобы привлечь к себе любовь пространства, мы все время с ним воюем. Потому что оно большое, а мы маленькие. Нет, мы такие большие, что вам даже не снилось. Каждый из нас — это событие. А вообще в реальности что реального есть? Пространство, событие, время. И каждый человек — событие, если он есть. А если его нет, то это другая история. То, что называется — не востребовано. Получили, но хозяин так и не востребовал.

Пространство, знание, смерть

Шекспир устами героя сказал: *«Весь мир — театр...»* С точки зрения мира вещей — это ужасные слова. Я уже говорил, что жизнь — это не театр. А когда жизнь делают театром, полу-

чается насилие над людьми. Но если посмотреть на это с точки зрения пространственного бытия, тогда весь мир вещей — это театр.

Знание — это смерть. *Есть люди смерти, а есть люди жизни.*

Люди смерти боготворят знание (то, что мы привыкли называть знанием) потому, что это все упаковано. Это уже даже не знание — это вещь под названием «знание». Соберите все библиотеки мира... Это всего лишь вещи, и надо уметь ими пользоваться, а не боготворить. Это только намек на знание. Это воспоминание о знании, а не само знание в истинном смысле этого слова: **знание — это люди.**

Человек жизни всегда так или иначе рвется к пространству. Он заботится о пространстве. Он человек любви, потому что любовь не нуждается в превращении ее в вещь. Так вот, знание (то, что люди привыкли называть знанием) — это такие вещи, которые напоминают о любви между человеком и реальностью.

Когда-то мой Учитель говорил мне: «Книжка — не инструкция, книжка — это повод для размышления. Книжка — это подсказка, дверь, которую можно открыть и оказаться дома».

Какова принципиальная разница между отношением к резонансу в мире вещей и в пространстве?

На самом деле между мной и пространством никакой разницы нет. По определению. *Если я — пространство в пространстве, какая между нами разница?* Пространство — это просто пространство. *Где точка, где бесконечность?* Оформленность — вот что меня выделяет как вещь. Но эта оформленность отнюдь не такая жесткая, как нам кажется.

Есть такой грузинский актер, я не раз видел, как он «работает». У него есть такое развлечение: он сидит, и у него меняется форма носа, глаз, шеи. В чем секрет? В том, что он нашел какой-то способ пространственного отношения к себе как форме. Даже на телесном уровне он может меняться.

Ученый бы спросил: «*На самом деле он меняется или нет?*» Но все же видят, как меняется. Можно это как угодно объяснять, можно говорить, что это лица других воплощений. Можно и так, и эдак. Разные объяснения — это только игра различными объяснениями — вещь веселая и безответственная, потому что это интерпретация реальности, но не сама реальность.

О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВОПЛОЩЕНИЯ И ВОПЛОЩЕНИЯ В ДУХОВНОМ РАЗВИТИИ

Можно рискнуть и попытаться представить себе все духовные идеи, традиции, учения в виде двух тенденций.

Первая — **тенденция развоплощения**. Она самая распространенная, самая популярная в истории человечества. *Что имеется в виду?* То, что духовная задача внутренней жизни человека — это *развоплощение*. В идеале, до полного развоплощения, то есть до освобождения не только от физического тела, но и от всех остальных тел тоже, вплоть до слияния с Абсолютом.

Я буду писать сейчас вещи достаточно дискуссионные, но я всегда говорю от первого лица, и говорю о том, в чем лично убежден, к чему сам пришел в результате своей жизни и размышлений.

Мне кажется, что доминирование духовной идеи развоплощения связано со страхом смерти, ее неизбежности. И под воздействием механизмов психологической защиты, чтобы снизить напряжение от ожидания неизбежного конца, возникает идея умереть заранее, по собственному, так сказать, почину. И умереть в таком смысле, который предельно повышает самооценку, — *умереть, развоплотившись*.

Я не сторонник этой идеи. Я ее не осуждаю, не говорю, что она плохая или хорошая... Мне кажется, что я понимаю ее внутреннее основание.

Я часто наблюдал людей, которые путем медитации, или молитв, или какой-то психотехнической практики включали у себя уровень чувствительности, как правило, постоянно не задействованный. Столкнувшись с тонкими (условно говоря) проявлениями реальности, они находили себе там большее пространство для самореализации, для повышения самооценки.

Они вступали в контакт с различными сущностями, естественно, считая их более высокими, чем свои. И таким образом приобщались к общей большой глобальной тенденции развоплощения. И развоплощались. Сначала как личности разрушались, как полноценные личности, говоря условно, потом от людей уходили, кто как...

И есть противоположная тенденция, гораздо менее популярная и более трудная для переживания, — это идея **духовного развития как воплощения Духа**.

Возникает такая коллизия: *для того чтобы принять идею воплощения Духа как идею духовного развития и духовной перспективы, надо прежде всего поменять изначальный тезис, что Дух, воплотившись, как бы начал свое падение*. Надо поменять идею о том, что в основе мира должна быть точка, нечто одно, и что дифференцирование, расщепление, деление на части этого одного есть падение Абсолюта, его раздробление, профанация, то есть огрубление.

Однако давайте вспомним исходные мировые тексты. *«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»*.

На самом деле сначала появилось желание, а потом оно оформилось в Слово. *Что ж это было за Слово?* Слово это было «хочу». *Хочу воплотить*. С этой позиции возможно восприятие Абсолюта как бесконечного, во всех смыслах: бесконечного разнообразия, бесконечности пространственных слоев, бесконечности проявлений, бесконечности форм, наполненных духовным содержанием.

Если мы станем на позицию, что *воплощение есть прогресс Духа*, — условно говоря, что это что-то положительное, — то тогда многообразие форм воплощения окажется раскрытием богатства Духа. Ибо Дух тем самым утверждает, что нет такой формы и не может быть такой формы, которую он не в состоянии заполнить, не в состоянии воплотить.

При таком подходе мы не можем построить для себя траекторию, которая чем-то заканчивается. Действительность не может закончиться, ибо воплощение бесконечно разворачивается во времени, пространстве и знании. Реальность действительно потенциально бесконечна. Страх бесконечного, как показывает психологическая практика, для большинства людей более силен, чем страх конечного. Не зря существует легенда о проклятии бессмертием.

Но есть возможность увидеть бесконечность как процесс, тогда возможно заменить «страшное» переживание бесконечности радостным переживанием постоянной динамики воплощения.

Сегодня у меня такое ощущение, что внутренняя, субъективная реальность человека в самом основании своем имеет процесс. Мое ощущение, что самотождественность, сведенная к одной точке «Я как Я», — только метка в этом потоке. Вот течет река, и если бросить в нее дощечку, то эта дощечка, плывущая по реке, станет образом нашей метки восприятия самотождественности. Так можно себя отслеживать, но сами мы как Я, наше Я как таковое — есть река, есть процесс воплощения.

Естественно, что для словесно-логической формы осознания это почти неуловимо. В силу того что, пока ты создаешь описание, уже проходит некоторое время. Но существует такая форма познания, как переживание.

Развивая в себе самовосприятие через переживание, мы получаем потенциальную возможность воспринимать себя процессуально. То есть можем воспринимать себя не как метку под названием Я, а как поток в потоке реальности. И таким образом получить внутреннее, субъективное основание для восприятия духовного развития как воплощения, а не развоплощения.

Трудность воплощения

В каком плане воплощать много труднее, чем развоплощаться? Во-первых, в том плане, что у нас об этом очень мало информации, очень мало текстов, очень мало живых носителей такого подхода. Во-вторых, при таком подходе так называемые «грубые» уровни реальности оказываются самыми сложными для постижения и преобразования.

Чтобы постичь так называемые «физические» уровни реальности, нужно преодолеть фатальность отношения к действительности, к «плотной» действительности.

Фатальность отношения выражается в том, что «плотная» реальность обречена, что она есть временный сосуд. Эта фатальность существует только потому, что мы все видим смерть. Мы видим, как гибнут растения, животные, люди, видим, как рассыпаются в прах города, исчезают культуры. Именно этот факт, воспринимаемый через призму страха конечного, делает нас внутри настроенными отрицательно по отношению к так называемой «плотной» реальности.

Нам в большинстве случаев не приходит в голову даже задуматься: *а можно ли посмотреть на это иначе?* Ведь все ясно. Хотя помните: «как вверху, так и внизу, как внизу, так и вверху», «сансара — это та же нирвана, а нирвана — та же сансара».

Во всех серьезных источниках мы встречаем эту идею другого восприятия единого и другого восприятия самой идеи движения, движения как воплощения, как нарастания мощности воплощения. Но она в большинстве случаев проскальзывает мимо нас, ибо не дает возможности уйти от проблематики личности, то есть социальной проблематики, потому что мы сделаны из людей...

Мы роковым образом сделаны из людей, которых не выбирали, мы роковым образом родились в это время, в этом месте, в этом социально-психологическом мире. *Рок, рок, рок.* Это изначальное отсутствие нашей субъективности.

Что я могу с этим поделать? Если я родился в начале февраля, значит, я по гороскопу Водолей. Если я Водолей, то тогда... Что я могу поделать, если родился в таком социально-психологическом мире и поэтому у меня глубинная система ценностей такая-то, такая-то, такая-то? Что я могу поделать, я сделан из этих вот людей, поэтому у меня эдипов комплекс или комплекс Электры, поэтому я на всех женщин проецирую проблематику своих отношений с матерью, на всех мужчин проецирую свою проблематику отношений с отцом. То есть полная предопределенность.

И на уровне индивидуальности, своей телесной уникальности то же: вот у меня такая скорость реакции, у меня такое вот внимание, такое телосложение, у меня такой вот разрез глаз. Опять фатальность, опять рок, опять я здесь как субъект не присутствую.

Я в силу так называемых объективных обстоятельств получил именно такое образование и не получил вот такого, такие книжки прочитал, а такие — нет...

Поэтому, как только мы встречаемся с идеей развоплощения, мы чувствуем большое облегчение. Вся эта фатальность перестает иметь какой-либо смысл, и снимается напряжение. Все это оказывается вообще-то не важно. И не имеет никакого значения — прахом станет, и все.

Тогда как же быть с утверждением, что родиться в человеческом теле — это самая большая удача?..

Как же быть вообще со смыслом существования человека, не только в форме рода человеческого, но и в форме индивидуального, персонального, единственного?

Как же быть тогда с этой бездной духовности в виде воплощенного мира? Мы так здорово устроены, что, игнорируя эту бездну, строим себе иллюзии какой-то там духовности за пределами этого мира... *А что такое за пределами этого мира? Десятый, двенадцатый, шестнадцатый уровень?* Но даже если это миллион, это же все равно единое. Ведь если это не единое, тогда все духовные идеи просто ничего не стоят. Они все на этом фундаменте построены — на том, что есть единое. *Не одно, а единое.*

Я делюсь этими размышлениями не для того, чтобы отменить идею развоплощения. Потому что вряд ли можно осуществить воплощение, преобразование без ознакомления со всей этой историей в обратном варианте. Я не хочу быть понятым односторонне.

Другой вопрос, что для меня на сегодняшний день в моей внутренней практике, в моих попытках что-то осознать, понять, и в моем общении с людьми «воплощение» — более актуальная проблема. Это связано с ее меньшей разработанностью как на уровне осознания, так и на уровне практической реализации. Меня тревожит, что сейчас все это существует на уровне текстов, на уровне пропаганды, на уровне какого-то первоначального знакомства. Все стало очень доступным, и идея развоплощения увлекает людей до такой степени, что они даже не задумываются о существовании еще и второй тенденции всемирного процесса.

Человек, воплощающий Дух

Возможно ли для человека со всеми его проблемами и недостатками воплотить Дух? — вот вопрос. Давайте возьмем такую традиционную формулировку о том, что есть человек. «Человек создан по образу и подобию Божьему». Вот такая знаменитая формулировка. Что такое «по образу и подобию»? Для меня это по внутреннему смыслу означает, что, так же как и мир, человек — это воплощенный Дух.

И то Я в нас, которое я назвал процессуальным, — это и есть воплощающийся Дух. Если человек имеет такую внутреннюю устремленность, такую жажду, такое «хочу», он может воссоединить в себе самом исходный момент — момент чистого Духа и момент воплощения этого Духа в их процессуальном единстве. Он может пережить себя как этот процесс воплощения.

Еще один вопрос: «На уровне подсознания управляют человеком законы природы; как же он может, оставаясь в теле, воплотить Дух, то есть отдать его под власть Духа?»

С одной стороны, существуют законы природы, и человек как *природное тело* этим законам подчиняется. С другой стороны, человек принадлежит еще и *социальной природе*, которая не совсем, мягко выражаясь, совпадает с тем, что мы привыкли называть природой. И с третьей стороны, человек еще принадлежит *интеллектуальной природе* (ментальное пространство человека). В той или иной степени он принадлежит и приобщен к этим аспектам человеческой природы.

Если совсем просто ответить на этот вопрос, то есть замечательная формула Павла Васильевича Симонова. Она звучит так: «Высшая нервная деятельность — действительно высшая». Действительно. А это означает, что структурно она предназначена для того, чтобы иметь возможность управления или хотя бы координации всех других форм, как бы структурно низших. Это раз.

Второе. Окружающий нас мир, который мы привыкли называть средой, меняется. И меняется не только по биологическим, природным, условно скажем, причинам, но и по причинам вмешательства деятельности людей. Мир становится в некоторых местах очень агрессивным...

И если мы не используем своих возможностей, данных нам по определению, что мы — Homo Sapiens, и не изменяем взаимоотношения со своим телом в соответствии с задачами, которые ставим перед собой, которые хотим реализовать своим пребыванием в этом мире, то тогда... тогда только развоплощение, то есть смерть.

В оптимальном варианте это означает, что на пути воплощения возможно изменение и биологического тела. Я не говорю, что мне это удалось. Но чем дольше я размышляю о проблемах воплощения, тем больше эта уверенность нарастает. Скажу больше: внутренне, субъективно, я уверен в том, что этот путь перспективнее с точки зрения взаимоотношений между субъектом и миром.

Воплощая свои «хочу»

Почему-то нам внушено, что, если я реализую свои «хочу», они неизбежно столкнутся с «хочу» других людей и я попаду в зону непрерывной конфронтации. Чего, естественно, никто из нас не хочет. При этом упускается из виду простая вещь: не наши «хочу» вступают в конфликт с другими «хочу», а способы реализации «хочу» могут быть *бурными, хорошими, осуждаемыми, поддерживаемыми*. В данной культуре — такие, в той культуре — другие... Но ведь способы — это вопрос «как», а не вопрос отмены моего «хочу».

С точки зрения того, что на сегодняшний день известно в психологии, человек не может действовать из «не хочу». Это абсурд, ибо двигателем с точки зрения современной психологии, подчеркиваю, является *потребность*. Потребность как потребность человек редко осознает, тем более если он об этом не знает. Он осознает себя как некоторый набор «хочу», то есть мотивов. Происходит конкурентная борьба мотивов в зависимости от степени неудовлетворенности потребностей, в зависимости от ценностной структуры, личностных установок, социальных ограничений, табу... Вся динамика психики выводится из этого «хочу». Вы говорите — уголовное право. Но если человек — возьмем такой крайний случай — хочет украсть, то есть нарушить закон, даже если он сам себе говорит: *«Я хочу это сделать»*, — это ведь еще не означает, что таково его истинное «хочу». Ибо мы знаем, что существует система психологической защиты. Она построена на том, что одна и та же ценность может служить удовлетворению различных потребностей. Используя этот факт, психика человека формирует так называемые защитные мотивы, в которых «хочу», нарушающие образ себя, оформляются в приемлемые формы.

А теперь допустим, что он имеет возможность ознакомиться с исходным своим «хочу». И вы в состоянии предложить ему энное количество способов реализации этого «хочу». Естественно, он выберет наименее наказуемый способ. Поэтому имеет смысл накапливать информацию об опыте людей в реализации своих «хочу». При отсутствии такой информации выбор способа реализации вашего «хочу» очень ограничен, и если выбранный вами способ наталкивается на запрет, вы можете расценить это как оценку вашего «хочу», хотя на самом деле это запрет на данный способ его реализации. Знание о разнообразии возможных способов реализации одного и того же «хочу» в пределе может привести нас к осознанию, что запретных — в абсолютном смысле слова «запрет» — «хочу» просто не возникает...

Часто говорят: *«У человека есть глубинные „хочу“, о которых он и сам ничего не подозревает, как бы их определить?»* Да не надо ничего определять. Сколько ты ни определишь, все равно либо оно есть, либо нет. Тогда можно было бы просто взять в свои руки удовлетворение потребностей данного конкретного человека и, манипулируя пряником и кнутом, начать формировать... *Но что прекрасно?* Как показывает практика всяких деспотических попыток это сделать с древних времен и до недавних, ничего не получается.

Есть люди, которых можно ввести в состояние гипноза до так называемого сомнамбулического состояния. Ставят муляж человека, дают в руки нож (в этом состоянии) и говорят: *«Это враг, его надо убить»*, — и он вонзает нож. Ставят человека, дают в руки картонный нож и говорят: *«Это враг, его нужно убить»*, — он вонзает, но уже не так. Ставят человека, дают настоящий нож — и испытуемый не выполняет команду, у него начинается истерика. Кто знаком с гипнозом, знает, что здесь начинается глубинный конфликт.

А некоторые — выполняют. И даже премудрые военные специалисты не могут заранее предсказать стопроцентной точностью, кто выполнит, а кто — нет.

Есть в человеке такие глубинные вещи, которые не поддаются манипуляциям даже на таком уровне.

Меня сам этот факт просто радует. Он в свое время меня вдохновил в моих устремленностях, в выступлениях, рассказах, текстах.

Существование такой проблемы показывает, что наш страх перед манипулированием и эти бесконечные призывы, создание всяких кодексов, как правило, никаких плодов не приносят, кроме манипулирования общественным мнением или мнением определенной группы.

Даже на сильно формализованном уровне существует нечто за пределами поверхностной социальной динамики. Поэтому пронесшийся недавно бум вокруг нейролингвистического программирования в общем как-то угас, или уже угасает, или в ближайшее время угаснет, потому что опять эта идея программирования, компьютерная идея все равно с неизбежностью наталкивается на процессуальность человека как субъекта, а значит, непредсказуемость.

А предопределенность для меня субъективно и объективно не совсем то, что общепринято. Если я действительно субъект, то вся объективность мира в такой же степени зависит от меня, как и я от нее. Если я действительно субъект так, как я это понимаю, то я включен в действительность. Значит, изъятие меня из этой действительности ее меняет, мое присутствие в ней ее меняет.

Предопределенность, конечно, есть. Предопределенность... *В чем она?* Она в том, что со стороны социальной постоянно плюс-подкрепляется то, что работает в нас от механизма, от конвенции, от предсказуемости. Предопределенность выгодна социальной структуре, ибо чем более предсказуемо наше поведение, тем лучше функционирует вся структура социальных отношений. Поэтому идея предопределенности все время подкрепляется.

Конечно, есть предопределенность. Ну не я же выбирал — если отбрасывать какие-то совсем мистические ходы, — в какой семье родиться, в какое время, с каким телом, какого пола даже... Но эта предопределенность инструментальна — *ну, не имею я ничего, мне дали топор*. Это единственный инструмент, скажем. Вот я, вот природа и вот топор. Я могу его совершенствовать для своих задач, а могу ходить и ныть: *что я могу с топором интересного сделать?* Люди, мы знаем, топорами делали деревянные кружева, брились и т. д. Они им работали, они его не как данность воспринимали, а как некоторую ограниченность в выборе средств воплощения.

Духовные пути и многообразие реальности

Я допускаю практически все подходы к духовности и канонические в том числе, как некоторые попытки описания многообразия реальности, с которой может вступить во взаимодействие человек. Я все отрицаю, ибо мне удобнее те описания, которыми я пользуюсь внутри своей традиции.

Конечно, у меня есть свое субъективное мнение, просто как у специалиста, относительного специалиста в этой области. Мне кажется, что одни описания больше толкают к ложным интерпретациям, другие более корректны, некоторые — порождены сочетанием практики и попытки уйти от своей внутренней проблематики; некоторые вообще сконструированы...

Каждое описание чему-нибудь соответствует, но даже все они вместе реальность не исчерпывают. Поэтому я пользуюсь тем языком, той системой описаний, которую хорошо знаю и проверил в своей личной практике. Она принадлежит той традиции, порождением которой я являюсь. Я люблю свою традицию. Очень.

Но обращаю ваше внимание, что, как говорил мой учитель, книга — не инструкция, тем более не инструкция по тому, как стать духовным. Любая, даже самая замечательная книга — это повод для размышления. В этих книгах есть только одно: *моя абсолютно честная, искренняя попытка поделиться тем, чем я могу поделиться на уровне слов*. Больше там ничего нет. *«Так говорил Игорь Николаевич Калинаускас...» Ну и что?* Многие многое говорили. Если что-то в вас отозвалось, если что-то как-то резонировало, то это уже ваша проблема, а не моя. Единственное, в чем я уверен: там нет того, что может стать оружием. Это принцип профессиональный.

Дух и субъект

Я-Дух — это река, а я как субъект с данной себе рефлексией — «я есмь» — это метка на потоке. Больше ничего не могу об этом сказать.

Вы субъект воспринимаете как метку?

Не субъект, а восприятие субъектом самого себя.

Можно выделить два взгляда: согласно одному, в каждый миг жизни человек имеет все необходимое ему для развития, и нужно только внимательно смотреть и получать те уроки, которые приходят. Другой взгляд — это, условно говоря, от Мюнхгаузена, из фильма Захарова: нужно совершить подвиг, чтобы что-то обрести.

Потенциально, на уровне субъективного переживания, действительно, каждое мгновение жизни содержит в себе достаточно энергии воплощения. Актуально этого не происходит по той простой причине, что, испытывая социальное давление, человек отказывается от биологических взаимоотношений с жизнью и реальностью, от резонансных взаимоотношений с миром и переходит в конвенциональный мир социума. Не полностью — полностью он, даже если захочет, не перейдет, — в большей или меньшей степени.

Первое. Управляющие воздействия социума направлены на снятие как можно большего числа напряжений, связанных с возможностью возникновения сомнений по отношению к заданной социумом модели жизни. То есть социуму необходимо создать такое восприятие социально заданной модели жизни, которое обеспечит человеку максимальную убежденность в отсутствии выбора. «Все прекрасно в этом лучшем из возможных миров».

Второе. Для того чтобы получить средства работать с этим всем хозяйством, нужно пройти обучение у людей, которые этими средствами владеют и имеют желание и возможность вам их передать. *Спасибо нашим учителям за то, что они дали нам то, что мы смогли взять.* Такова моя позиция.

Возможно, привлекательность традиций развоплощения состоит именно в том, что по мере продвижения по этому Пути снимается постепенно всякое напряжение, в том числе и напряжение, известное как «томление духа». А ведь это «томление» есть желание воплотиться.

ОБ УНИКАЛЬНОМ И ТИПИЧЕСКОМ

Начнем с двух тривиальных утверждений.

Первое: *каждый человек уникален.* С уходом человека из мира уходит целая неповторимая вселенная.

И второе: *каждый человек содержит в себе массу типического,* что доступно наблюдателю, исследователю со стороны. И поэтому существует огромное количество систем, которые пытаются выявить в человеке предсказуемое. Сюда входят и научные психологические типологии, в том числе типология информационного метаболизма и типология темпераментов. Сюда входят, теперь уже тоже почти признанные в качестве научных, астрологические типологии. Сюда входят и шуточные типологии, которые не претендуют на научность.

Например, все люди делятся на *сосланных, награжденных, диверсантов и аборигенов.* *Сосланные* — это те, которые из высших миров на землю сосланы за какие-то грехи, поэтому им здесь все не нравится, они ноют и все критикуют. *Награжденных* послали на Землю из низших миров за какие-то заслуги. Они, наоборот, ходят, восхищаются: «Ах! Ах! Потрясающе! Великолепно!» *Диверсанты* не ахают и не критикуют. Они заняты делом. Знают, зачем они здесь и что должны сделать. И *аборигены* — это те, которые здесь живут. Одних охраняют, других ублажают, третьих ловят. (Классификация предложена моим другом О. Г. Бахтияровым.)

Еще более простая типология: один мой приятель когда-то сочинил, что все люди делятся на *зануд* и *паскуд*. Есть две разновидности: *занудистые паскуды* и *паскудистые зануды*.

Существует постоянное стремление создать объяснительные системы, которые позволили бы человеку ориентироваться в других людях. Это как бы снимает проблему сложности субъективного мира другого человека за счет отнесения его к какому-то типологическому классу, свойства которого максимально известны.

Для многих людей такой внешний взгляд служит почти единственным способом объяснения и самого себя.

- А ты почему так сделал?
- Так я же Водолей.
- А ты почему?
- А я в год Овцы родился.
- А ты почему?
- А у меня такой тип информационного метаболизма или такой тип высшей нервной деятельности.

И эта тяга неистребима.

Меня в последнее время это очень интересует. Человек постоянно хочет воздействовать на мир, в том числе и на других людей как часть этого мира, в сторону увеличения уровня предсказуемости. И когда какая-либо информация оформляется таким образом, что с ее помощью можно повысить уровень предсказуемости, мы за нее хватаемся, независимо (в большинстве случаев) от ее качества.

Большинство шарлатанских систем построены не на том, чтобы удовлетворить потребность в знании, в стремлении к какой-то истине. Они рассчитаны на то, чтобы наше отношение к будущему, включая поведение людей, которые нам важны, максимально совпадало с тем, что произойдет.

В одном из американских фильмов был замечательный момент. Герой этого фильма, писатель, пишет детектив. Писатель довольно известный, но у него творческий кризис. И вот он в качестве выхода из творческого кризиса совершает авантюрный поступок и развитие последствий этого поступка делает основой для своей книги.

Ему издатель в один из моментов говорит: «Это хорошая книга, но твои прежние книги мне нравились больше». Писатель спрашивает: «Почему?» — «В них все предсказуемо».

Парадокс. Ведь детектив писался. Казалось бы, какой кайф может быть в детективе, если заранее все известно. Оказывается, на это есть свой спрос. И поэтому герой фильма имел своего читателя, который хотел читать не для того, чтобы запутаться в хитроумных построениях, а чтобы угадывать на десять, двадцать, тридцать ходов вперед. И тем самым поддерживать свою самооценку: какой я проницательный, как я все заранее предвидел, и даже такой известный писатель не может меня запутать.

Иногда создается впечатление, что пройдет какое-то время, и наука, и другие способы познания человека разовьются до такой степени, что можно будет объяснить все. Если все сложить: генетику, типологию информационного метаболизма, типологию темпераментов, типологию индивидуальности, — то уникальными останутся только отпечатки пальцев. Потому что внешность, как мы теперь, глядя в телевизор, понимаем, вещь «повторимая». Сейчас появилось огромное количество клубов двойников, шоу двойников.

Получается, что уникальность — это лишь отпечатки пальцев. Пока не удалось найти двух одинаковых. *Но вдруг и это только пока?*

Давайте теперь посмотрим с другой стороны. Со стороны субъективного мира человека, со стороны того, что он сам о себе знает. Тут мы наталкиваемся на такой же парадокс.

Хочет ли человек на самом деле знать самого себя? Не хочет. Он хочет туда, внутрь, то есть во внутренний свой мир поместить тоже какую-нибудь объяснительную систему, которая со все большей степенью предсказуемости будет ему объяснять его самого.

Часто люди говорят: *«Боже, зачем такой сложный, такой бесконечный, такой непредсказуемый мир. Вся эта вселенная, где мы вообще пылинка на песчинке?!»* Но ведь есть точно такой же мир и по ту сторону, то есть внутри человека. Такой же огромный, бесконечный, такой же сложный, такой же непредсказуемый.

Получается, что человек, как *самосознающее существо*, как *Я*, пограничен. Он не живет внутри своего субъективного мира, потому что боится его. Не ситуационно боится, а постоянно, поскольку внутренняя непредсказуемость связана со страхом бесконечного, страхом самого себя и страхом конечного, то есть основополагающими страхами, которыми регулируется удовлетворение наших потребностей.

Так же в и объективном мире человек не живет, потому что там та же самая бесконечность, непредсказуемость, сложность. *Так где же тогда обретается «истинное Я» человека?* Это формулировка весьма сомнительна: «истинное Я человека», — как будто есть неистинное Я. Это дискуссионный вопрос. Я не очень уверен, что правомочно так разделять.

Суть состоит в том, что *человек, как самосознающее существо, не живет ни внутри своей субъективной реальности, ни снаружи*. И самое интересное, что с распространением всевозможных техник он даже не хочет жить в своем теле.

Дайте всем возможность, и все уйдут из тела. Потому что тело тоже создает море проблем, ведь познать его до конца не удастся. Самое интересное, что иллюзии по поводу познания своего тела нет ни у кого. Тут мы все понимаем, что это невозможно. Познать свое тело как тело до конца невыносимо. Огромное количество наук его изучает, и все это сложить и поместить в одну корзину просто невозможно.

Самосознающее существо человека, его *Я*, хочет быть *нигде*. Оно хочет построить — есть такая подсознательная тенденция — какую-нибудь загородочку, какой-нибудь образ себя: замкнутый, абсолютно предсказуемый и абсолютно непроницаемый для воздействий внешнего мира. Сейчас всеобщее поветрие все неприятности объяснять тем, что на меня кто-то по воздействием: сглаз, порча, оговор, биополя, вредные точки пространства, темные силы астрального плана или витального, — а ведь это все одно и то же. *Это желание стать непроницаемым для внешних воздействий и отгороженным от внутренней своей сложности*.

Все время идет попытка построить какую-то капсулу вне пространства субъективной реальности, вне пространства объективной реальности, желательно еще вне времени. *Нигде*. Это и есть ограничение нашего рассудка, рассудочного взаимоотношения с миром и с собой. *Следуя голосу рассудка, как ни странно, мы с неизбежностью оказываемся в пустоте — нигде*. И в этом *нигде* такая замкнутая, удобная, бесконфликтная, непроницаемая капсула под названием *Я*. Это и есть мечта о совершенстве.

Посмотрите внимательно и спокойно на многие предлагаемые системы под названиями «самосовершенствование», «самопознание», и выяснится, что это «само» стремится в пределе к такому состоянию, *к жизни в нигде*. Это сделать совсем просто. Есть масса систем психологической обработки, в которых *Я* сводится до точки, и эта точка совершенно спокойно избавляется от всех ограничений внешнего и внутреннего мира, времени и пространства... Тогда пожалуйста: путешествуйте куда угодно, на любые планеты, во времени, но как сказано в мудрой тибетской книжке «Океан удовольствий для мудрого»: *«Все эти выражения условные»*, или, как кончается тибетская «Книга мертвых»: *«Не забывай, что все это проекции твоего сознания»*.

Неуязвимость в пустоте

Мы так много говорим о неповторимости, уникальности. Нам кажется, что мы хотим обрести эту неповторимость и уникальность. Но если исследовать этот вопрос непредвзято, то оказывается наоборот: *мы хотим как уникальность исчезнуть или, во всяком случае, свести*

свою уникальность до точки. Когда мы сводим ее до точки, то оказываемся в этой пустоте совершенно неуязвимыми. Организовать это переживание, вплоть до полного растождествления с любой своей материальностью, от самой тонкой до самой грубой, несложно. И вы окажетесь «в темной, как темнота, темноте, в пустой, как пустота, пустоте».

У Жана Эффеля «Сотворение мира» начинается: *«В темной, как темнота, темноте, в пустой, как пустота, пустоте жил-был Бог».* Вот вам «богоподобное» состояние. Свели до точки и там переживаете себя кем угодно: хотите Богом — пожалуйста.

Но за счет чего это может произойти? За счет полной утраты всякой уникальности, и тогда можно красиво интеллектуально все оформить. Например, в духе интеллектуальных тибетских традиций назвать это нирваной, или «возвращением отдельного Я в Абсолют», или «растворением в изначальном» — иными словами, исчезновением, развоплощением.

З. Фрейд назвал это подсознательным стремлением к смерти. Но физическая смерть, которая ждет нас всех, как-то не вдохновляет, за исключением больных людей, у которых бывает тяга к самоубийству. И вот тут мы делаем лихой маневр и в своих духовных, я подчеркиваю — духовных поисках отправляемся куда-то туда в небытие, чтобы опередить эту смерть и умереть раньше, *умереть психологически.*

Тогда вопрос о типическом сводится к одному: *типично для человека любого, независимо от отпечатков пальцев, стремиться исчезнуть из обоих миров, заметьте: и из мира внутренней реальности, и из мира внешней?* Получается, так. И спасибо природе, что, пока мы телесны, нам этот фокус не удается.

Многие из вас, наверное, читали или слышали об индийских факирах, которые доводили свое тело до такого состояния, что ученики носили их как мебель, сдували с них пыль. Они практически не ели, не пили, усыхали и при жизни превращались в мумию, и только глаза показывали, что они еще живы. Попытки уничтожиться в этом качестве, освободиться, мысль о том, что тело греховно, — это та же идея исчезнуть из мира. Людям кажется, что можно исчезнуть из этого мира, назвав его низшим, для того чтобы пребывать в ином мире, назвав его высшим. Но авторитет, который признают все без исключения, знаменитый Гермес Трисмегист сказал: *«Как вверху, так и внизу, как внизу, так и вверху».*

Тело — это моя удача

Из свидетельств людей, добившихся каких-то взаимодействий с другими уровнями реальности, большинству недоступными, известно, что у этих бестелесных существ единственное желание — приобрести тело.

Известно из других авторитетных источников, что родиться в человеческом теле — это огромная удача с точки зрения кармы и перевоплощений. Потому что человеческое тело — выдающееся произведение, позволяющее решить все кармические проблемы.

Но почему же мы так хотим убежать? Потому что мы очень молоды. По самым смелым предположениям, человеку рефлексирующему, то есть осознающему себя как субъект, сорок тысяч лет. Значит, если провести аналогию с возрастом человека, то это где-то лет четырнадцать — подростковый возраст. Как известно, в подростковом переломе, который связан с гормональными изменениями в организме, очень часто возникает идея самоубийства. Подросткам свойственны разрушительное поведение, немотивированная агрессия.

Посмотрите на человечество в целом, и вы увидите этого подростка со всеми психологическими катастрофами. Посмотрите на себя самих, и вы увидите того же самого подростка, который стремится убежать от надвигающихся на него сложностей пребывания в этом мире.

Уникальность вида — человек

Таким образом, мы можем смело предполагать, что уникальность человека как вида состоит именно в том, что он осознает себя *как пребывающего в двух реальностях*. Это его принципиальное положение. А значит, уникальность отдельно взятого человека — прежде всего в его смелости по отношению к самому себе, к своей субъективной реальности. Во всех серьезных духовных традициях сказано: *задача номер один — это встретиться с самим собой*. И это требует колоссального мужества, упорного труда, руководства, наставничества и беспощадной устремленности.

И еще один момент. Чем больше человек сам в себе изучает типическое, тем больше развивается и закаляется действующее лицо — *Тот, который изучает*. Чем больше человек занят поиском в самом себе уникального, тем больше развивается *То, что это ищет*, то есть типическое. Вот такой парадокс.

Если вы помните диапазон высказываний от «Храм Божий внутри тебя» до «Тот, кто в вас ищет, и есть то, что вы ищете», то поймете: сложность ситуации здесь прежде всего в том, что обязательно нужен *Другой*. Чтобы встретиться с собой, нужен *Другой*. Который поможет вам познать все типическое, все механизмы, которые вам даны.

И чем больше вы будете это познавать, тем больше будет развиваться то, что является вашим существом, и тем меньше у вас будет желания убежать из тела, из этого мира. И тем сильнее будет ваше желание оказаться не в пустоте, а в абсолютно заполненном психологическом пространстве, то есть быть абсолютно проницаемым, и в этом обрести силу, покой и уверенность.

Человек проницаемый

Что значит быть проницаемым? Это значит, что на входе нет ограничений, ограничения есть только на выходе. **Ограничения на входе** — это те правила восприятия и взаимодействия с окружающей реальностью, которые человек принимает для себя с целью ограничить себя от вредных воздействий. «Что ты ешь — такой ты есть». **Ограничения на выходе** — это те правила взаимодействия с окружающей реальностью, которые человек принимает как самоограничение, они и будут его моралью, его представлениями о том, что он должен или не должен, что надо делать, а что — нет. То есть эти ограничения определяются смыслом, порожденным самим человеком. А если все неосознаваемые автоматически механические правила взаимодействия ставятся как ограничения на входе, никаких усилий по порождению смысла не требуются. Но эти ограничения на входе ограничивают также ваше взаимодействие с реальностью. Никакого труда души не нужно.

Человек выполняет правила и тем повышает самооценку. Но правила эти механические, они же *на входе*. Чем последовательнее вы их выполняете, тем больше им соответствуете. Ибо все, что не соответствует правилам, в вас просто не входит. Эти правила используются как стена, как капсула или, как говорил Гурджиев, — камера тюремная. И все ваше «самопознание» состоит в том, что вы из одной камеры прорыли ход в другую и говорите: «Все, я на свободе».

Значит, мы должны не просто осознавать себя. Мы должны эту свою часть сделать квалифицированной. Мне очень нравится это слово, я благодарен В. М. Ершову и П. В. Симонову за то, что они очень четко это назвали: *квалификация по отношению к жизни*. Квалификация по отношению к самому себе состоит в том, что **я стремлюсь познать в себе не уникальное, ибо это невозможно**. Кто будет во мне познавать мою уникальность? Моя типичность, мои неосознаваемые психические функции, мои автоматизмы. *А что могут автоматизмы по отношению к уникальности?* Они могут только испугаться, потому что любой механизм действует по принципу максимальной предсказуемости.

Квалификация состоит в том, чтобы познать свою типичность — свою машину, для того чтобы в ней появился хозяин, рулевой, который будет в ней ехать туда, куда ему нужно, и будет ею владеть: уметь ее ремонтировать, совершенствовать и т. д.

Система, которая предлагает вам такой вариант, — это, с моей точки зрения, система реального действия, система активного развития активного субъекта. И особенно это обнаруживается в экстремальной ситуации.

Я работал в клинике с участниками ликвидации чернобыльской аварии. Там сразу было видно: те, кто в силу каких-то причин опирался на принцип активности, они действовали. И к лечению относились активно, собирали информацию о том, что нужно делать, чтобы травму нейтрализовать, предупредить развитие каких-то последствий. Они были заняты. Самое интересное, что психологически самыми полноценными клиентами клиники были люди, имевшие точный диагноз: ОЛБ (острая лучевая болезнь). Они уже не занимались ничем, кроме поиска средств, чтобы вырвать хоть кусочек жизни, сделать массу дел. Нужно было отстоять социальную справедливость, обеспечить родных... Они активно действовали, хотя физически были поражены.

Люди же, которые ничего не знали о степени поражения, чаще всего впадали в пассивное состояние под названием: *сделайте со мной что-нибудь*. «Вы мало сделали, вы не то сделали! Мне все равно плохо... Еще что-нибудь сделайте, дайте больше таблеток, иностранных таблеток, по блату таблеток. Пошлите меня в тот санаторий, в санаторий Четвертого управления». И постепенно они превращались в профессиональных неврастеников, в профессиональных больных.

Я иногда захожу в клинику и вижу массу знакомых лиц — это профессиональные больные. Они будут болеть долго, может быть, всегда. В этой позиции ничего другого им уже не остается.

Мы можем привести примеры разных политических режимов (не только на нашей территории), которые доводили людей до автоматического подчинения. Все эти режимы построены на одном — *на желании человека исчезнуть*. Я помню, в армии впервые поразился этому.

Есть люди, которые не являются профессиональными военными, специалистами, но в армии чувствуют себя совершенно великолепно, и из армии их не выгонишь. Я с ними много разговаривал, пытался проникнуть во внутреннюю мотивацию. Потом выяснил. В армии, оказывается, все очень хорошо. Ни о чем думать не надо. В смысле заботы о себе и о жизни. Накормят по расписанию, оденут как положено, зарплату дадут. Все с утра до вечера расписано.

А потом прочел в литературе, что субъективно человек себя максимально свободно чувствует тогда, когда объективно, с точки зрения внешнего наблюдателя, он — раб. Люди с пассивной установкой «*сделайте со мной что-нибудь*» максимально хорошо чувствуют себя тогда, когда за них все решено. Когда все будущее тоже расписано. Столько-то лет пройдет — получишь еще звезду, еще звезду... Зарплата повысится на столько-то, и все хорошо.

Но такие люди, попадая в ситуацию, где нарушена предсказуемость, где нет стабильности, то есть в ситуацию катастрофическую, оказываются абсолютно беспомощными.

Почему же мы боимся уникальности? Не только в себе. Мы ее боимся и в других. С одной стороны, восхищаемся: «*Ах! Уникальность!*» — человек с уникальными способностями, или уникальной внешностью, или талантом. Но, с другой стороны, мы их отодвигаем от себя как можно дальше. Пусть они там между собой объединятся и выдают нам продукцию. Мы эту продукцию с удовольствием будем потреблять, но жить с ними невозможно. Ничего нельзя знать наверняка. Сегодня одно настроение, завтра другое. «*Рисуй там свои картины, пиши свою музыку, показывай свои пьесы, свои фильмы, но не показывай себя. Потому что жить с тобой невозможно*».

Это бы ладно. *Но что мы делаем, когда живем со своими любимыми, родными и близкими? Что мы друг с другом делаем?* То же самое.

— Ты перестань выкаблучиваться, ты должен быть вот такой. «Если я тебя придумала, стань таким, как я хочу».

- А если я тебя полюбил, то ты тоже стань вот такой, как я хочу.
- И что же это за семья, если я сегодня пришел домой, а у нее озарение? Пустое мне ее озарение, мне обед нужен.
- А что это за мужик такой, если он говорит: «Я ушел с работы, потому что она меня духовно отягощает. Я буду медитировать»?
- Ну, ладно еще так любовник скажет. И то трудно. А тут муж.

И это естественно. *Ну, как же жить вместе?* Мы же должны «притираться». И мы притираемся по закону конвенции, то есть по закону договорных норм, которые как бы над нами. Мы все знаем, какими должны быть. Как в мировой литературе — миллион коллизий между чувством и долгом. Потому что долг — это что-то другое, не во мне находящееся. И сколько бы нам ни объясняли, что истинный долг — это то, что ты делаешь даже тогда, когда этого никто не видит, — мы можем с этим согласиться на том же уровне конвенций, но пережить это как субъективное переживание неспособны. Потому что никакого отношения к нашей субъективности это не имеет.

Кому нужна моя уникальность

Чем больше этих конвенций, чем сложнее социальный мир, тем больше отчуждение человека от самого себя, как говаривал по этому поводу К. Маркс. Совершенно справедливо, кстати.

Кому нужен этот субъект, кроме меня? Никому. *Для чего же я буду заниматься поиском своей уникальности?* Вот он, социальный регулятор исчезновения уникальности — степень дозволенности и необходимости уникального в социуме. Еще пока мы молоды и ищем партнера, нам какая-то уникальность позволяется.

- Я одна такая. Посмотри, какие у меня глазки.
- Посмотри, какие у меня мышцы, какой ум.

До двадцати пяти — тридцати лет общество еще позволяет какую-то уникальность. Потом все. Все состоялись. Перекрываем уникальность. Все. Хватит. *Ты великий — иди к великим. Ты не великий — здесь живи. Тебе можно столько, тебе столько.* И мы уступаем. *А чё! Раз это никому не нужно.*

Мне недавно один отец похвастался: «У меня отличный сын (сыну двенадцать лет). Он меня слушается беспрекословно. Все, что скажу, делает. Вот такой сын». Если маме не нужна моя уникальность, если папе не нужна моя уникальность, если любимому человеку не нужна моя уникальность, если обществу не нужна моя уникальность, то кому она нужна?

Так и возникает духовная тяга. Нас заставляет искать, пока мы еще живы как субъекты, искать место, где мы нужны в своей уникальности, где мы единственные и неповторимые, где второго такого не будет. Или где нам говорят, что наша уникальность, независимо от воплощений, наша уникальность, наша сущность — бессмертна и нужна. Космосу, Вселенной, Абсолюту или Господу Богу, но она нужна.

Есть идеальный родитель и идеальный возлюбленный, которому ты нужен именно потому, что это ты, уникальный.

А если я не нашел, не повезло и т. д.? Кому я нужен в своей субъективной уникальности? Очень трудно убедить себя, что самому себе нужен. Если никому не нужен. Нужна героическая позиция: ***я все равно буду здесь пребывать, не буду заниматься небытием, потому что сам себе нужен как уникальность.*** Но это позиция творческая, она сразу порождает колоссальное количество трудностей, в том числе и житейских, и психологических, и душевных, и духовных.

Сколько у человека есть любви к себе, уникальному, сколько он может выдержать невос- требованность этой уникальности, ненужность своей уникальности — столько у него и есть духовных сил. Либо в определенном возрасте человек вдруг понимает: *жил, и все время для че- го-то. Что-то там делал, делал, делал. А сам-то я где?..*

Мне кажется, что вся динамика внутренней жизни человека или, говоря старинным языком, динамика одухотворения, не в том, чтобы пытаться вычесть себя из этого мира, из этого тела, из этих связей, из этих взаимозависимостей, из этой проницаемости, а в том, чтобы все-таки сначала самому себе быть нужным, а потом другим.

Социум любит типическое

Типическое социально подкрепляется, оно социально востребуется, на него всегда есть спрос. Ну, скажем, типология на основе гороскопов. Это же организация спроса. Я — такой, ты — такой. Ты мне подходишь, потому что так написано в гороскопе. А ты мне не подхо- дишь, потому что Тигр писает на Обезьяну.

Но прибегает человек в эту астрологическую компанию, а он там не нужен как уникаль- ность. Он там нужен как представитель определенного знака Зодиака, и все. Многие из вас на- блюдали такие сценки.

— Ты не можешь так говорить.

— Почему?

— Потому, что ты — Водолей, а Водолей так не говорит. И рядом с этим человеком ты не можешь си- деть. Ваши знаки конфликтны. Ты должен вон там сидеть.

Поэтому знание, конечно, — сила. Но **знание без любви — это такая сила, которая обя- зательно приведет нас к смерти**. Психологической ли, бытийной ли, или просто к смерти, то есть к самоубийству. Из-за обнаружения полного отсутствия самого себя.

Двусторонняя природа человека

Такова наша двухсторонняя природа. Мы ловим, так сказать, кайф: *мы — Человечество*. Особенно с XVII века, после того как объявили «*cogito, ergo sum*», мы покоряем природу, управляем миром, делая его все более удобным для себя. Ну, кто теперь скажет, что теплый туалет — это хуже, чем где-нибудь там под кустиком зимой. Это как бы очевидно, но у этого есть обратная сторона!

Сознание наше разворачивалось в эти века в сторону насилия над реальностью. В сторону принципа силы. «*Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — вот наша за- дача*». И мы брали. Но мы тоже часть природы, даже если освободимся от так называемого фи- зического тела!

Даже представив себя в виде бестелесной энергетическо-информационной сущности, кото- рая подобным образом насилует природу, мы увидим, что она все равно насилует и себя самое, потому что нельзя насиловать мир, ничего не делая с собой. Вот по этому поводу замечатель- ная иллюстрация.

Начался суд над ростовским насильником, который изнасиловал, убил большое количество людей. Его двадцать лет не могли поймать. Он абсолютно добропорядочный человек, с высшим образованием, член КПСС был, дети у него. Показали его по телевидению. Нормальный такой, благообразный. На уровне конвенций, конвенционального поведения он неопознаваем, пока удастся скрывать эту патологическую часть себя.

Но внутри себя он разрушен, он уже зверь бешеный внутри себя.

Так что же толку во всей этой нашей конвенциональной цивилизации «cogito, ergo sum», если в ней неопознаваемо такое уродство? И наоборот, если в ней здоровому человеку только потому, что он инакомыслящий, можно приписать вялотекущую шизофрению и запихнуть в психушку?

Что это за цивилизация? Это цивилизация насилия над миром. *Почему?* Да потому, что так легче, мы опять уходим от уникальности, сводим себя к типическому. Ведь знание, которое мы обозвали «cogito, ergo sum», — это знание статистическое, знание наиболее вероятного. И это знание боролось и будет бороться с любой уникальностью.

Есть такая полулегенда-полубыль, что в сейфе у президента Академии наук СССР хранится алмаз, внутри которого, как в янтаре, муха. Вот такой нашли. Его прятали так, чтобы никто никогда не узнал.

Даже если это легенда, все равно она принципиально говорит о том, каково сознание, на котором держится вся наша цивилизация. Если появляется факт, который противоречит устоявшемуся представлению, его надо убрать, уничтожить. Сразу не уничтожили, упрятали в сейф. Но он все равно где-нибудь объявится, хотя бы в слухах. А потом критическая масса таких артефактов совершит переворот, и мы поймем, что мир уникален, а не типичен.

Все эти триста с лишним лет, с XVIII века, мы и к себе непроизвольно учились относиться статистически. И идеалы создавали статистические. И обязательно по иерархии.

Единственная возможность быть уникальным — это не быть *уникальным человеком*. Можно быть уникальным шахматистом, уникальным бегуном, уникальным артистом, уникальным правителем, вождем, потому что это все социальные позиции. Это все — Чемпион. И все должны бежать по одной дорожке, стараясь друг друга обогнать, иначе нет прогресса. Это единственный смысл, который нам предлагает рациональная культура жизни.

А что делать тому, кто сошел с дорожки, кто никогда не будет на вершине никакой пирамиды, даже самой маленькой? Призывать учителей с Ориона? Ну и что? Ничего опять. Это же не уникальность его самого. Это уникальность его связи. У него такая связь. А у других такой связи нет. Вот он контактер, а ты — нет. Но это же не он уникальный. Это все равно что сказать: я уникальный человек потому, что лично знаком с президентом. Ну и что, что ты лично знаком? Это у тебя такой вот блат, простым языком говоря. Дружбан у тебя такой — крутой мужик. Но ты-то сам где? Что это говорит о тебе, о твоей человеческой уникальности, о твоем субъективном мире, о твоем духе? О твоем богоподобии? Меня больше всего поражает, когда люди, казалось бы, искренне религиозные, забывают простую вещь, что Бог создал человека по образу и подобию своему. Если человек — это подобие Божие, с ним надо обращаться иначе, правда?

Как в том анекдоте. В сумасшедшем доме лечился больной, который думал, что он пшеничное зерно. Его лечили, лечили, вроде вылечили. Созвали консилиум.

— Ну, как, ты уже знаешь, что ты не пшеничное зерно?

— Конечно, спасибо, доктора! Какой я был дурной.

— Ну, давай, иди домой.

Через двадцать минут прибегают он белый от страха, глаза на лбу.

— Что такое?

— Там у ворот петух!

— Ну и что, ты же знаешь, что ты не пшеничное зерно.

— Но он же не знает.

Вот это есть сила *Мы*. Если вокруг меня недостаточное количество других, которые тоже знают, что я уникален, то очень тяжело не испугаться петуха. Вот это есть проблема невостребованности.

И потому люди с такой легкостью идут в любое место, под любое знамя, под любую псевдоистину, под любую мистификацию, лишь бы был намек, что вот здесь ты нужен как *Ты*. Ради этого можно бросить все.

Вы нигде не нужны, а тут вам говорит ваш шеф, наставник, гуру, биоэкстрасенс — кто угодно: учитель с Ориона, небесный жених, воплощенный Логос, — он говорит: «Ты мне нужен, ты». Причем приписывает себе функции Бога. Это Бог у нас идеал, да? Такой, которому все видны в своей неповторимости?

Но попробуйте вы к этому приписавшему себе божественные качества человеку прийти, не предупредив, часа в четыре утра с вашей проблемой. Он вам дверь откроет?

Трудно быть Богом. Но и быть рядом с Богом трудно по той же причине. Жить с ним неудобно. Как с любым уникальным.

Нас уже выдрессировали, что жизнь должна быть удобной, чтобы душа, не дай Бог, не заболела, не перетрудилась, чтобы было удобно, тихо. Чтобы гладили по головке: *ты хороший, ты пострадал, ты жертва времени, обстоятельств, насилия, идеологии, непонимания, ты жертва, жертва, жертва. «Ну, раз я жертва, пусть еще премию выдают»*. Я видел таких людей.

С одной стороны, социальная справедливость.

Всем, кто хотя бы один раз был там, в этой зоне на Украине, выдали удостоверения «Участник ликвидации аварии в Чернобыле». Я встречался с человеком, все участие которого состояло в том, что он один раз восемь часов стоял на КПП на границе зоны, проверял пропуска. Один раз! Сейчас он — официальная жертва. А я уверен — есть масса людей, действительно пострадавших в силу местных выпадений, которые только сейчас начинают вылавливать: шло облако и где-то выпало. Но они в зоне не были, им льгот не положено. Конвенция. Статистические люди получили статус жертвы, а нестатистические, как и положено, не получили.

Алмаз не может быть с мухой внутри. Экзальтированный человек не может быть разумным. Матерщинник не может быть духовным. Ученый не может быть глупым, у него диплом кандидата, доктора наук и т. д. Мы все это знаем. Чем больше мы вот так знаем, тем легче. Но тем крепче нас держит ловушка, в которой мы никогда не встретимся с собой.

Правда, есть последние достижения. Говорят, что в момент смерти у любого человека есть минута для встречи с собой. Говорят, что мир устроен справедливо. Что независимо ни от чего такая благодать в последние мгновения дается.

Отграниченность сознания

Таким образом, мы приходим не к проповеди иррационализма, а к пониманию того, о чем замечательно сказал, к сожалению, ныне покойный Мамардашвили: *все, что мы можем ответственно сказать о сознании, что оно отграничено*. Если бы каждый из нас понимал, что сознание не бесконечно, в отличие от нашей субъективной реальности и объективного мира... Сознание, даже самое изысканное, отграничено и весьма ограничено. Самое большое, что может сделать наше индивидуальное сознание, — это обнаружить свои границы, тогда у нас появился бы шанс встретиться с самим собой.

Почему? Потому что сознание, в том числе и в таких аспектах, как подсознание и сверхсознание, — это социальная производная, а значит, конвенциональная в основе своей. И потом, сознание дискурсивно, то есть может располагать вещи только по порядку: либо в линию, либо в иерархию. Поэтому оно не может создать картину мира, что совершенно точно отмечено у

Кастанеды. Сознание может создать только описание мира. Картину мира способно создать исключительно воображение художника. Картину в полном смысле слова, на которой все сразу видно. Ее невозможно исследовать, потому что нельзя описать. Как только начинаем описывать, картина превращается в описание.

Как можно описать картину Врубеля «Демон»? На нее можно смотреть, созерцать, наслаждаться, переживать. Но как только вы попытаетесь ее описать, это будет ваша интерпретация, попытка превратить картину в описание. По поводу некоторых картин и художественных произведений целые библиотеки написаны. Этим живут, деньги зарабатывают, создавая описания того, что для описания не предназначено вообще.

Сознание — прекрасная вещь, его можно развивать, учиться им пользоваться. Но нужно же понимать, что оно отграничено по возможностям. Не может так называемое сознательное усилие привести к духовному единству.

Мы были с театром на форуме, который планировался как международный, но не получился. Это был форум в Сочи, посвященный памяти Блаватской. Назывался он «За духовное единение человечества». Но некоторые люди увидели, что именно там реально происходило, и во время прогулки на теплоходе кто-то замечательно прибавил одну букву к этому лозунгу, и получилось: «За духовное уединение человечества». Невозможно сознательным усилием соединится в духовном переживании. Интеллект всегда будет разъединять вас с объектом, на который направлено ваше интеллектуальное усилие.

Переживание, дающее смысл

Почему такой бум в психологической науке вызвала такая маленькая книжечка еще никому почти неизвестного психолога-консультанта из Симферополя Ф. Е. Василюка? Он доказал, что смысл порождается **переживанием**, а не осознанием. Смысл, то есть основа человеческого бытия. От смысла жизни до любого другого смысла.

Переживанием — не осознанием. Бедный Декарт! *Вы представляете, что с ним было там, сколько он раз перевернулся?* Оказывается, не «*cogito, ergo sum*», а **переживаю, значит, существую**, как смысловое существо, как сущность. Тогда понятно, что не надо бояться ЭВМ, они же смысл порождать не смогут. Переживанием, если оно не совместное, не поделишься. Рассказы о переживании самого переживания не заменяют. Поэтому статья йогом по книжке даже теоретически невозможно. Ибо вы не сидели там, рядом с ним, в его ашраме, пещере, не дышали воздухом Гималаев. Вы читаете описание его переживаний.

Книга в лучшем случае может натолкнуть вас на поиски ситуации, которая спровоцирует аналогичное переживание. А иначе смысл исчезает. Иначе — одна технология.

Нарушение экологии человека

Итак, живя в таком социально-психологическом мире, который называется «западноевропейская цивилизация», мы живем в мире статистическом, такова установка сознания. А в статистическом мире спрос на типичность все время растет, а на уникальность — падает. На нашей человеческой бирже труда. И естественно, как контрвзрыв, как контрдействие, как вызов — мы имеем то, что называется экологическими катастрофами, нарушением экологии самого человека как природного существа, то, что называется нарушением экологии субъективной реальности.

Все это — последствия отсутствия спроса на уникальность. Поэтому любое шарлатанство, любую псевдомистику — все, что имеет хоть какое-нибудь отношение к спросу на уникальность, невозможно ликвидировать никакими призывами. *Давайте отделим шарлатанов от нешарлатанов!*

Это невозможно. Кто будет отделять? Кто будет выступать в качестве эксперта? С каких позиций?

Что же можно сделать, если вы уже об этом задумались? Как говорил мой учитель: «Когда в человеке начинается духовный путь? Когда он вдруг однажды смотрит на свою жизнь и спрашивает себя: это что? Это все? Что, больше ничего нет? Так вот ради этого меня сюда призывали, на этот свет? Не может быть!» Он интуитивно чувствует, что это обман. И когда человек интуитивно чувствует, что его обманывают, выдавая за целую жизнь ее маленький кусочек под названием «социально успешное функционирование», тогда человек хочет чего-то другого.

Каждый человек уникален

Смешно, когда пытаются вычислить процент уникальных людей. По этому поводу есть одна замечательная притча.

Человек обратился к Богу, имея такую возможность, и попросил показать самого великого полководца всех времен и народов. Бог ему показал: где-то там, в каком-то городишке, в каком-то переулке, сидит уличный сапожник и ремонтирует обувь.

— Так это же сапожник.

— Но если бы он стал полководцем, он был бы самым великим полководцем всех времен и народов.

Нет процента уникальных людей. Если мы станем на позицию процентов, на позицию статистики, тогда говорить об уникальности человека нет смысла вообще. Тогда сразу есть *быдло*, и есть *элита*. **Каждый человек уникален.** Социум не в состоянии обеспечить условия для проявления каждой уникальности. Это другой вопрос. Это несовершенство человечества как социального организма.

Но обращаю ваше внимание, что мы говорим только об уникальности функциональной, то есть об одаренности. Мы не говорим об уникальности человека как человека. А одаренность, талант зачастую воспринимается социумом как проявление эгоизма, то есть желания жить по своим правилам, для себя.

Я думаю, само понятие эгоизма — инструментальное, используемое в социальном программировании и социальном манипулировании. Потому что оно противоречит двум фактам. Первый факт: *что бы человек ни делал, он делает это для удовлетворения своих потребностей.* Научно доказано, что ничего человек не может сделать, в том числе и быть альтруистом, если это не обеспечивает удовлетворение какой-то его потребности. Второй факт отражен в известной работе В. П. Эфроимсона «Генетика альтруизма», где он показал, что если генетически эволюционно рассматривать этот фактор, то *альтруизм более способствует эволюции, чем так называемый эгоизм.* Поэтому эгоизм — так, как мы его понимаем, — это инструмент. Эгоизм—альтруизм. Есть такая пара, социальные понятия, используемые для социального программирования, социального управления и т. д.

Мы ведь начали с любви к Богу и к своей божественной сущности, своему богоподобию. Любовь в любой форме — это сокращение или полное снятие психологической дистанции между вами и тем, на кого она направлена. Это наиболее точное, на мой взгляд, определение любви как специфической части человеческой жизни. Любовь всегда подразумевает мужество, определенное мужество хотя бы в одном направлении, хотя бы по отношению к одному человеку снять дистанцию, снять все то огромное количество психологической защиты, которая выстроена нашим сознанием.

Поэтому любить Бога так, как любил Иисус или Франциск Ассизский, дано не каждому, ибо не каждому дано такое мужество, такая сила любви до самозабвения.

Сознание у нас такое молодое. *Что такое сорок тысяч лет?* Развитому сознанию всего где-то восемь — десять тысяч лет. Это же совсем ничего. Мы ничего еще не знаем о себе. А отсюда у нас нет картин, у нас есть только описания разные. Потому что мы себя самих не знаем. Не знаем не в смысле рационального познания, а в смысле переживания самих себя. Мы не даны сами себе в переживании. А если учесть, что переживание дискредитировалось как способ взаимоотношения с реальностью сознательно, то есть с точки зрения социального управления выгодно дискредитировать переживание, то я думаю, что все еще впереди.

Давайте посмотрим на творчество как на один из способов выражения уникальности. Когда мы говорим: творчество как некая человеческая способность, — то оно, естественно, есть некая человеческая способность. А когда мы говорим: творчество как некая специфическая одаренность (в искусстве, в науке), — это уникальность. С точки зрения социума творчество — уникальность. Нет другого такого Льва Толстого, или Ван Гога, или Бетховена, Ландау, Ньютона, Эйнштейна.

Принятие уникальности

Теперь попробуем посмотреть, какие варианты мы можем представить себе на пути к реализации уникальности человека и на пути принятия этой уникальности. Попробуем посмотреть на эту проблему уже не от вопроса *«что?»*, а от вопроса *«как?»*. Тут есть такая сложность: с точки зрения духовных традиций ответ на вопрос *«как?»* определяется ответом на вопрос *«зачем?»*. Что, конечно, несколько непривычно для такого способа думания, которому нас всех учили.

Вот простой пример отношений между *«как»* и *«зачем»*. Мой Учитель еще в самом начале нашей встречи объяснял это так: «Представь себе трех человек, которые получили одинаковое количество материала и один проект дома. Каждый построил дом, и хотя с точки зрения формального восприятия это три абсолютно одинаковых дома, любой из нас без всякой специальной подготовки, без всяких специальных экстрасенсорных приемов, войдя в дом, сразу почувствует, что они разные.

Скажем, один строил крепость — защиту от всего остального мира. И войдя в дом, это сразу почувствуешь. Чуть толще будет все, что связано с внешними стенами, чуть тоньше все, что внутри. Все равно он как-то подсознательно перераспределит то же количество материалов. И хотя проект будет соблюден, возникнет ощущение крепости. У того, кто строил дом, чтобы принимать людей, — другое ощущение в доме. У того, кто строил дом, чтобы в нем просто было уютно, — третье ощущение».

Мне кажется, что проблема многих людей связана с тем, что они не в состоянии убедительно для себя — не для других — ответить на вопрос: *«А зачем я это делаю? Зачем я этим занимаюсь? Зачем я читаю книгу Игоря Николаевича Калинаускаса?»* Но независимо от степени осознанности этого *«зачем»*, оно ведь все равно существует у каждого. Нет ни одного человека, у которого не было бы механизма смыслополагания, а следовательно, ответа на вопрос *«зачем?»*.

В силу того что человек обладает очень развитым механизмом опережающего отражения (то есть его сознание способно строить модели возможного будущего и формировать установки психики к будущим действиям), гораздо более развитым, чем у высших животных, плюс способностью к самосознанию, то есть к рефлексии, во внутреннем обеспечении его активности огромную роль играет все, что связано с будущим.

В эзотерической психологии это известно давным-давно и сформулировано довольно просто: ***причины поступков человека лежат в будущем, а средства, которые человек выбирает, происходят из прошлого.*** В этом фундаментальная разница между теми способами описания и самообъяснения, которыми пользуется большинство, и теми, которые лежат в основе эзотерической конструктивной психологии.

Причины наших поступков лежат в будущем. Но это будущее у нас внутри, то есть причины наших поступков — это *наши модели желаемого будущего*, прогнозируемого как реальное и гарантированное будущее.

Понять, почему человек совершил тот или иной поступок, объясняя его прошлым: обстоятельствами, биографией, характером, темпераментом, типом информационного метаболизма, социально-психологическим миром, в котором он вырос, — невозможно. Вся эта огромная масса очень качественной информации практически не срабатывает, если не учитывать того, что причина поступков находится в образе будущего.

Чем точнее известно это психологическое будущее, тем эффективнее действие самого человека по самореализации, самораскрытию или самотрансформации. И если вы хотите реально изменить свое поведение, вы должны изменить картину будущего.

Вот это и есть главное *«как?»*. Вот это и есть простой психологический ответ на то, почему в духовной реальности сказано: *«Если известно „зачем“, сразу будет известно „как“*». Нас же приучают запасаться, вооружаться всевозможными рецептами, алгоритмами, технологиями «про запас». Поскольку мы не знаем, что нам понадобится реально, мы все время вооружаемся.

Мы заглатываем любую информацию о человеке, от самой дешевой мистики до самой возвышенной духовности, и посередине где-то там здравый смысл, наука и личный опыт. И все равно чувствуем, что мы не эффективны.

Как говорил мой Учитель: *«Ты можешь забыть все, что угодно, но никогда, ни в каком состоянии, любой степени измененности, ты не должен забывать „зачем?“ и что ты этим хочешь сделать»*.

Повторяя призыв: *«жить, быть здесь, сейчас, теперь»*, то есть находиться в настоящем, овладеть искусством пребывать в мире в настоящем времени, мы должны помнить, что это тоже невозможно осуществить практически, не зная психологического образа будущего.

Ничего невозможно осуществить сознательно, если вы не осознаете образ будущего, то есть степень сознательности вашей устремленности полностью определена степенью осознания реального психологического образа будущего, который вы внутри себя содержите. Насколько вы осознаете этот образ, настолько вы сознательны в своей устремленности. Насколько не осознаете, настолько несознательны в своей устремленности, настолько зависимы от внешних влияний.

Мы здесь, чтобы жить

Я думаю, что мы здесь, чтобы жить. Я придерживаюсь той версии, которая выражена в одном суфийском высказывании: *«Слон сильнее человека, тигр может больше его съесть. Человек рожден, чтобы учиться»*.

Мне кажется, если говорить о прогрессе, то это **движение человека навстречу самому себе**. Для меня это мера реального развития человечества — то, насколько оно приближается к встрече с самим собой.

Мне кажется, что эти бешеные поиски экзотического третьего голоса в диалоге с миром, типа инопланетян, других сущностей и прочее, прочее, прочее, — от лукавого. Не потому, что я оспариваю возможность или реальность существования этих экзотических моментов. Я сам сталкивался с людьми, которые непосредственно пережили другие аспекты реальности. Но это все, как говорят индусы, сиддхи — цветы у дороги. Или, как говорил тренер, с которым я работал: *«А мы прыгать выше от этого будем?»* (Он был тренером по прыжкам в высоту.) *Мы от этого к самим себе приблизимся?* Бежать от самих себя — тут мы все мастера. Вся наша цивилизация — это искусство человека убежать *от самого себя*. Во что угодно: в деланье, в других — куда угодно, лишь бы от себя. Не к себе движение, а от себя, все время. Жажда разволотиться.

С другой стороны, мы уже выяснили, что *в себя* бежать — это тоже иллюзия, это значит бежать в никуда.

А вот *к себе* бежать, чтобы осознать свое величие в качестве человека — не должностного лица, социальной позиции, какой-нибудь специфической одаренности, — а в качестве просто человека...

Его величество человек есть соединение двух бесконечностей: бесконечности субъективной реальности и бесконечности объективной реальности. Хочет он этого или не хочет. По факту. Он так сделан. Уникальность порождена стыковкой двух бесконечных вещей, двух вселенных: вселенной уникальной, субъективной, и вселенной мира... Мое убеждение, что это движение — навстречу самому себе. Навстречу. Я оптимист. Я думаю, человечество придет к переживанию этой встречи. Для меня в этом смысл существования человечества и человека как такового. Но это мое персональное знание, это не претензия на истину. Это мой личный индивидуальный смысл. Мое личное переживание.

По этому поводу немного раскроем вопрос веры в таком ракурсе: Верят в Бога, а не Богу. Все, что нам дается, это от Бога.

Понимаем мы правильно или неправильно — не очень важно. Это зависит от предмета понимания и его социальной значимости в данном социально-психологическом мире. Может быть, важно правильно понимать, а может быть, совершенно не важно. Ведь смысл в том, что то, что мы считаем единственно главным и уникальным, то есть сознание, точнее, его рассудочная часть (понимаю — не понимаю, правильно — неправильно), — это как раз самая маленькая часть нашего человеческого существа.

Замечательно это сформулировал П. В. Симонов: *«Наше мышление делает одну-единственную работу — обслуживает наши потребности».* Больше оно ничего не делает. А смысл жизни, или смысл какого-то действия, или существования самого сознания, так же как и смысл самого себя, можно обнаружить только в переживании.

Вы посмотрите внимательно вокруг. Чувства не соединяют людей, а переживания соединяют, даже отрицательные переживания. Тяжелое, негативное, но пережитое вместе — соединяет. Почему человек, с одной стороны, жалуется, что ему с кем-то ужасно плохо, невыносимо, а с другой — не может от него оторваться? Потому, что у них совместных переживаний много, а к другим только чувства.

Чувства — это что? От меня к тебе, от тебя ко мне. Но они не пересекаются. А переживания — это то, что соединяет. Поэтому переживание — это то, что трансформирует, в том числе и сознание, за счет обнаружения нового смысла. Вопрос веры нельзя перевести на язык сознания.

У человека, который имеет веру, — одно видение. У человека, который веры не имеет, — другое. Тот, кто любит, — это один человек. Тот, кто не любит, — другой. Человек, который знает, — это один человек, который не знает, — другой. Но самое сложное здесь состоит в том, чтобы выяснить, что вы подразумеваете, когда говорите: *«Верить в Бога».*

Ведь это знаменитая, повсеместно распространенная традиция. Влюбленные в Бога — безумцы для внешнего наблюдателя. Они действительно безумцы, поскольку то, что в быту называется умом, отдали Богу. Он им не нужен. Они отдали. *«На тебе, Боже, что мне негоже, я могу прожить без этого, мне достаточно любви».*

Юродивый безумен. Но он порождает смысл. Поэтому мы, большинство из нас, всегда подаем ему подаяние, всегда чувствуем, что это божий человек, при всем нашем рационализме и скептицизме. Потому что его существование делает нашу жизнь более осмысленной. Мы все хотим любви, но немногие на нее решаются, потому что это безумие.

Гораздо проще — какой-то эмоциональный контакт, резонанс, конвенция, дружба, страсть. Можно сделать такую конвенцию красивую и назвать это любовью. А дистанция как была, так и осталась. Чтобы не страшно было. Единственное место, где нельзя сохранить дистанцию, — это интимные отношения. И то я знаю людей, которые владеют такой энергетической техникой, что могут это все на расстоянии трех метров делать без всяких физических движений. Лишь бы избежать, лишь бы сохранить дистанцию. А называется это знаете как красиво: малая тантра — такое искусство делать это на расстоянии. Видите, и тут сбежали некоторые.

Сознание обслуживает наши потребности, в том числе потребность в безопасности, то есть в гарантированном будущем. Вот наша главная цель. Дайте гарантии, и все. Любой шарлатан прежде всего дает гарантии.

Поэтому технологию нужно называть технологией, сознание сознанием, веру верой, любовь любовью, а человека человеком, ибо он никакими описаниями не исчерпывается, так же как и реальность. Есть прекрасная формула: *«Любое описание реальности чему-нибудь в реальности соответствует, но все описания, вместе взятые, реальность не исчерпывают»*. Ибо реальность не есть описание. Она тотально присутствует. Она неопишима. В прямом смысле этого красивого слова. *Неописуема*. Поэтому ее можно только отразить.

Что и есть человек — отражение реальности. Поэтому его субъективная реальность столь же бесконечна, как и объективная, и уникальна, ибо это его личное единственное отражение.

И в этом трагедия: когда уходит человек, исчезает неповторимая картина. Нельзя повторить ни одно художественное произведение. Можно сделать его копию, но повторить нельзя: *оно уникально по определению*. И человек по определению уникален.

Два осознания

Могу поделиться моим индивидуальным опытом. *Что мне помогло сделать решающий шаг во взаимоотношениях с собой, снять дистанцию в отношениях с собой?* Два осознания. (Они были не только осознаниями, но и переживаниями, но осознание можно рассказать.)

Я осознал, что во мне есть все, что и в любом человеке — от самого последнего преступника, развратника, гада, чудовища, которого я на дух не принимаю, до того, на кого я готов молиться, о котором думаю: *«О Господи, никогда не достигну»*, до Франциска Ассизского. Все это есть во мне. И как бы я ни извивался, я от этого никуда не денусь. Все это есть. Если я буду отрезать с одной стороны, со стороны *плохого*, так сказать, то это автоматически приведет к тому, что я буду отрезать и с другой стороны.

Это маятник, качели между манией величия и комплексом маленького человека. Нужно остановить этот маятник, эти качели, сказать: *я ни большой, ни маленький, ни хороший, ни плохой. Я просто человек изначально*. Это было первое осознание.

Дальше возникла проблема: а как полюбить этого человека теперь, если он такой вот? Это же не означает, что нужно реализовать все. Я же не хочу попасть в компанию насильников, убийц. Я хочу попасть в компанию, где Моцарт, Бах. И вот тут что-то случилось. Я не могу найти этих слов.

Я посмотрел на тех, в чьей компании хочу оказаться, и увидел в них людей, в которых тоже все есть. Во Франциске Ассизском тоже есть садомазохист какой-нибудь. Но они эти свои места куда-то приспособили так, что получился *другой* результат...

И тут со мной случилась любовь. Любовь — это и есть то, что из всего объема делает чудо. Это было вторым осознанием. Помните, как у Ахматовой: *«Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда»*. Полюбив, вы открываете, что весь этот материал любовь может превратить и воплотить во что угодно. А если нет любви, тогда все в руках социума. Все определяется тем, в каком социально-психологическом мире человек родился, какое воспитание получил, какие обстоятельства. Как социум сыграл на этом, какие кнопки, клавиши он нажал, то и получилось. Нажал эти — получился начальник, эти — святой.

Если мы не верим, что каждый человек от Бога, мы попадаем в одну компанию с товарищем Прокрустом: *остальных надо усовершенствовать*. А раз надо усовершенствовать, то кто-то знает как. А знающий как совершенен по определению.

Если уж вы веруете в Бога (или Богу), то должны выдержать тот ужасный факт, что, полюбив человечество, не можете сделать из него заповедник: *нужно любить всех*. Либо вы не можете любить человечество — не в состоянии. Тогда любите *своих*. Тогда так и нужно говорить:

я люблю своих, тех, кто вписывается в мое Мы. Тогда вы с неизбежной логикой рано или поздно попадете в конфронтацию Мы и Они.

Поэтому в серьезных духовных традициях высшим духовным достижением считается пережить себя — не познать, а пережить, — как часть человечества. Пережить себя как часть пустоты, то есть как небытие, — это самое простое. Следующее по степени — пережить себя как Мир, как все, как космос, как часть космоса. И самое невыносимо трудное — пережить себя как часть человечества, а не как часть Мы. Иначе Они все равно будут мешать. И их надо, ну, если не в концлагеря, то хотя бы вон из духовности.

Образ будущего

Есть внутренняя обусловленность, а есть — внешняя. Так вот, **внешнему обусловливанию вы подвержены тем больше, чем меньше осознаете свой образ будущего.** Тогда вы принимаете какой-нибудь красивый образ будущего, который в вас отзывается, но идет извне. И вы не пытаетесь даже понять, каким образом он стыкуется или не стыкуется с вашим внутренним образом. Естественно, вы привязаны к этому образу, к человеку-автору этого образа будущего, потому что будущее не в ваших руках, а в руках учения, гуру, психолога, вождя, учителя. В этом месте рождается простор для манипуляций.

Вы мне скажете: но есть же такой ход, как отказаться вообще от всякой модели будущего и сказать: *вот я здесь сегодня и сейчас, и все, и больше мне ничего не нужно.* Но это самообман, о котором мы уже говорили. Человек не может перестать быть человеком. Только если умрет. И то неизвестно. Значит, это просто самообман. Такое представление тоже должно быть обеспечено картиной будущего.

Была однажды замечательная статья в журнале «Знание — сила», где говорилось про эффект Эпиходова. Есть люди, на которых все время «кирпичи падают», они постоянно привлекают к себе всякие несчастья. Значит, у человека какая-то поломка в механизме опережающего отражения. В норме человек, сам не осознавая почему, думает вдруг: «Я лучше полечу следующим самолетом». В норме человек на бессознательном уровне предчувствует: «Пойду-ка сегодня по той стороне улицы». И именно сегодня на той стороне улицы, где он всегда ходил, вдруг — бабах! — балкон обвалился. И т. д. В норме человек действительно создан для счастья.

Я очень люблю знаменитое выражение: *«Человек предполагает, а располагает, к счастью, не он».* Представьте, что все наши предположения, я имею в виду умозрительные, сбываются. Мир давно исчез бы, развалился, погиб. Но располагает, к счастью, не умозрение, а целостность наша, наша тотальность. И вот наша тотальность настолько, насколько она не покалечена или насколько мы ее подпитываем, находится в таких отношениях с реальностью, о которых мы все мечтаем. Но мы же эти отношения уже имеем.

И в этом смысле духовные традиции говорят: *ты уже просветленный, просто тебе это надо пережить, и все.* Вы все просветленные. Это безусловно так, потому что наша тотальность ведь все равно существует. Хотя мы и пытаемся изуродовать ее изо всех сил, как и природу, ибо тотальность — это природа человека. И при всем экологическом безобразии, которое мы устроили со своей внутренней природой, она все равно существует, она не погибла. И вряд ли погибнет. Скорее мы погибнем, я имею в виду наши материальные носители. Скорее человечество погибнет, чем сможет уничтожить природу. Это, по-моему, достаточно ясно. Это мания величия у человека. *«Мы такие сильные, что можем уничтожить природу».* Не волнуйтесь, в нужный момент природа уничтожит нас, не опомнимся. Природе ведь все равно, в отличие от нас. У природы нет модели будущего. А у нас она есть. Поэтому нам не все равно.

Есть такая простая притча:

- Батюшка, что будете пить: молоко или воду?
— Мне все равно, давайте молоко.

Это вот *«мне все равно»* — это иллюзия. Никому из нас не все равно по той простой причине, что вся ценностная структура, иерархия ценностей, согласно которой мы совершаем выборы в настоящем, плотно завязана с образом будущего.

Таким образом, у нас с вами две совершенно реальные, доступные каждому возможности. Как минимум две (я просто беру сейчас самое наглядное). Первая: всячески способствовать тотальности своего существования в мире, доверять себе, своей богоподобности. Она в таких интимных отношениях с реальностью, что наше юное сознание, которое как пацан говорит: *я все знаю, я сам, сам, сам*, — ну, пусть оно просто... пусть знает свое место — обслуживает наши потребности. Вторая возможность: отказаться от всего богатства отношений с реальностью и по-прежнему опираться на бытовое сознание.

Полнота бытия

Когда мы осознаем жизнь не как движение от цели к цели, не как реализацию потребностей в иерархической борьбе мотивов, а как пребывание в мире, как бытие, — становится ясно, что даже самый изощренный интеллект и самосознание приносят нам пользу ровно настолько, насколько поддерживают и развивают тотальность нашего существования в мире.

Это можно выразить таким образом. Стоит дерево — можно его подрезать, придать ему такую форму, иную, то есть проделать с ним определенные манипуляции, исходя из некоего замысла. До определенного момента, пока оно остается деревом. Если эту границу перейти — оно гибнет и превращается в сухое дерево, а это уже дрова.

Так и человек. До определенного момента мы можем, вырывая из себя некоторую часть, любоваться этой частью, увлекаться ею, заниматься только ею, придавать ей различные формы, но если перейти границу — это смерть.

Мы хотим ощутить полноту бытия, в которой может раскрыться наша уникальность, не как несчастный случай, а как внутреннюю радость, как счастье. Потому что, пока мы тотальности не даем свободы, уникальность — это несчастный случай. Она жутко мешает. Хочется быть как все. *Ну, что же я один такой, никто меня понять не может до конца, да я сам себя не понимаю.* Если мы хотим ощутить радость и наслаждение от своей уникальности, то должны двигаться в ту сторону, где наше тотальное пребывание было бы первоосновой осознания самих себя и мира.

Все те вооружения, тот инструментарий, который нам дан природой, социумом, эволюцией человеческого рода, — уже потом. Весь этот инструментарий нужен для решения конкретных задач, частных. Но он ни в какой степени не заменяет полноты бытия, которая проведет нас по жизни без всяких, извините, мистических заморочек. Просто вы перейдете на другую сторону улицы именно в тот момент, когда на этой упадет балкон. И скажете: *«Боже, как мне повезло, совершенно случайно!»*

Что нам мешает верить? Мышление. У него нет картины. У него есть описание. Пока прочтешь описание, уйдет настоящее, жизнь же не остановится на это время. Сделать это, то есть отказаться от описания, каждый сможет тогда, когда соединит два момента.

Первый — переход от узкого понимания интуиции как явления сверхсознания к пониманию ее как тотальности пребывания в мире, как сочетания жизни и бытия. Второй момент — максимальное осознание картины будущего во всех его аспектах: желаемого, прогнозируемого, гарантированного. Если эти два действия внутренних происходят, то вы пребываете в своем *«зачем?»* и знаете все *«как?»*, которые вам нужны.

Со всеми нами бывало, когда нужная книга оказывается рядом. А до этого «я ее так искал, так искал!». Был замечательный случай на сессии в Москве, году, наверное, в 1968-м. Я жил у своего приятеля-однокурсника, и мы вели философские беседы. И все говорили: жалко, Евангелия дома нет, вот Евангелие надо, надо; завтра спросим, может быть, у кого есть. Тогда с этим еще трудно было. Проходит один вечер, второй, третий. На четвертый вечер я поворачиваю голову, лежит стопка книг, и сверху Евангелие. Я говорю: «Так вот же Евангелие». — «Ой, а я совсем забыл, что оно у меня есть».

Понимаете, вот это и есть Бог в нас, это и есть бытие в нас. Это и есть наша тотальность, говоря другим языком. Это основа того, что мы называем *человек*, основа реальной уникальности, каждой единично взятой персональной жизни.

Жизнь так обнаруживает свою персональную значимость без ссылки на будущие поколения. И сегодняшняя, эта единственная уникальная наша жизнь обретает для нас самих подлинную значимость, когда опирается на переживание нами своего бытия, своего пребывания в мире как полноты, как совершенства, ибо бытие — совершенно. И в этом смысле сказано: *мир совершенен*.

Всякие иллюзии, концепции по переделке мира, говоря старинным языком, — богохульство, а говоря языком современным — просто элемент мании величия. Мир совершенен как бытие. Но это не означает, что в мире нечего делать, потому что все сделано. Наоборот, в нем колоссальный простор для любого делания, именно потому, что он совершенен как бытие.

И человек любой как бытие совершенен. И потому у него колоссальный простор не для переделывания себя в соответствии с каким-то внешним идеалом, а для раскрытия, для того, чтобы жизнь и бытие максимально приблизились друг к другу. И тогда, независимо от функциональных описаний вашей жизни, она раскрывает вам ваше же совершенство. Какой бы они ни была, она становится дорожкой, которая приводит вас к себе. Вы вдруг обнаруживаете, что вы ничем не хуже и ничем принципиально не отличаетесь от всех тех, кого боготворите, кого считаете великими. Вы точно такие же.

Знаете, когда со мной случилось это переживание?

Это было у озера в Литве. Там сосновый лес, песок, лето. Прекрасно. И во всей этой обстановке я читал очень любимого мной Раджниша, и вдруг со мной случилось это. Я смеялся восемь часов вслух и еще семь часов про себя. Я не мог остановиться. Понимаете? Мое «зачем?» оказалось абсолютно реализованным, потому что оно, оказывается, всегда было со мной. Но понадобилось двадцать лет, чтобы до этого дожить, двадцать лет учебы и почти сорок лет жизни.

И тогда у меня возникло желание каким-то образом поспособствовать тому, чтобы это произошло у каждого человека, не у избранных, не в эзотерических там кругах, — ведь мы все такие.

У нас у всех по факту пребывания в мире есть интимная связь с совершенством как таковым. Мы имеем совершенство в себе, и мир в себе имеем, как бытие. Нас отвлекает от этого механическая жизнь. Кажется, что раз жизнь несовершенна с точки зрения наших желаний, то и бытие несовершенно. Но бытие совершенно, оно с жизнью совсем в других отношениях. Если жить, а не гнаться за ускользающим титулом чемпиона или рыдать, приняв титул проигравшего, а идти к самому себе, то вы можете любую форму в жизни наполнить собой. Своим содержанием. *Собой*. И все время сближать, уничтожать разрыв между жизнью и бытием. И все больше и больше ощущать полноту бытия, что позволяет совершенно иначе относиться даже к очень драматической истории своей жизни. *Разве у тех людей, которых мы возводим на пьедестал, разве у них с детства молочные реки, кисельные берега?* Они жили не менее трудной жизнью.

Франциск Ассизский прожил труднейшую жизнь... Наша жизнь по сравнению с его — вообще сахар. Но это же не помешало ему пребывать в бытии и ощущать совершенство мира, любить Бога, разговаривать с животными и птицами и вообще *быть*... Это не помешало Папе

Римскому встать из своего кресла и пойти к нему навстречу. Вот это настоящая сила. Это то, для чего мы родились, то, что нам дано.

Нам дано *быть человеком*. Нам не всегда дано жить по-человечески, это обстоятельства времени и места. Но быть человеком нам дано. И если вы в свою картину будущего поместите себя радующегося, счастливого во всей полноте бытия, то найдете эту дорогу «как?».

Если же в картине будущего у вас страдательный образ проигравшего в социальных гонках, вы не найдете этого бытия, хоть будете рядом с самим Буддой или Христом. Ибо сказано: *«Можно прожить тысячу лет рядом с Буддой, выполнять все его указания, и ничего не произойдет»*.

Мы все этого вроде бы хотим. Но все наше социальное всячески этого избегает. Ибо социальное — значит уничтожение уникальности; к сожалению, пока социум, человечество как социальный организм не может состоять из уникальных. Оно не знает: *как это? как тогда жить?*

Поэтому жизнь социальная требует уничтожения уникальности. Чем вы менее уникальны в жизни, тем больше у вас шансов на успех. И бытие, оно там вот тоскует и просит, дух тоскует и все время недоволен, потому что бытие требует реализации уникальности. И это можно решить. К этому можно прийти. Тогда не вообще будет валить валом любая информация, а будет та заветная приходит, и учителя, и книжки — все что угодно, и голоса (кому это угодно). Но все будет идти в «одну кассу», как говорил мой Учитель. Он говорил: *«За все в жизни нужно платить. И весь вопрос в том — ты выбрал кассу или сам не знаешь, куда уходят твои капиталы?»*

Потому что единственные реальные деньги, которые есть у человека, — это его жизнь. Это золотой фонд: годы, часы, минуты, секунды, мгновения нашей жизни. Вот этим мы платим. Если платим в кассу бытия — мы совершенны. Мы движемся к реализации своего совершенства или уже пребываем в нем. А если мы это разбрасываем в разные другие места, то у нас и жизнь не получается, а уж про бытие и говорить не приходится. *Какое там бытие? Что вы говорите, Игорь Николаевич? Жрать нечего.*

Таким образом, у нас что получилось? У нас получились два основных «зачем?». Одно связано с раскрытием своей уникальности через понимание, осознание, переживание того, что механическая жизнь — это не все, что дано человеку, а только часть пребывания в мире. Есть еще нечто, что мы назвали бытием, полнотой реализации, полнотой пребывания, тотальностью. Второе «зачем?» — чтобы жить лучше! Вот тут и ловушка. *Что такое жить лучше?* Тут обнаруживается двойственность, устремленность расщепляется, и человек теряет силы. *Лучше — хуже по какому критерию?*

Как предпочесть бытие, главенство бытия над жизнью, как осознать, что жизнь есть часть бытия, а не наоборот? Здесь возникает проблема веры.

Если человек религиозен, он регулярно молится. Сама по себе молитва — это сакральная деятельность, деятельность по производству смысла, а не чего-нибудь другого. Если он молится, конечно, а не торгуется с Богом — ты мне это, я тебе то.

Есть замечательная притча про купца, который попал в кораблекрушение. Взмолился, Бог ему явился. Он говорит: «Спаси меня, я церковь построю замечательную в Твою честь». Творец его спас. Но купец есть купец. Он опять плавает, опять попадает в кораблекрушение. Опять взывает к Богу, опять Бог ему являлся. Он говорит: «Спаси, я Тебе построю еще две церкви». Бог отвечает: «Нет, в этот раз, парень, изви-ни. Ничего не могу сделать. Я год работал, чтобы собрать вас на этом корабле».

У человека может быть свой замысел, а у Бога — свой.

Две модели жизни

Есть две принципиально разные модели жизни. Они существовали всегда, во все времена, и связаны именно с вашим «зачем?». *Зачем я здесь?* Я здесь для того, чтобы прожить свою жизнь как можно лучше и удачнее по критериям социума. Как только — главное прожить, так сразу «во имя». Так просто прожить нельзя. Нужно только «во имя». Во имя своих детей, во имя счастья страны, народа, для спасения человечества. То есть сразу нужна идеология, потому что без нее ничего не получается.

А вера зачем? Как только «зачем?» — это прожить, так сразу соревнование, так сразу разговоры о моральности—аморальности, хорошем — плохом, о правильном — неправильном. До хрипоты люди спорят на протяжении столетий веков, понаписали кучу книг, произнесли море речей, и ничего не изменилось по существу. И не может измениться, ибо такая жизнь — это механическая часть нашей целостности. Это типическое, а не уникальное в нас. И для такой жизни достаточно иметь только инструменты, и то понадобятся далеко не все.

А сейчас жизнь такая сложная, что понадобились экстрасенсорные возможности, сиддхи, всякое разное другое, инопланетяне. *Почему?* Да потому, что жить совсем трудно. Невозможно просто прожить, **жизнью надо жить, а не проживать ее**. Нужно привлекать такие идеологии, которые бы хоть как-то выдернули меня, вас.

В полноте бытия таких проблем просто не существует, когда жизнь — это средство, твоя собственная, не чужая, в тебе самом — средство. Либо движение навстречу к себе бытийному, либо реализация этой встречи — реализация твоей бытийной полноты и уникальности. Тогда, во-первых, она, при всех трудностях, сложностях, боли, занимает то место, которое должна занимать — ни больше, ни меньше. А во-вторых, вы будете эффективнее, потому что вы и она — это не одно и то же.

Грубо говоря, вы перестанете быть параноиком, который весь завязан на одном: я умру, я умру, я умру, надо спешить, надо спешить, дети подрастают. Коридорчик такой, а в конце лампочка под названием «*счастливое будущее будущих поколений*».

Есть знаменитая притча.

Жили два принца. Один отказался от своей половины государства, которая ему была завещана, и ушел в странствующие монахи. А второй стал царем. Прошел год, они встретились. Царь говорит своему брату: «Ты герой, гигант духа. Пожертвовал всем ради истины».

Он говорит: «Да какой я герой, я расчетливый эгоист. Я променял дерьмо на алмаз. Вот ты герой».

Мы все герои. Мы хотим вырваться из этого, а сами — как лошадь в шорах. Хотим вырваться, и что-то нам все время мешает. *«Ну ладно. Ну, вот еще это я сделаю, это сделаю, а потом начну жить духовной жизнью»*.

Ничего не получится, вы так и будете дергаться, если не произойдет главный момент поворота событий — нахождение бытия. То есть пока вы не растождествитесь, говоря грубым словом, с такой жизнью, вы не найдете себя, вы будете все время находить эту свою жизнь, с которой вы отождествились. Точно так же, пока вы не растождествились с сознанием, вы не найдете себя, потому что везде будете находить свои мысли, свое сознание. Это и есть то, что порождает страдание. Бесконечно порождает.

Потому что меня нет. Есть сознание и жизнь. *А кто я такой? Вы что, сможете обнаружить себя в своем сознании?* Нет, не обнаружите. *Вы сможете обнаружить себя в своей жизни?* Нет. Вы там обнаружите Иванова Ивана Ивановича или Иванову Татьяну Сидоровну, родившуюся тогда-то, там-то, и т. д. Вы можете обнаружить биографию личности, социального существа, функциональные заслуги, реализацию биологических программ, социальных. А себя как уникальность вы там не обнаружите.

Есть Я и есть моя жизнь

Растождествиться с жизнью — не значит умереть, уйти в небытие. *Растождествиться с жизнью — значит родиться, обрести бытие и жить свою жизнь.*

Вот эта возможность родиться бытийно — это и есть, строго говоря, *просветление*, когда человек себя самого обнаруживает как бытие. И тогда он говорит: спасибо тебе, жизнь, за то, что была такой, какой была, потому что ты меня довела до этого места.

«И сжег он то, чему поклонялся, и поклонился тому, что сжег». Почему в духовных сообществах манипуляции с прошлым запрещены? И вопрос «что было бы, если?..» — считается просто абсурдным. Было бы то, что было бы. Самая большая эзотерическая истина: то, что происходит, — происходит, а что не происходит — не происходит.

Куда направлена ваша устремленность? Если вы сами не сможете сделать поворот от полной зашоренности механической жизнью к поиску себя в бытии — никто вам не поможет. Никакие книги, никакие самые совершенные учителя, гуру, никакие вековые традиции — никто. Помощь уже оказана изначально. Вы родились. Это и есть помощь. Вы пребываете в мире — это и есть помощь. Это и есть благодать. Протяни руку — вот она, вот она. Она не где-то там, она здесь, сейчас, теперь.

Но поиск себя в бытии требует усилия. Иногда это очень больно. Потому что, когда нас делали, то есть социализировали, ни о каком бытии не могло идти речи. В нас нет соответствующих привычек, нет ничего, заготовленного для бытия. Как бы ни тяжела была наша жизнь, она нам знакома, она для нас самих предсказуема, понятна, объяснима. Мы в ней устроились, мы в ней обжились, соединены с нею переживаниями, в том числе и негативными, но переживаниями. Мы с ней сплавлены.

А тут говорят:

— Выйди из поезда.

— Зачем?

— Да там целый мир!

— Да? Как интересно! Здорово! А что, и Будда там, и Христос? И Магомет? Ну, я выйду на следующей остановке.

— Остановки не будет. Надо прыгать.

— Прыгать? А если я ноги поломаю?

Да, хорошо в окошко посмотреть. Как прекрасен этот мир, посмотри...

Ой, приехали. Похороны. Так и не вышел из вагончика.

Ничего не произойдет само собой. Надо прыгнуть. *А что такое прыгнуть?* Это значит сделать внутреннее усилие, довериться, поверить: есть еще что-то, кроме того, что называется жизнью в смысле личной истории. Надо, чтобы это было ценным, чтобы это было включено в картину будущего. Вот и ответ на все «как?».

Человек говорит: да, очень интересно. Ходит на лекции, на занятия, тратит на это деньги, медитирует, совершает обряды, но ничего не происходит. *Почему?* Потому что переход на качественно другую ступень бытия не включен в картину будущего, а значит, не имеет ценности. Поэтому лучше после смерти. Все хорошее будет после смерти. Это называется: *«Не мешайте мне жить так, как я сейчас живу».*

— Да, я страшно живу, ужасно живу. А вот после смерти мы займемся духовностью. Бытие... Но после. Сначала я должен получить высшее образование, заработать много денег. Дом, семья, дети, внуки. Хорошее место на кладбище, хороший памятник чтоб мне поставили, помнили чтоб все меня. А потом...

А вдруг этого «потом» не будет? А вдруг это последний раз и единственный? Потом будете шляться там...

Общалась одна женщина с голосами, потом ей явился небесный жених, — действительно реальный контакт, все проверили, он ей биографию рассказал, нашли в архивах. Мальчиком его отдали в монастырь. Там он прожил жизнь, умер. Сейчас болтается на втором уровне в качестве бестелесной сущности, не реализовал свою уникальность. Теперь пристает к тем, кто живет, чтобы через них как-то что-то.

Чего же вы хотите

Значит, прежде всего *надо разобратся в характере своей устремленности.*

1. Если вы хотите усовершенствовать, улучшить эту свою жизнь, вам нужна простая конструктивная психология. Знание социальной динамики, ролевых особенностей социального поведения. Карнеги и прочие, прочие. Вы будете эффективны потому, что не станете забивать себе голову «сопутствующими товарами» типа медитации. Это сопутствующие товары, для функциональной жизни не предназначенные.
2. Если вы хотите бытия, хотите уникальности, — прыгайте. Спрыгните с поезда механической жизни. Он прекрасно катится и без вас, что поразительно. И от вас действительно мало что зависит по отношению к такой жизни. Это социальные условия, производительные силы.

Но бытие — оно же ваше. И никто вам его не даст, и никто у вас его не забирал. Это ваш личный поступок. И зависит он только от вас, больше ни от кого, даже от Господа Бога, не зависит! Потому что он все уже дал! Это не то, что надо заработать или достигнуть и поэтому можно отложить. Это есть сегодня, сейчас, у каждого. Не хотите — это лично ваше событие, ваше личное отношение к бытию.

Если вы не прыгнули, не вошли в то, что вам дано — в эту самую бытийную полноту, — все остальное, ребята... В какой бы экзотической упаковке оно ни было — не поможет. Потому что поводья держит и узду натягивает жизнь. И пока вы не сядете на ее место, вся эта упряжка будет катиться туда, куда жизни надо, а не туда, куда вы хотите. И тогда можно говорить: *а как же свобода воли?* И придумывать концепции на эту тему. *Какая свобода воли, о чем речь?* В бытии не надо концепций, там сразу чувствуешь, что у тебя есть свобода воли. Потому что там есть ты.

Вы должны быть кучером, а жизнь — лошастью, и это не вопрос социальной вооруженности. Это вопрос внутреннего поступка, внутреннего проживания.

Единственное технологическое звено, которое мне удалось сформулировать, — это то, что ***вся манипуляция настоящая состоит в образе будущего.*** *Почему дети, которые так борются со своими родителями, со временем становятся так на них похожи? И делают то же самое со своими детьми, забыв, как это им не нравилось?* Потому что социальное наследование идет именно по картине будущего. Картинка-то от мамы с папой. Своей-то не появилось. И тогда получается это знаменитое: *«Ну что же тут поделаешь? Ничего уж тут не поделаешь, уж такая тут ситуация».*

Мы нуждаемся только в одном: *в самих себе.* Мы нуждаемся в мужестве прыгнуть. Вот чего нам не хватает. Нас так запрограммировали на эту жизнь, что прыжок в бытие кажется нам подвигом. А больше ничего делать не надо.

Но все-таки жизнь и бытие взаимосвязаны, и человеку надо есть, пить. Вот вы прыгаете, а потребности эти все равно остаются.

Прекрасно, у жизни тогда другой вкус. Ну вот: можно взять отдельно сырой рис, сырую морковь, сырое мясо, масло, лук, чеснок, зиру, барбарис, кориандр, перчик там, — можно съесть. А можно разжечь огонь, поставить на него казан, прокалить масло и т. д., получится плов. Другой вкус!

Так вот бытие — это тот самый огонь. На нем можно приготовить живую жизнь, которой можно жить, а не проживать. Другой вкус. А жить, конечно, надо.

Вы помните знаменитое изречение одного из патриархов: *«До просветления колос дрова и носил воду, и после просветления колос дрова и носил воду»*.

Естественно. *«Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда»*. Но вкус...

Одно время я любил выйти перед аудиторией и похвастаться: достиг всего, чего хотел достичь, умею все, что хотел уметь, и знаю все, что хотел знать. Это чистая правда. Мне говорят:

— Так чего же вы достигли?

Я говорю:

— Мне жить хорошо, интересно, вкус у меня появился другой, и все. Ничего особенного... Левитацией не владею, телекинезом не владею, и не надо мне. Зачем? И так хорошо.

— *В открытый космос выходили?*

— *Нет.*

— *А почему?*

— *Да нам и здесь хорошо.*

В бытии нужна беспощадная устремленность, беспощадная к себе. И преображение. Постигание и преображение — вот формула бытия. Постигание и преображение, и одно невозможно без другого. И конечно, способность выдержать необходимость быть прозрачным для мира, иначе бытие ускользает. А это поначалу бывает очень страшно. Потом ничего, привыкаешь.

В бытии надо быть прозрачным. Как же это? Это значит быть целостным. Понимаете: поставить все то, что создает загородки, на свое место и быть целостным, открытым к миру, к людям, к реальности — и к своей внутренней реальности, и к внешней реальности, и к жизни. Тогда открывается, что они тесно взаимосвязаны. Много прекрасного открывается. Все то, что вы с таким увлечением читаете в книжках, так оно и есть, но в другом месте.

Но ведь можно же все это себе нафантазировать, а проверить-то нельзя. Конечно, можно себе придумать фантастику, а можно быть. И если будете «быть», то вам не нужна фантастика, потому что бытие так фантастично, что никакая фантастика в сравнение с ним не идет, и все это можно объективизировать. Самое смешное — можно объективизировать и даже проверить строго научными методами.

Просто жизнь становится другой. Она с того места иначе выглядит. Вы не в ней, вы не запечатаны в ней. А вы в бытии, вы ее видите, и тогда у вас совсем другие возможности, чем когда вы сидите в ней.

Но ведь у каждого свой путь, свой жизненный опыт — возразите вы. Но это ваша свобода. Конечно, правильно, что вы ищете свой путь. Поэтому существует необходимость в практике. Постигание и преображение невозможны без практики. Как говорил Раджниш: *«Чтобы просветление произошло, нужно очень много работать, хотя оно происходит не в результате этой работы, но без нее оно не происходит никогда»*. Нужна практика, нужна реализация своих фантазий. Иначе вы уйдете в субъективную реальность, потеряете резонанс между субъективной и объективной реальностью.

Реализация нужна, конечно. Это самое тяжелое. Это мало кто любит. Нужно потратить девять-десять лет на практику, чтобы произошло преображение.

Что же главное на пути? Мотив движения по духовному пути в любой традиции — это жажда учиться. Пока есть жажда, человек идет. Нет жажды — он останавливается. Без жажды учиться не победить ни гордыню, ни самость, ни желание быть победителем. Когда пить хочется, не спрашивают о взаимоотношениях между бытием и жизнью, пьют!..

Ну так вот, жажда учиться, сколько я сам наблюдаю за людьми, она — самое трудное. Когда человеку лет тридцать — тридцать пять, у него как будто обрывается что-то. В силу социального давления, программирования. У него исчезает эта жажда, и очень многие именно в этом возрасте прерывают свой путь. Позднее у некоторых она снова появляется. Но путь дол-

жен кончиться. Путь, который никуда не приводит, — это не путь, это иллюзия пути, мистификация.

Теперь давайте разберемся с понятием «мистификации». *Что я подразумеваю под мистификацией?*

Вивекананда, по прямому указанию Рамакришны, в начале XX века сделал колоссальную работу в Америке и в Европе для того, чтобы снять с йоги мистификацию, которой ее окружили англичане. И таким образом он дал колоссальный импульс реальной йогической традиции в Европе и Америке.

Сейчас, как я понимаю, существует большой социальный заказ, есть масса людей, которые его выполняют, продолжают традицию советского манипулирования людьми, то есть традицию невежества как политики.

Поэтому массы людей занимаются тем, что простые, ясные знания, необходимые людям: элементарные психологические, практические психологические знания, — выдают в такой упаковке, с такими одеждами, что люди просто не в состоянии в них сами без подготовки разобраться. И я стараюсь найти самые простые, самые точные слова, чтобы у людей был какой-то минимум информированности. Чтобы они меньше попадали в руки шарлатанов. Какой-то минимум, чтобы помочь людям выйти из позиции: «Сделайте со мной что-нибудь».

Я считаю, что невежество как политика — это самое страшное.

В этом смысле я стараюсь сделать все, чтобы у людей было больше возможности прикоснуться к чистым источникам, к тому, что по-настоящему, изначально называлось откровением. И я думаю, что, во всяком случае, многие из моих знакомых и друзей из других традиций, других религий в этом со мной солидарны и делают то же самое.

Я всегда был, есть и буду сторонником того, что общество, если оно хочет развиваться по-человечески, должно способствовать развитию активности субъекта, активности, а не пассивности. И болеть будем меньше, и отношения будут качественнее, и сделаем больше, и жить будет интереснее.

Жить. Быть живым.

Это значит быть бессмертным, пока живешь.

Без смерти.